

ISSN 1562- 2495 (print)
ISSN 1684-1581 (online)

Социологический журнал

2024

Том 30

1

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2024 Том 30 № 1

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. *Николаев В.Г.* «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17. Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chikagskaya shkola sotsiologii: Sbornik perevodov*. [Chicago School of Sociology: Collection of Translations.] Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17 (In Russ.)
2. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti*. [What do we know about freelancers? Sociology of free employment.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» – <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. ТОМ 30. № 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.1

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Е.А. Попов

- 8–25 Поиск оснований социологии страданий:
между экзистенциальным и социальным опытом

А.В. Быков

- 26–42 Когнитивная и аналитическая перспективы
в новой социологии морали:
основания различения и ключевые особенности

Д.С. Попов, Д.А. Шестакова

- 43–63 Человеческий капитал в изменчивом кризисном
обществе: стратегия социологического анализа

О.А. Игумнов

- 64–89 Концептуальная схема и эмпирическая проверка
операционализации социального капитала
организаций

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. Дудин

- 90–112 Отношение населения страны к основным
социальным противоречиям российского общества:
состояние, динамика, факторы

А.И. Нефедова, Е.Л. Дьяченко

- 113–142 Эффекты участия в международной мобильности
для российских ученых

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

М.А. Козлова, О.А. Симонова, О.Н. Мадфес

143–170 Социальные партнерства
современной российской школы как инструменты
формирования насыщенной образовательной среды
и преодоления неравенства

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

ПАМЯТИ Б.М. ФИРСОВА (1929–2024)

Б.З. Докторов

171–190 Малоизвестный Б.М. Фирсов

191 ПАМЯТИ М.Е. ИЛЛЕ (1952–2023)

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL**
2024. VOL. 30. No. 1
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.1

THEORY AND METHODOLOGY

- Popov, E.A.*
8–25 Searching for the Foundations
of the Sociology of Suffering:
Between Existential and Social Experience
- Bykov, A.V.*
26–42 The New Sociology of Morality:
Cognitive and Analytical Perspectives
- Popov, D.S., Shestakova, D.A.*
43–63 Towards a Sociological Understanding
of Human Capital in a Fluid Society
in a State of Crisis
- Igumnov, O.A.*
64–89 Operationalizing the Social Capital of Organizations:
Is it Possible to Measure the “Immeasurable”

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Dudin, I.V.*
90–112 The nation’s Attitude towards the Main Social
Contradictions in Russian Society:
Current State, Dynamics, Factors
- Nefedova, A.I., Dyachenko, E.L.*
113–142 The Effects of Participating in International Mobility
for Russian Scientists

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Kozlova, M.A., Simonova, O.A., Madfes, O.N.

- 143–170 Social Partnerships in Modern Russian Schools
as a Tools for Creating a Rich Educational Environment
and Overcoming Inequality

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

IN MEMORY OF B.M. FIRSOV (1929–2024)

Doktorov, B.Z.

- 171–190 A Little Known Side of B.M. Firsov

191 IN MEMORY OF M.E. ILLE (1952–2023)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1

EDN: BDFEQX

Е.А. ПОПОВ¹

¹ Алтайский государственный университет.
656049, Барнаул, Димитрова ул., д. 66.

ПОИСК ОСНОВАНИЙ СОЦИОЛОГИИ СТРАДАНИЙ: МЕЖДУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ ОПЫТОМ

Аннотация. Социология страданий является отраслью социологического знания, которая активно развивается в течение последнего времени. Возникает сложность с концептуализацией проблематики и объектно-предметного поля социологии страданий. Настоящая статья ставит цель проанализировать особенности поиска оснований отраслевой социологии, выявить ее теоретическую и методологическую ориентацию, определить ключевые направления в научном дискурсе, затронуть историческую канву развития. Поиск оснований социологии страданий ведется не в формате «страх — боль — страдание», являющемся традиционным для социального знания, рассматривающего страдание более предметно, а в аспекте соотношения экзистенциального и социального опыта индивида. В статье показано, что именно через дифференциацию двух типов человеческого опыта возможно более системное осмысление феномена страданий. При этом экзистенциальный опыт идентифицирован как состояние переживания бытия, сопряженного с внутренним конфликтом индивида, его нравственным выбором. В то же время социальный опыт обозначен как общее дело, а феномен коллективного страдания соотнесен с отчуждением индивидов или их общностей и групп от общего дела. В ходе обсуждения проблемы ставился вопрос о необходимости объективации страдания как социального феномена, а не только как индивидуального, переживаемого в виде экзистенции. Основной вывод статьи заключается в том, что поиск оснований социологии страданий должен вестись на уровне одновременного оценивания роли экзистенциального и социального опыта в возникновении и закреплении страданий в человеческом индивидуальном и коллективном бытии. Акцент только на экзистенции может увести социологию в метафизику или психологию. В то же время систематизация только социального опыта в рамках социологии страданий способна свести социальный опыт к формально накопленному, а сами страдания —

к «закрепленным» за общностями и группами. Таким образом, в статье признается необходимость при концептуализации социологии страданий учитывать экзистенциальный и социальный опыт.

Ключевые слова: страдание; социология страданий; коллективное страдание; социальный опыт; экзистенциальный опыт.

Для цитирования: Попов Е.А. Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1 EDN: BDFEQX

Введение

Страдание является объектом социологического исследования на протяжении более века. В течение этого времени акценты в изучении указанного явления заметно изменялись, более выраженными были социально-антропологический и медицинский ракурсы, но с обретением социологией страданий своего объектно-предметного поля направленность исследований данного явления стала иметь более определенный характер. Отраслевая социология не могла стоять в стороне от дискуссий по поводу содержания самого понятия страдания, часто идентифицируемого через смысловую триаду: «страх — боль — страдание» [11, р. 23]. Такая дискуссия вовлекала большое число представителей различных научных областей, прежде всего психологии и медицинской антропологии: в их ключе страдание рассматривалось как состояние индивида, представляющее собой реакцию на какой-либо существенный атрибутивный раздражитель (триггер) [27, р. 231]. Первоначально социологам достаточно сложно было преодолеть такую узкую трактовку страдания, приходилось, по сути, мириться с тем, что страдание является лишь своего рода «приложением к психике». По выражению Эммануэля Левинаса, в таком случае «страдание становится бесполезным — измерять его искажением черт характера отдельно взятого индивида совсем не безопасно: речь может идти вовсе не о страдании, а о боли или конкретном психическом расстройстве» [23, р. 60]. Примерно в этом же ключе рассуждают и другие авторы, которые понимают, что сведение страдания только к психическим реакциям не решает проблему, например, коллективного страдания, распространившегося в обществе или социуме, или страдания как ответа на вызовы современности с проявленными в ней социальными мотивами катастрофизации и кризисности бытия. По этому поводу В. Дэс, А. Клейнман и другие авторы отмечают, что страдание «выходит из головы человека» в социальный мир, и «в этой реальности расстановка сил меняется существенным образом, приходится иметь в виду распространившееся в обществе страдание, не знающее границ» [15, р. 35]. В то же время дискурс власти в рамках исследования социальных

ориентиров страдания также должен быть оценен на междисциплинарном уровне и в предметном поле социологии страданий. На этот момент, в частности, обращает внимание К.Г. Фрумкин: «...огромное значение страданий в социальной жизни объясняется даже не тем, что причинение страданий является инструментом власти и социального взаимодействия, но тем, что страдания маркируют требующие изменений проблемные зоны» [9, с. 73].

«Власть и страдание» становится постоянным трендом научных изысканий в течение всего периода становления и развития социологии страданий [22; 28; 30; 32; 36 и др.], однако еще более прочным основанием накопления теоретического и практического материала для отраслевой социологии стала проблематика страха и боли, которая активно обсуждалась на уровне этической и медикалистской рецепции. К слову сказать, между представителями медицинской антропологии и социологии страданий к концу XX в. разгорелся серьезный научный спор по поводу двух вопросов: 1) что «важнее» для исследования: страх, боль или страдание? 2) кто является причинителем указанных состояний или событий?

Обсуждение первого вопроса закономерно привело к акцентированию темы страдания в соответствующей отрасли социологического знания и отсутствию консенсуса между учеными, представляющими разные научные области. Так, например, французский социолог Люк Болтански посчитал необходимым разграничить исследуемые феномены следующим образом: «боль или страх мы часто не видим — они коренятся внутри индивида, скрываются за его поведением, особенностями характера, иногда его взглядами, страдание же сразу становится общественным, и мы его наблюдаем невооруженным взором» [11, р. 57]. Такой ракурс предполагает дифференциацию боли и страха как личностных свойств, а страдания — исключительно как социального феномена. Очевидно, что Болтански исходил из предпочтительных возможностей социологии страданий исследовать свой непосредственный объект в масштабе коллективного опыта, опуская при этом личностные особенности «переживания бытия», к которым «социологам не всегда удастся подступиться, когда речь идет о страдании» [11, р. 57]. По сути, Болтански, не касаясь непосредственно идеи о соотношении экзистенциального и социального опыта в рамках отраслевой социологии, предопределяет заостренность социологии именно на коллективном опыте страданий. Между тем в медицинской антропологии упор сделан на рецепцию страха: «Страх более всего порождает традиции и нормы бытия, они пронизывают социальную реальность и формируют устойчивые связи в отличие от страдания, которое то прибывает, то убывает» [17]. Чуть ранее по времени В. Дэс заявил о том, что «важное значение имеет фиксация страха, а через его семантику становится видна ключевая особенность этноса бояться

чего-либо или не бояться ничего вовсе» [14, р. 33]. Его идею поддержал Ф. Фюрэди [19]. Отметим также, что тематика социальной боли стала трендом исследований в русле медицинской антропологии и социологии уже в начале текущего столетия. Сьюзан Зонтаг и другие авторы добились заметного прогресса в ее изучении [26; 35; 38]. В то же время в русле социологии страданий социальная боль идентифицируется как «ответная реакция на социальное зло» [33, р. 112]. Тема сближения социального зла и страданий обсуждалась, как известно, Э. Дюркгеймом [8]; страдание и боль признавались неотъемлемой частью социальной жизни и в таком качестве идентифицировались как нормальные общественные явления. Стоит отметить, что «ответ на социальное зло» с точки зрения социологии страданий — это почти всегда «сложный опыт переживания реальности, который вовлекает в себя каждого индивида и каждый социум» [33, р. 113]. И зло, и страдания в таком случае «идут рядом», становясь частью социальной реальности и соответствующего опыта «переживания бытия».

Следует подчеркнуть, что в отличие от философской рецепции, акцентированной на выявлении онтологической возможности экзистенции страданий [1; 2, с. 264–265], медицинская антропология направлена на объективацию страданий через оценку роли конкретного индивидуального и коллективного опыта в «переживании бытия».

Между тем вопрос о причинителях страданий, страха и боли также не привел к общему содержательному знаменателю в дискуссии социологов и медантропологов. Более подробно этот вопрос затрагивался в ряде авторских статей [6; 7], в которых установлено, что в основе субъектности страдания лежат три предела, провоцирующих возникновение рассматриваемого явления, — боль, опасность и социальный риск, а эмпирические данные позволили определить круг некоторых субъектов страдания, исходящего, например, от «боли причинения»: преступники, расисты, безбожники, коррупционеры, моралисты и т. д. Развернувшийся спор о причинах и причинителях страданий обращает внимание прежде всего тем обстоятельством, что и социологи, и антропологи приблизились к идентификации человеческого страдания через его индивидуальный или социальный опыт, связанный с переживанием бытия и вживанием в социальную реальность. Оценка этого опыта стала одной из целей современной социологии страданий, и эта цель появилась во многом из-за продолжительного «согласования» научных интересов социологов и представителей медицинской антропологии. Изначально же — на раннем этапе концептуализации отраслевой социологии — ее ключевой целью, по словам Ж. Олверы, было «погружение в ценностные структуры настолько, чтобы понять: любой социальный фон создает подлинное страдание или его иллюзии, но и они серьезным образом сказываются на каждом члене общества» [29, р. 59]. Вплоть до конца XX в. для социологии страданий ее исследователь-

ским полем являлись экзистенциальные основы бытия, и они же рассматривались в качестве основ «развертывания» страданий — в этом социологи получали мощную интенцию от философов (см.: [31]). Преимуществом такого подхода считалась возможность определять границы индивидуального человеческого страдания, а коллективное страдание трактовать с точки зрения «наивысшей степени страданий, которые уже не могут оставаться внутри отдельного субъекта и передаются общности, группе или социуму» [16, р. 292]. По-видимому, для такого исследовательского опыта более подходящим форматом становилась именно экзистенциальная социология страданий.

Между тем на современном этапе развития отраслевой социологии ее связь с медициной и психологией проявляется уже не так отчетливо, как это было ранее; но все же смысловая триада «страх — боль — страдание» по-прежнему актуализирует соответствующий поиск исследователей в установлении точек сопряженности данных феноменов. В настоящей статье детально не рассматривается данный вопрос, хотя он, бесспорно, важен для осмысления сути страдания, поскольку его идентификация лежит в том числе в плоскости интериоризации бытия, проявляющегося в накоплении и транслировании социального опыта и социальных образцов между индивидами и от одного поколения к другому.

Основной проблемой исследования видится оценка значимости «переключения» социологии страданий с одного предмета исследования — существующего экзистенциального опыта как отношения к страху, боли и страданию и как состояния переживания бытия в условиях добра/зла, справедливости/несправедливости, безопасности/риска и т. д. — на другой предмет — социальный опыт. Подчеркнем, что актуальность такого ракурса вызвана необходимостью пересмотреть доминирующую политизацию темы коллективного страдания, которая к тому же многократно масштабируется в силу протекающих в мире международных политических событий. Конечно, полностью преодолеть политизацию вряд ли возможно, вместе с тем социальный опыт и межпоколенная трансляция социальных образцов не сводятся к одной только политической стороне человеческого индивидуального и коллективного бытия.

В статье сначала в рамках отраслевой социологии будет дана оценка роли экзистенциального опыта в кумуляции страданий, затем внимание сосредоточится на социальном опыте, являющемся основой для возникновения коллективных страданий. В конечном итоге, будет предпринята попытка выявления исследовательского потенциала социологии страданий с учетом того или иного типа человеческого опыта.

«Переживание бытия» и ценность экзистенциального опыта

Объектно-предметное пространство и направление концептуализации социологии страданий задала в свое время известная книга

немецкого невропатолога Франца Карла Мюллера-Лиера «Социология страданий» (1925) [5]. Конечно, в чистом виде идеи ученого имеют выход на междисциплинарный уровень рефлексии. Социологическая канва исследования здесь представлена как достаточно широко, иногда в позитивистском ключе и с позиции соотношения теории и практики, так и сравнительно узко — в аспекте сопряженности социального знания с медицинским. Книга открывается, по сути, манифестом всего труда Мюллера-Лиера: «Бездна, безмолвно поглощающая тысячи жизней, скрытые яды, доводящие личность до вырождения, до убожества и угасания, при насмешках безрассудных зрителей, подводные камни, о которые столько жизней терпят крушение или от которых получают навсегда неизлечимые раны, — все это зло» [5, с. 23]. Предложенная метафорическая декларация тем не менее позволила исследователю идентифицировать страдание через призму «социологической патологии». Страдания он называет явлениями социологическими, при этом высказывает уверенность в следующей идее: «...открытие, что почти все страдания индивидуума, поскольку они не порождены естественными катастрофами, — следствия социальных болезней, принадлежит к величайшим открытиям социологии» [5, с. 29]. Приводя здесь выдержки из его «Социологии страданий», мы обуславливаем его внимание к «социологической патологии» и собственно к феномену страданий (именно так: во множественном числе, ведь страдание может быть как индивидуальным, так и коллективным) одним важным экзистенциальным обстоятельством — «переживанием бытия», которое предзадано для человека самой природой и параметры которого могут многократно изменяться в силу различных внешних обстоятельств, индивидуальных особенностей человека и т. д.

Предложенный подход отчасти предопределил тональность дальнейшего развития отраслевой социологии: точкой отсчета в поиске экзистенциальных основ бытия и для их социологической объективации более подходящим инструментарием оказалась триада «страх — боль — страдание». Следует подчеркнуть: повышенное внимание к экзистенциализму несколько переориентировало социологию на исследование особенностей индивидуального страдания, проявляющегося в том, что «с одной стороны, индивид слабо распознает добро и зло, а с другой — он остро чувствует несправедливость бытия, и поэтому его страдание — это лишь градиент его личностного опыта или переживания» [18, р. 99].

Когда речь идет об экзистенциальном опыте, мы прежде всего «погружаемся» во внутренний мир человека. Возникает очень важный вопрос о том, что на уровне экзистенциального опыта может быть противопоставлено страданию или, напротив, какая экзистенция «перекрывает» страдания. Полагаем, что с этой точки зрения можно сгруппировать исследования, раскрывающие возможности «сопряженности» экзистенций и страданий:

а) страдание как отклик на свободу/несвободу; при этом свобода, как известно, является одним из ключевых элементов экзистенции и предметной областью экзистенциальной философии (Н.А. Бердяев, А. Камю, Г. Марсель и др.). Так, австрийский исследователь Альфред Лэнгле очень точно выразил экзистенциальную суть страдания индивида: «Страдание — это... потеря возможности подняться над условиями жизни и находиться в пространстве свободы» [4, с. 26]. Экзистенция свободы — суть бытия, переживание которого (ответы-на-вызовы реальности) порождает страдания. В отраслевой социологии такой подход эксплицируется через определение границ свободы/несвободы и их соотнесение с другими маркерами бытия: добром/злом, силой/слабостью и т. д. [16, р. 292; 25, р. 67–70; 33, р. 105 и др.];

б) страдание как составляющая духовных исканий человека; при этом обнаруживаются два фактора «проявленности» страданий: сами по себе напряженные духовные искания (правды, справедливости, счастья) могут порождать страдания, в то же время они способны снижать градус страданий посредством включенности человека в мир культуры, искусства, науки. Так, например, социологи предметно исследуют сферы искусства, права, морали, устанавливая и подтверждая тот факт, что чем больше индивид погружается или даже «растворяется» в них, тем меньшее страдание он может испытывать (см.: [39, р. 77–94]). Однако есть примеры и другой последовательности. Известный социолог, профессор Кентского университета Иэн Уилкинсон, занимающийся проблематикой страданий, уверен, что религия, безусловно, дает человеку надежду и духовное прозрение, но само по себе религиозно-мифологическое мышление вызывает еще большее страдание, потому что субъект «не видит границ веры в Бога, а вместе с этим и пределов реальности; поэтому часто, подменяя одно другим, оказывается в сложной ситуации духовного выбора» [43, р. 430]. С другой стороны, духовные искания могут быть соотнесены с духовными потребностями индивида — возникает «духовный опыт» как особый тип опыта, способный привести к страданиям. Так, например, шведские авторы Л. Скяр и С. Содерберг высказывают мнение о том, что «страдание всегда есть духовный опыт человека», а следовательно, «социологи могут через оценку духовного мира человека, состоятельности его духовных потребностей диагностировать соответствующее экзистенциальное основание страданий» [34, р. 1044]. В таком случае, по-видимому, можно утверждать совпадение экзистенциального и духовного опыта в некоей условной «точке» страданий;

с) страдание как акт целеполагания; экзистенция целеполагания определяет достижимость определенной цели любым способом — через страдания индивид способен манипулировать другими людьми, объяснять принятие тех или иных ответственных решений через глубину страданий, подводить основание под собственный морально-нрав-

ственный выбор и т. д. С точки зрения отраслевой социологии «цель страдать — это свойство любого индивида, однако, если страдание обретает форму целеполагания, тогда индивид может выйти за любые рамки дозволенного» [25, р. 99]. В таком случае идентификация экзистенциального опыта как «опыта целеполагания» вполне вписывается в картину социологических исследований. Так, например, З. Чен и соавторы сопоставляют цели бытия для людей среднего возраста с качественным снижением/увеличением градуса страданий в рутинной повседневной жизни и в краткосрочной перспективе [12].

Приведенные обобщения свидетельствуют о необходимости учитывать значения «переживания бытия» не только для глубины постижения экзистенциального опыта, но и для определения специфики страданий, с ним связанных. Между тем следует назвать еще одну причину, по которой внимание социологов не обошло тему индивидуального страдания, — это возможность оценки персонализации данного состояния в зависимости от его сопряженности с той или иной формой экзистенции. Социологи давно ставят вопрос о «количестве» страданий, выясняя, кто же на самом деле страдает больше: политик, ученый, почтальон, врач и т. д., если речь идет, к примеру, о социально-профессиональной принадлежности [41], беженцы или бипатриды [37] и т. д. Но «количество» страданий, как полагает П. Гордон, вполне может зависеть и от уровня переживания бытия: «духовные искания человека — это не только онтос, это связь страданий: все время находящийся в поиске самого себя, своей духовной гармонии с миром, природой, самим собой и обществом создан страдать в течение всей жизни» [20, р. 131]. В конечном итоге персонификация страданий в русле социологического знания позволяет исследователям в значительной степени дифференцировать данное явление, а значит, определить его бытийную окраску и не возводить в ранг типичного для повседневной жизни индивида состояния.

Особое значение экзистенциальному опыту в идентификации страданий придавал социолог И. Уилкинсон. В ряде своих работ он указывал на необходимость не столько оценивать «проявленность» страданий в конкретных делах и поступках индивидов, сколько исходить из возможности «духовного осмысления мира» субъектами. Для этого он, в частности, предлагал в качестве показателей «переживания бытия» рассматривать отклик субъектов на ту или иную информацию о событиях в политике, социальной и экономической сферах, а также формирующиеся индивидуальные индексы религиозности, толерантности, самоидентичности, качества жизни и т. д. [43, р. 436–439]. Эти показатели, как известно, являются традиционными в исследованиях социологов, но Уилкинсон обращает внимание на одну деталь: «все эти индексы берутся в расчет в разрезе социума, когда “мышление со страданием” никак не идентифицируемо, но в отношении отдельно

взятого индивида мы способны увидеть всю стихию духовного осмысления мира и, таким образом, объективировать страдание» [43, р. 424]. В одной из статей исследователь уточняет свою позицию: «Я воздержусь от расчета индекса страдания — он явно неуместен, когда речь идет о глубине осознания происходящих в мире событий и духовно-осмысленной реакции на них, но в любом случае необходимо знать, что есть экзистенция страдания, пока не покорившаяся социологии» [40, р. 67]. По-видимому, «не покорившаяся социологии» — не совсем справедливое утверждение, некоторые социологи, напротив, считают, что границы страдания невозможно в полной мере установить вне экзистенциального контекста человеческого бытия.

Между тем в понимании И. Уилкинсона экзистенциальный опыт есть «такое переживание бытия, когда индивид устанавливает прочный или пока еще довольно слабый контакт с окружающей реальностью, который в дальнейшем становится основой для осмысления этой реальности» [42, р. 122]. Можно предположить, что страдание разовьется в равной степени с установлением и прочного («...бытие предопределяет страдание, если его онтосы прочно включены в жизнь индивида — ему не остается ничего другого, как признать неизбежность рока, провидения, добра или зла и т. д., поэтому страдание возрастает» [42, р. 127]), и слабого контактов с действительностью. В последнем случае, как отмечает Уилкинсон, «переживание бытия индивидом вполне может способствовать возникновению социальных реакций протеста, противоправному поведению или конфликтам» [42, р. 128]. Резонно усомниться в релевантности применения смысловой конструкции «переживание бытия» в рамках социологии страданий. Действительно, само по себе это понятие, скорее, должно быть отрефлексировано с точки зрения онтологии, психологии восприятия. В то же время И. Уилкинсон уверен, что экзистенциальный опыт человека — это прекрасная возможность для социологии рассматривать «уникальный мир страдания» каждого отдельно взятого субъекта: «...во всех иных случаях социология столкнется с необходимостью обращаться к коллективному разуму или общественному мнению — страдание сложно уловить в массовом порядке, оно ускользает, растворяется в повседневности, в человеческих делах и поступках; совсем другое, если узнать, как и почему страдает каждый конкретный человек, и уже на основании полученного материала определить типичные условия для таких состояний» [42, р. 134].

Разумеется, в современной социологии страданий внимание к коллективному страданию, а не к экзистенциальному (или персональному) вполне закономерно. Более того, оно оправдано с точки зрения имеющейся важной методологической установки, отмеченной еще Ф.К. Мюллером-Лиером: страдание следует обнаруживать на «дистанции человека и социума, а никак иначе» [5, с. 44]. Другое дело, что разделение дистанции определяет границы экзистенциального опыта,

лежащего в основе страданий, а ее сокращение может указывать на социальный опыт, и в таком случае ракурс исследований страданий обретает выраженную социологическую направленность. Взгляды Уилкинсона разделяют некоторые другие ученые, но для них важнее показать, как происходит сокращение или, напротив, увеличение дистанции между обществом и индивидом, в результате чего степень страданий и их проявленность в поведении людей становятся более обозримыми для последующих социологических обобщений. Некоторые исследователи все время возвращаются к триаде «страх — боль — страдание», полагая, что в ней кроется ответ на вопрос, как дистанция между социумом и человеком, увеличиваясь, провоцирует страдание, но, сокращаясь, тем не менее к облегчению не приводит, а усугубляет боль и страх [22; 24, р. 201–205]. Другие авторы рассматривают уменьшение дистанции между индивидом и обществом как показатель способности последнего преодолевать последствия страданий. Самому индивиду не так просто это сделать, поэтому на «сокращенной дистанции» — «ближе к обществу» равновесие во внутреннем мире субъекта возрастает [27, р. 231]. Как видим, социологи-экзистенциалисты склонны идентифицировать страдание и как внутреннюю потребность человека, и как такое его состояние, которое отражает глубину противоречий индивида на дистанции с социумом, и т. д. По сути, трендом экзистенциального направления социологии страданий становится «вина» самого индивида за свое состояние: в одном случае страдание возникает в мышлении и прочно закрепляется в человеческом бытии, при другом стечении обстоятельств индивид не способен предпринять усилия для различения добра и зла и сделать необходимый морально-нравственный выбор и т. д. Поиск оснований борьбы человека с самим собой и возникающие при этом страдания составляют его экзистенциальный опыт, ценность которого для отраслевой социологии заключается прежде всего в возможности персонализировать страдание, представить его как ценностно-смысловую систему, соотносимую с частной жизнью, с внутренним миром субъекта. Вместе с тем человек и общество в течение длительного времени накапливают экзистенциальный и социальный опыт, и квинтэссенцией этого опыта может стать страдание как «переживание бытия» и «вживания» индивида в общественные процессы, принятие/непринятие социальных изменений.

Духовный мир человека настолько богат, что в нем зарождается и разворачивается экзистенциальный и духовный опыт, а следовательно, возникают страдания как отклик на реальность, «подготовленный» этим опытом. Возникает проблема индивидуализации страданий. В настоящей статье она не развивается, однако следует отметить, что достижением социологии страданий на современном этапе ее развития становится обращение не только к «патологии» страданий, но и к их достаточно мощной подпитке со стороны духовного бытия, социокультурных процессов, морально-нравственных исканий человека и т. д.

Социальный опыт: сокращение дистанции

С точки зрения К.Г. Фрумкина, «что означает уменьшение силы и частоты страданий для общества, пока не понимает никто» [9, с. 73]. Действительно, важным в поиске оснований социологии страданий остается вопрос о «количестве»: сколько именно страданий способен выдержать человек? Исследования на этот счет не дают однозначного ответа: человек выдерживает и много страданий, и мало. Так, еще в 1968 г. известный социолог Алвин Гоулднер в статье «Социолог как партизан» (“The Sociologist as Partisan”) подчеркивал, что, по итогам многолетних опросов американцев, степень их страданий от года к году изменяется, но в среднем приближается к 8,1 балла, что «чрезвычайно много для процветающего общества США» [21, р. 110]. Гоулднер склонен видеть причиной этого накопление «остро социального опыта» в результате не всегда успешной борьбы человека в американском обществе за свои права и свободы [21, р. 111]. В то же время, например, Л. Болтански приводит противоположные данные по результатам многоцентровых эмпирических исследований (1985–1998 гг.) на тему коллективного страдания. По его мнению, коллективное страдание распространяется лишь «горизонтально», то есть имеет дискретный характер и не всегда привязано к конкретным проблемам политики, экономики, социальной сферы. Когда респондента спрашивали, страдает ли он именно сейчас, в данный момент времени, чаще всего он отвечал отрицательно, но на другой вопрос — будете ли вы страдать в какое-то другое время? — следовал уже положительный ответ. Ученый делает вывод: индивид страдает нечасто, избирательно и ситуативно [11, р. 152–155]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что социологи стремятся выразить коллективное страдание как сумму страданий персонализированных, субъектных. «Суммативное» страдание, однако, не является социальным по своей сути, оно лишь формируется как реакция на события окружающей социальной реальности, но переживание бытия при этом уходит на второй план; оно, в отличие от реакции на события, более продолжительно по времени и часто с неизвестным результатом. По словам К. Льюиса, «страдание, и заблуждение, и грех могут повторяться, если повторилась причина (для греха — искушение, для ошибки — усталость или что-нибудь еще, хотя бы опечатка, для страдания — болезнь или чья-нибудь злая воля). Но страдание не плодится, не порождает зла. Если оно прошло — оно прошло и сменилось облегчением» [3, с. 421]. По-видимому, субъектное страдание остается с человеком навсегда, потому что он совершает ошибки, грехи, выбирает все время между добром и злом — эти состояния способствуют переживанию бытия. Другое дело коллективное (межсубъектное) страдание — в его основании лежит социальный опыт, который идентифицирует вызов-и-ответную реакцию. Вызов — это риск, угроза, опасность, «страдание может корениться в том, что

что-то представляет угрозу для собственного бытия в мире» [4, с. 29]. Ответ — погружение человека в состояние страданий. С учетом этих особенностей далее в составленной нами таблице приведены некоторые возможности соотношения индивидуального и коллективного страдания с позиции социологического знания. Содержащиеся в ней сведения позволят не только уточнить конкретный инструментарий для эмпирических исследований страданий по ряду критериев, но и обнаружить некоторые значимые отличия в трактовке индивидуального/коллективного страдания, что также может иметь значение для концептуализации соответствующей отраслевой социологии, в том числе на междисциплинарном уровне.

Таблица

**Соотношение индивидуального и коллективного страдания
 в аспекте социологии страданий**

Критерии	Индивидуальное страдание	Коллективное страдание
Опытное начало	Экзистенциальный опыт	Социальный опыт
Объективация	Переживание бытия	Реакция на риск, опасность, угрозу
Конечное действие	Внутренний конфликт, нравственный выбор	Поиск выхода, преодоление
Событие	Не событийно	Событийно
Исследование	Социология + психология + этика	Социология

В социологии страданий социальный опыт идентифицируется в двух направлениях: 1) как передача другим поколениям социальных образцов, несущих информацию о рисках, угрозах и опасностях [13, р. 77]; 2) как фактор консолидации общества, в условиях которого «индивид способен сократить свои внутренние страдания и переживания бытия и направить свою силу и волю на общее дело — для преодоления значимых социальных проблем» [25, р. 113]. И если экзистенциальный опыт в социологии объективируется преимущественно на уровне формирующихся ценностных структур и поведенческих реакций индивида с определением градиента его «подчинения» новым условиям бытия, то социальный опыт — это путь индивида к социуму. При этом коллективное страдание — это реакция на риск, угрозу, опасность, исходящие из самих общественных отношений, затрагивающих каждого индивида не в отдельности, а в их единстве. Пожалуй, более точным в выявлении сути социального опыта оказался американский историк философии Питер Гордон, посчитавший, что главное в социальном опыте — это общее дело, которое должно быть понятно и целесообразно для индивидов [20, р. 139]. Эту идею поддержали и социологи.

Например, Т. Богуш назвала ряд важных «общих дел», которые составляют социальный опыт: сохранение традиционных ценностей и норм, обеспечение связи поколений и общинности, «непрерывность» справедливости, толерантность и др. [10, р. 112–114]. Стоит подчеркнуть, что коллективное страдание вызывает не сам социальный опыт, а отчужденность индивида от общего дела. Т. Богуш приводит данные проведенного немецкими учеными социологического исследования, целью которого было определение «дистанции индивида и социума» в так называемых общих делах. В течение 2021–2022 гг. были опрошены более 2 тыс. респондентов разного возраста, пола, рода занятий на предмет их участия в общих делах, а затем некоторые из участников приглашались в фокус-группы для выявления уровня коллективного страдания — «соответственности за общие дела или сопричастности к общему делу». Была выдвинута следующая гипотеза: градус коллективного страдания снижается пропорционально сокращению дистанции в совместной реализации общих дел. Как оказалось, показатель социального опыта заметно снижался и к концу исследования составлял 4,56 пункта из 10 максимальных (это объяснялось добавлением новых респондентов более молодого возраста в когорту испытуемых), в то же время градус коллективного страдания увеличивался примерно на 2,23 пункта от исходного [10, р. 116–125]. Разобщенность людей, их отчужденность, отстраненность от общих дел снижают уровень социального опыта, человек вновь погружается в индивидуальное «переживание бытия», характерное для экзистенциальной ситуации; во всех этих случаях страдание существенно возрастает.

Заключение

Для современной социологии страданий, безусловно, важна рецепция как экзистенциального, так и социального опыта индивидов. Она позволяет, во-первых, провести грань между индивидуальным и коллективным страданием; во-вторых, дать оценку степени «переживания бытия», способствующего усилению страданий; в-третьих, обьективировать картину распространенности и причинности страданий. На протяжении прошедшего и текущего столетий социология страданий достигла своей оригинальной концептуализации и сформировала свое объектно-предметное поле, хотя это было сопряжено с определенными сложностями, например, с дискуссионностью самого понятия страданий: чаще всего оно попадало в зону внимания психологии (страдание как восприятие окружающей реальности, как переживание бытия, внутренний ценностно-смысловой диалог индивида с самим собой) и медицинской антропологии (страдание как реакция на боль или страх, формирующая определенный тип поведения и ценностные установки). Между тем закономерно, что дифференциация экзистенциального и социального опыта индивида приобрела в рамках

отраслевой социологии свое атрибутивное значение и стала основой для развития социологического знания:

1) с одной стороны, оценка экзистенциального опыта дает возможность социологии рассматривать страдания как личностно переживаемые, при этом главная сложность видится в вариации страданий в зависимости от личностных качеств человека, его морально-нравственного выбора, отношения к добру и злу, справедливости и несправедливости и т. д.; в таком случае социология может испытывать сложности в объективации экзистенциального опыта;

2) с другой стороны, обращаясь к социальному опыту, социология страданий обобщает на теоретическом и эмпирическом уровнях «накопление» страданий в зависимости от других обстоятельств — политических, экономических, правовых и др.; разумеется, здесь возникают риски сублимации страданий в зависимости от тех или иных показателей социального опыта, а личностные свойства могут уходить на второй план.

Указанные сложности ведут к необходимости поиска оснований социологии страданий между экзистенциальным и социальным опытом. Внимание со стороны социологов к страданиям, являющимся такой же частью и тканью социальной жизни, как, например, благополучие, счастье, позволяет определить, насколько страдания зависимы от конкретного опыта человека и в какой степени они, по сути, выступают отражением социальной реальности. Более практическая сторона вопроса — это возможность обнаружения способов минимизации последствий страданий как на уровне индивидуального опыта, так и в системе коллективных взаимодействий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет.

Телефон: +7 (3852) 296-608. **Электронная почта:** popov.eug@yandex.ru

Research Article

EVGENIYA A. POPOV¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russia.

66, Dimitrova str., 656049, Barnaul, Russian Federation.

SEARCHING FOR THE FOUNDATIONS OF SOCIOLOGY OF SUFFERING: BETWEEN EXISTENTIAL AND SOCIAL EXPERIENCE

Abstract. Sociology of suffering is a branch of sociological knowledge that has been actively developing as of recently. There are certain difficulties when it comes to conceptualizing the problematic and object-subject field of sociology of suffering. The aim of this article is to analyze the specifics pertaining to the search for the foundations of specialized

sociology, to identify its theoretical and methodological orientation, to identify the key focal points of scientific discourse, and to touch on the history of its development. The search for the foundations of sociology of suffering is conducted not in the format of “fear-pain-suffering”. The article shows that it is through differentiating between two types of human experience that a more systematic understanding of the phenomenon of suffering is possible. At the same time, social experience is highlighted as a common cause, and the phenomenon of collective suffering is correlated with the alienation of individuals or their communities and groups from the common cause. The main conclusion of the article is that the search for the foundations of sociology of suffering should be conducted at the level of simultaneous assessment of the role of existential and social experience in the emergence and consolidation of suffering in human individual and collective existence. Solely putting emphasis on existence can steer sociology towards metaphysics or psychology. On the other hand, the systematization of only social experience within the framework of sociology of suffering can reduce social experience to that which is formally accumulated, and suffering itself to such that is “attributed” to communities and groups.

Keywords: suffering; sociology of suffering; social suffering; social experience; existential experience.

For citation: Popov, E.A. Searching for the Foundations of the Sociology of Suffering: Between Existential and Social Experience. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Popov — Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University.
Phone: +7 (3852) 296-609. **Email:** popov.eug@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Философия страдания и практика современной культуры // Вестник славянских культур. 2014. № 31. С. 48–58. EDN: RXWQPV*
Lebedev V.Yu., Fedorov A.V. Philosophy of suffering and practice of modern culture. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2014. No. 31. P. 48–58.
2. *Лехцисер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. — 332 с. EDN: QWPVNR*
Lekhtsier V.L. *Fenomenologiya “pere”*: vvedenie v ekzistentsial'nuyu analitiku perekhodnosti. [The Phenomenology of “trans-”: an introduction to the existential analysis of transitivity.] Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta publ., 2007. 332 p. (In Russ.)
3. *Льюис К. Страдание // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. 1991. М.: Республика, 1992. С. 375–442.*
Lewis K. Suffering. *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskie chteni-ya*. [Ethical thought: scientific and journalistic readings. 1991.] Moscow: Respublika publ., 1992. P. 375–442. (In Russ.)

4. Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403 EDN: VXLEWI
Lengle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2016. No. 4 (24). P. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403 (In Russ.)
5. Мюллер-Лиер Ф.К. Социология страданий. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1925. — 269 с.
Myuller-Lier F.K. *Sotsiologiya stradanii*. [Sociology of suffering.] Moscow-Leningrad: Zemlya i Fabrika publ., 1925. 269 p. (In Russ.)
6. Попов Е.А. Потенциал современной зарубежной социологии в исследовании социального страдания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 206–223. DOI: 10.21638/spbu12.2022.302 EDN: PQMKIS
Popov E.A. The potential of modern foreign sociology in the study of social suffering // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 206–223. DOI: 10.21638/spbu12.2022.302 (In Russ.)
7. Попов Е.А. Пределы человеческого страдания и его субъектность // Человек. 2022. Т. 33. Вып. 5. С. 7–25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4 EDN: YENGYE
Popov E.A. The limits of human suffering and its subjectivity. *Chelovek*. 2022. Vol. 33. No. 5. P. 7–25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4 (In Russ.)
8. Симонова О.А. Страдание и зло в социологии Эмиля Дюркгейма. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 63–88 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.02.2024. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17098060_47660806.pdf
Simonova O.A. Suffering, evil in Durkheimian sociology. (Summary abstract). *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology.] Moscow: INION RAN publ., 2011. No. 4. P. 63–88. Accessed 22.02.2024. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17098060_47660806.pdf (In Russ.)
9. Фрумкин К.Г. Проблема страданий как социального ориентира // Свободная мысль. 2018. № 5. С. 71–86. EDN: YTORCP
Frumkin K.G. The problem of suffering as a social reference point. *Svobodnaya mysl'*. 2018. No. 5. P. 71–86. (In Russ.)
10. Bogusz T. *Experimentalism and Sociology: From Crisis to Experience*. L.: Springer, 2022. 230 p. DOI: 10.1007/978-3-030-92478-2
11. Boltanski L. *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 187 p. DOI: 10.1017/CBO9780511489402

12. Chen Z., Williams K.D., Fitness J., Newton N.C. When hurt will not heal: exploring the capacity to relive social and physical pain. *Psychological Science*. 2008. Vol. 19 (8). P. 789–795. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02158.x
13. Cohen S. *States of Denial: Knowing About Atrocities and Suffering*. Cambridge: Polity Press, 2001. 173 p. DOI: 10.1177/00220345010800010301
14. Das V. *Critical Events: An Anthropological Perspective on Contemporary India*. Delhi: Oxford University Press, 1995. 201 p.
15. Das V., Kleinman A., Ramphel M., Lock M., Reynolds P. (eds). *Remaking a World: Violence, Social Suffering and Recovery*. Berkeley: University of California Press, 2001. 260 p. DOI: 10.1525/9780520924857
16. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*. 2003. No. 302 (5643). P. 290–299. Pmid: 14551436. DOI: 10.1126/science.1089134 EDN: GPBXRR
17. Farmer P. *Infections and Inequalities: The Modern Plagues*. Berkeley: University of California Press, 1999. 150 p.
18. Frank A. *Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*. Chicago; L.: University Of Chicago Press, 1997. 148 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226067360.001.0001
19. Furedi F. *Culture of Fear: Risk-Taking and the Morality of Low Expectation*. L.: Cassell, 1997. 176 p.
20. Gordon P.E. Social Suffering and the Autonomy of Art. *New German Critique*. 2021. Vol. 48 (2). P. 125–146. DOI: 10.1215/0094033x-8989288
21. Gouldner A. The Sociologist as Partisan: Sociology and the Welfare State. *The American Sociologist*. 1968. Vol. 3. P. 103–116.
22. Kleinman A. Pitch, Picture, Power: The Globalization of Local Suffering and the Transformation of Social Experience. *Ethnos*. 1995. No. 60 (3–4). P. 181–191. DOI: 10.1080/00141844.1995.9981517
23. Levinas E. Useless Suffering. *The Provocation of Levinas: Rethinking the Other*. Ed. by R. Bernasconi, D. Wood. L.: Routledge, 1988. P. 34–69.
24. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993. 236 p.
25. Lupton D. *Risk*. L.: Routledge, 1999. 184 p.
26. Meyer M.L., Williams K.D., Eisenberger N.I. Why Social Pain Can Live on: Different Neural Mechanisms Are Associated with Reliving Social and Physical Pain. *PLoS ONE*. 2015. No. 10 (6). P. e0128294. DOI: 10.1371/journal.pone.0128294
27. Moeller S. *Compassion Fatigue*. L.: Routledge, 1999. 390 p.
28. Morris D. *Illness and Culture in the Postmodern Age*. Berkeley: University of California Press, 1998. 193 p. DOI: 10.1525/california/9780520208698.001.0001
29. Olvera J. Symbols of Social Suffering. *The Street*. 2021. No. 6. P. 55–62. DOI: 10.36019/9781978814240-007
30. Pidgeon N., Kasperson R.E., Slovic P. *The Social Amplification of Risk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 448 p. DOI: 10.1017/CBO9780511550461

31. Sanghera B., Satybaldieva E. Critical Discussion: Neoliberalism, Social Suffering and Resistance. *Mapping Intimacies*. 2021. No. 1. P. 257–278. DOI: 10.1007/978-3-030-76303-9_10
32. Scheper-Hughes N. Undoing: Social Suffering and the Politics of Remorse in the New South Africa. *Social Justice*. 1998. No. 25 (4). P. 114–142.
33. Schultz S.U. The adventure is not easy. The Discretionary Politics of Social Suffering and Agency in Post-Deportation Narratives in Southern Mali. *International Journal for Crime Justice and Social Democracy*. 2021. Vol. 10 (3). P. 101–114. DOI: 10.5204/ijcsd.2044
34. Skär L., Söderberg S. The importance of ethical aspects when implementing eHealth services in healthcare: A discussion paper. *Journal of Advanced Nursing*. 2018. Vol. 74 (5). P. 1043–1050. DOI: 10.1111/jan.13493
35. Sontag S. *Regarding the Pain of Others*. L.: Hamish Hamilton, 2003. 152 p.
36. Steiner G. *Language and Silence*. L.: Faber & Faber, 1967. 199 p.
37. Sudheer N., Banerjee D. The Rohingya refugees: a conceptual framework of their psychosocial adversities, cultural idioms of distress and social suffering. *Global Mental Health*. 2021. Vol. 8. P. 130–145. DOI: 10.1017/gmh.2021.43
38. Tester K. *Compassion, Morality and the Media*. Buckingham: Open University Press, 2001. 120 p.
39. Turner B.S., Rojek C. *Society and Culture: Principles of Scarcity and Solidarity*. L.: Sage, 2001. 212 p. DOI: 10.4135/9781446220689
40. Wilkinson I. *Anxiety in a Risk Society*. L.: Routledge, 2001. 179 p. DOI: 10.4324/9780203465462
41. Wilkinson I. Social suffering and the new politics of sentimentality. *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. 2021. No. 4. P. 489–500. DOI: 10.4324/9781003111399-41
42. Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity, 2004. 190 p.
43. Wilkinson I. Thinking with Suffering. *Cultural Values*. 2001. Vol. 5 (4). P. 421–444. DOI: 10.1080/14797580109367242

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023; поступила после рецензирования и доработки: 23.07.2023; принята к публикации: 27.02.2024.

Received: 10.05.2023; revised after review: 23.07.2023; accepted for publication: 27.02.2024.

А. В. БЫКОВ^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11, к. 333.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

КОГНИТИВНАЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ В НОВОЙ СОЦИОЛОГИИ МОРАЛИ: ОСНОВАНИЯ РАЗЛИЧЕНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу перспектив развития проекта новой социологии морали в контексте продолжающихся усилий по институционализации данной исследовательской области. С целью оценки и общей классификации проведенных в рамках данного проекта теоретических и эмпирических исследований, а также определения возможных и потенциально продуктивных направлений его дальнейшего развития автор выделяет две взаимодополняющие перспективы — когнитивную и аналитическую социологию морали. Основанием предложенного различения служат характерные для авторов данного направления противоположные представления о том, насколько социологии морали необходимо инкорпорировать модели объяснения и методы изучения морали из (гораздо более популярной и влиятельной) области когнитивной психологии. В статье представлен краткий обзор некоторых концептуальных и эмпирических работ, выступающих примерами каждой из выделяемых перспектив, а также эксплицированы различия между ними по трем фундаментальным основаниям — теоретическому, методологическому и аксиологическому. Кроме того, в тексте обсуждаются ключевые особенности и потенциальные проблемы развития когнитивной и аналитической перспектив в социологии морали, а также обозначаются некоторые возможные пути преодоления этих проблем. Таким образом, данная статья позволяет сделать вклад в разработку исследовательской программы новой социологии морали за счет демонстрации специфики и указания на ключевые проблемы двух выделяемых перспектив, а также раскрытия их потенциала с точки зрения углубления социологического и междисциплинарного знания о природе человеческой моральной способности.

Ключевые слова: мораль; социология морали; социологическая теория.

Для цитирования: Быков А. В. Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различения и ключевые особенности // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2 EDN: FCOYMR

Введение

Новая социология морали — проект возрождения социологического подхода к изучению моральных явлений, возникший относительно недавно после нескольких десятилетий практически забвения этой проблематики во второй половине прошлого столетия (по крайней мере, в рамках теоретического мейнстрима) [23]. Определенными признаками институционализации этой исследовательской области служат образование соответствующей секции Американской социологической ассоциации, а также публикация ряда монографий [22; 26], последняя из которых вышла из печати совсем недавно [21]. Тем не менее, несмотря на эти заметные усилия, до сих пор едва ли можно говорить о полноценном формировании общего исследовательского поля, с которым явно соотносили бы себя заметное число социологов, заинтересованных в изучении природы и факторов моральных представлений и поведения.

Одной из ключевых проблем с точки зрения становления исследовательской программы новой социологии морали (и выстраивания соответствующей исследовательской идентичности) стала необходимость выработки отношения к когнитивно-психологической перспективе изучения моральных явлений, которая в последние десятилетия в значительной мере определяет повестку дня в области «науки о морали» [9; 10; 14]. Вопрос о том, в какой степени социология в целом и социология морали в частности должны заимствовать теоретико-методологические подходы из области более успешных и популярных поведенческих и когнитивных наук, подчас порождал довольно радикальные ответы, особенно среди ряда редуccionистски настроенных теоретиков, таких как Дж. Тернер [38; 39] и С. Тернер [40]. Эти авторы пытались продемонстрировать выраженные преимущества эволюционно-психологической теории и когнитивно-психологической / нейробиологической методологии перед традиционными социологическими способами анализа и объяснения социальной реальности. Тем не менее для большинства авторов, так или иначе соотносящихся с проектом новой социологии морали, характерен гораздо более умеренный и скептический взгляд на перспективы рецепции психологических и биологических подходов; скорее — и вполне ожидаемо — принято так или иначе подчеркивать важность и перспективность социологической фокусировки на изучении исторически изменчивых социальных и культурных детерминант морального поведения, нежели его универсальных и врожденных составляющих.

Так, в частности, С. Хитлин и С. Вейзи в программной статье [23] предлагают социологам сконцентрироваться на изучении роли различных социальных процессов в формировании моральных представлений и моральной мотивации как фактора социальных действий, при этом учитывая историческую и культурную вариацию того, что в том или ином обществе рассматривается в качестве «моральных» явлений.

Кроме того, Хитлин и Вейзи подчеркивают необходимость применения традиционных социологических методов, которые, в отличие от психологических и нейрофизиологических лабораторных экспериментов, позволяют изучать подобные явления в естественном социальном контексте и с точки зрения выявления долгосрочных эффектов. Р. Фират и Ч. Макферсон [19] пишут о культурной обусловленности предположительно универсальных когнитивных схем моральной оценки, социологическая концептуализация которых позволила бы значительно обогатить междисциплинарную науку о морали. Г. Абенд отмечает необходимость фокусировки на изучении насыщенных в смысловом отношении моральных понятий (таких как «жестокость», «мужество», «благородство», «героизм» и т. п.), характеризующихся сочетанием дескриптивных и прескриптивных элементов и по этой причине остающихся малоисследованными в области экспериментально-ориентированных наук [10]. Он также выступает за выработку более серьезного отношения социологии морали к вопросам метаэтики, в первую очередь к проблеме «моральной истины» [8; 9]. Она в большей степени занимает представителей теоретической и «экспериментальной» философии [34], но перспективна для социологического изучения того, что Абенд [11] называет «моральным фоном» (*moral background*). А. Быков [14], отдавая должное достижениям поведенческих и когнитивных наук в области изучения морали с точки зрения необходимости их социологической рецепции, пишет о перспективности возрождения классического дюркгеймианского аналитического фокуса в социологии морали, который в большей степени основывался бы на теоретически фундированном, целостном осмыслении моральной реальности как коллективного явления. В то же время, несмотря на эти и другие подобные усилия, социология морали сегодня обладает все еще относительно слабыми признаками институционализации, что, помимо прочего, свидетельствует о необходимости дальнейшей концептуальной работы по определению перспектив развития данной исследовательской области, обозначению ее ключевых проблемных полей и той ценности, которую новая социология морали может иметь для развития и углубления научного понимания моральных феноменов.

В данной работе, в продолжение предыдущих усилий, мы постараемся более полно раскрыть и детализировать различие между двумя «идеально-типическими» образами развития новой социологии морали — когнитивной и аналитической перспективами. Будет показано, как данное различие связано с ключевым вопросом об отношении социологии морали к психологическим подходам, а также эксплицированы различия двух перспектив по трем ключевым основаниям — теоретическому, методологическому и аксиологическому. В итоге будут кратко проанализированы ключевые проблемы развития обоих направлений социологии морали, а также обозначены возможные способы преодоления этих проблем.

Когнитивная социология морали

Будучи скорее «зонтичным» термином, объединяющим не всегда явно соотносящиеся друг с другом концептуальные и эмпирические работы, понятие когнитивной социологии морали подчеркивает потенциал и плодотворность рецепции теоретико-методологических подходов когнитивной науки и психологии морали — в отношении как общих моделей и механизмов объяснения человеческой моральной способности, так и методов и методик ее эмпирического изучения. Психология и нейронаука за последние десятилетия действительно достигли впечатляющих успехов в изучении механизмов человеческой моральной способности, а количество опубликованных в ведущих журналах экспериментальных исследований самых разнообразных факторов моральных суждений и морального поведения исключительно велико (см.: [18]). Такая ситуация, в целом вполне закономерно, привела к многочисленным попыткам осмыслить значение и потенциальные импликации когнитивной науки — в рамках и общей социологической теории, и социологии морали как формирующейся области исследований [14; 23]. Кроме того, ряд зарубежных и отечественных социологов стали более активно использовать заимствованные из когнитивной и социальной психологии подходы к эмпирическому изучению факторов производства моральных суждений, морального поведения и моральной идентичности [4; 16; 32; 33; 42]. Все это позволяет говорить о формировании определенной социологической исследовательской программы, основанной на более-менее общем видении проблематики моделей объяснения и методов изучения моральных явлений, которую можно довольно условно назвать «когнитивной социологией морали».

Что касается теоретических усилий по социологическому осмыслению «когнитивного поворота», то они принимают разнообразные формы, в предельных случаях предоставляя серьезную аргументацию в пользу фундаментальной неполноты или даже «фиктивности» традиционных социологических конструктов (таких как понятия культуры, представлений, ценностей и т. п.) без четкого указания на их нейрофизиологические основания [40]. В связи с этим также следует упомянуть, пожалуй, менее радикальные, но все же основанные на явной рецепции психологических моделей познания теории «двойного процесса», характерные для современной американской социологии культуры, в которых последняя зачастую операционализируется через разнообразные формы ценностных/моральных представлений [29; 41]. Некоторые авторы, обращаясь напрямую к более узкой категории морали, обосновывают принципиальную несводимость когнитивных «схем» производства моральных оценок к универалистским психологическим и нейрофизиологическим моделям, подчеркивая важность социальных и культурных детерминант, казалось бы, врожденных и автоматических моральных реакций [19]; другие пытаются шире

отрефлексировать проблему соотношения сознания и тела через призму категории культуры, подчеркивая перспективность совмещения когнитивно-психологических и социологических объяснительных моделей [25]. Существуют также призывы к социологической адаптации некоторых более частных психологических теорий приписывания моральных и «метаморальных» качеств, таких как, например, способность выступать субъектом или объектом морально-релевантных действий [5]. Так или иначе, общим местом подобных социологических работ является аргументация в пользу полезности и продуктивности обращения к той совокупности взглядов на человеческую моральную способность, которую предлагает когнитивная психология, включая фокусирование на изучении интуитивных механизмов морального познания, а также их роли в процессе «инкультурации» [29; 31].

Кроме того, многие представители проекта новой социологии морали указывают на необходимость использования психологических методов и методик измерения морали для социологических исследовательских задач [42], поскольку, по выражению Хитлина и Вейзи, здесь «нет нужды переизобретать колеса» [23, р. 57]. Действительно, некоторые социологи стали брать на вооружение психологические инструменты. Здесь можно особо отметить проект *Measuring morality*, реализованный под руководством Вейзи и направленный на тестирование и валидизацию известных психологических методик измерения моральных представлений, включающих разнообразные шкалы и опросники, на крупной гетерогенной выборке [32]. Экспериментальная логика, во многом заимствованная из психологии и связанная в числе прочего с праймингом моральных установок и интервенциями исследователей для прямой проверки причинно-следственных связей, также применяется некоторыми социологами [33], что заметно контрастирует с традиционно используемыми в нашей дисциплине структурированными опросами и полуструктурированными интервью. Эксперименты с использованием гипотетических сценариев в качестве стимульного материала, которые, в отличие от лабораторных экспериментов, можно относительно легко реализовывать в привычном нам формате опроса, также используются социологами для изучения факторов моральных суждений [4; 16]. При этом такие эмпирические исследования подчас публикуются в междисциплинарных журналах и, как следствие, так или иначе включены в когнитивно-психологические или социально-психологические дискурсы и дискуссии.

Проект когнитивной социологии морали, таким образом, можно рассматривать, с одной стороны, как совокупность теоретических концепций, объясняющих процессы морального познания с опорой на достижения современной психологии и (в меньшей степени) нейронауки, а с другой — как ряд тематически разнообразных эмпирических исследований, объединенных фокусировкой на изучение различных

факторов моральных представлений и поведения при помощи импортированных из психологии методических инструментов. Для этой условно обозначенной здесь традиции характерна выраженная двойственность ориентации на социологические и несоциологические (психологические и междисциплинарные) аудитории, что, безусловно, сопряжено с рядом сложностей и рисков, в том числе в виде явного или неявного сопротивления подобным способам теоретизирования и попыткам построения соответствующей исследовательской программы со стороны представителей конвенциональных социологических подходов. Это обстоятельство позволяет выделить до некоторой степени противоположную перспективу в новой социологии морали, более связанную с попытками выстроить теоретически-насыщенное описание моральных явлений.

Аналитическая социология морали

Как и в случае с когнитивной перспективой, аналитическая социология морали представляет собой скорее обобщающий термин или «идеальный тип» становящейся исследовательской программы, обладающей несколькими отличительными характеристиками. Пожалуй, главной из них выступает стремление сохранить традиционный социологический аналитический фокус на изучении моральных явлений с опорой на социологическую теорию [7; 24], иногда сопряженное с критикой психологических подходов к изучению человеческой моральной способности как основанной на универсальных и врожденных механизмах морального познания. Кроме того, можно говорить и о большей вовлеченности авторов данного направления в рецепцию подходов к изучению морали, характерных для гуманитарно-ориентированных дисциплин, таких как история (или историческая социология [30]) и философская этика [8; 10]. В целом, несмотря на известную неоднородность, аналитическую перспективу объединяет стремление ревитализировать социологический дискурс о морали с помощью существующих в социологии общих теоретико-методологических подходов и соответствующих логик объяснения.

Так, в частности, Г. Абенд с опорой на заимствованное из современной философии различие «ненасыщенных» (thin) и «насыщенных» (thick) этических понятий критикует современный психологический мейнстрим за фокусировку исключительно на первых, то есть обозначающих базовое отношение и не заключающих в себе сложных суждений о мире категориях вроде «хорошо»/«плохо», «правильно»/«неправильно», «допустимо»/«недопустимо» [10]. Напротив, «насыщенные» конструкты, такие как «жестокость», «благородство», «героизм», «предательство» или «милосердие», которые сочетают дескриптивные и оценочные элементы и употребление которых зависит от исторического и культурного контекста, по мысли Абенда, полностью выпадают из поля зрения современной «науки о морали». И хотя из его рассуждений неочевидно, как должна выглядеть исследовательская программа по изу-

чению «насыщенной» морали, подобная критика однозначно указывает на необходимость привлечения социологической концептуализации и методологии, включая отказ от экспериментальных методов (или как минимум их серьезную модификацию), «настроенных» исключительно на изучение «ненасыщенных» моральных суждений. Кроме того, Абенд предложил социологическую концептуализацию понятия «морального фона» [11] как исторически и культурно изменчивого комплекса латентных представлений о природе моральных норм и используемых тезаурусов для описания моральных явлений, что также можно рассматривать как указание на принципиальную неполноту той проблематизации понимания морали, которую предлагает когнитивная наука.

К категории аналитической социологии морали можно отнести и целый ряд работ других теоретиков. Так, «формалистский подход» к моральному действию, предложенный И. Тэвори [37], по сути, представляет собой попытку по-новому взглянуть на занимавшую еще Э. Дюркгейма [17] проблему социологического определения «морального факта» за счет указания на его внешне наблюдаемые признаки. Тэвори полагает, что его концептуализация морального действия как определяющего актора интерситуационно и в большей степени, чем другие доступные определения (а также порождающего предсказуемые эмоциональные реакции окружающих), позволит обосновать возможность проведения исторических и межкультурных сравнений без опоры на какое-либо априорное содержательное определение морали, которое, строго говоря, может быть социологически проблематичным. Кроме того, аналитической перспективе вполне соответствуют работы Э. Сейера [35; 36], обосновывающие (с заметным влиянием взглядов П. Бурдьё) «моральную значимость» классовых различий и идентичности с учетом, напротив, реалистского понимания морали как области оценок, фундаментальным критерием которых выступает процветание каждого индивида. Ряд авторов монографии по альтруизму, морали и социальной солидарности [26], которых объединяют выраженная нормативная ориентация и стремление вслед за О. Контом и П.А. Сорокиным видеть в социологии некую нравственную функцию, тоже можно причислить к данному направлению, поскольку здесь социологическая теория во многом выступает как способ выработки более-менее целостного, теоретически и практически ориентирующего осмысления моральной реальности.

Хотя данная перспектива основана в первую очередь на теории, для аналитической социологии морали характерны и эмпирические исследования, которые зачастую используются в целях демонстрации эвристической ценности предлагаемой концептуальной оптики. В противоположность когнитивной перспективе, здесь, как правило, речь идет о применении более мягкой интерпретативной методологии, заключающейся в проведении этнографических/исторических кейс-стади

или полуформализованных интервью. Примером первого подхода может служить попытка Абенда эмпирически насытить аналитическую категорию морального фона за счет обращения к истории трансформации американской деловой этики [11]. Работы М. Ламонт [27], посвященные выстраиванию взаимных «моральных границ» представителями различных социальных классов через групповую моральную идентичность, могут служить примером исследований второго типа. Нужно отметить, что и в качественных исследованиях морали вполне возможно наличие «когнитивного» фокуса — например, на выявлении и экспликации представлений о структуре общества и их моральной рационализации у различных категорий низшего класса [43]. Однако главным здесь является скорее формирование теоретически-насыщенной картины моральной реальности, а не проверка какой-либо «жесткой» модели морального познания. Кроме того, подобные работы часто отличает более или менее явно выраженная нормативная составляющая (например, идея о необходимости борьбы с социальным неравенством), что также можно рассматривать в контексте конструирования и легитимации собственных моральных смыслов исследователя.

Сравнительные особенности двух перспектив

Предложенное различие когнитивной и аналитической перспектив в области социологии морали представляет собой довольно абстрактную, упрощенную классификацию, и обе они выступают скорее как идеальные типы, едва ли существующие в реальности в чистом виде и подверженные «смещению» в самых разных пропорциях. И хотя современные социологические подходы к изучению морали вряд ли исчерпываются указанными перспективами (более того, практически в любой области социологии можно найти отсылки к моральному измерению изучаемых явлений [23]), проведение этого базового различия вполне может оказаться полезным для обретения социологией морали полноценной идентичности, поскольку это позволяет, с одной стороны, суммировать многое из того, что было сделано представителями нашей дисциплины за последние годы, а с другой — отразить возможность дальнейшего развития и полноценного формирования соответствующих исследовательских программ. Эxpлицируем и кратко резюмируем ключевые различия между когнитивной и аналитической перспективами в социологии морали по трем основаниям — теоретическому, методологическому и аксиологическому.

Теория: междисциплинарный синтез

против социологического концептуального «ядра»

Различие в теоретических ориентациях является, пожалуй, ключевым основанием выделения двух перспектив с учетом известной парадигмальности для новой социологии морали вопроса о том, как

она должна относиться к влиятельным психологическим и биологическим подходам. Представители направления, которое мы называем когнитивной социологией морали, тяготеют к тому, чтобы серьезно относиться как к языку описания моральных явлений, так и к специфическим теориям морального познания, разработанным в психологии и нейронауке, а также явным образом рассматривать мораль в междисциплинарной перспективе (причем вопрос о «социологичности» фокуса может не иметь здесь ключевого значения). Представители аналитического направления, напротив, склонны опираться на традиционный социологический дискурс и имеющиеся в конвенциональной социологической теории концептуальные подходы к описанию и объяснению моральной реальности, говоря, как правило, о важности раскрытия ее социальных и культурных детерминант. Здесь важную роль играют попытки выстраивания логики теоретизирования о моральных явлениях на основе реконцептуализации наследия авторов, составляющих общепризнанный канон социологической теории, — таких как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, И. Гофман, П. Бурдьё и др. [2; 7; 24; 28; 44] — в отсутствие заметного интереса к соотношению их взглядов с состоянием современной «науки о морали».

Методология: «жесткая» логика экспериментального исследования против исторических и интерпретативных методов

Различие в отношении к методологии и методам логично вытекает из различия в теоретической направленности двух перспектив и в целом ему соответствует: эмпирические исследования социологов морали вполне соотносятся с логикой ориентации либо на общенаучную экспериментальную методологию, либо на методологию, в большей степени свойственную герменевтическим подходам. Для когнитивной социологии морали характерно применение экспериментов, основанных на манипулировании определенными факторами (например, атрибутами гипотетических сценариев, которые предъявляются испытуемым для оценок), либо опросных методов, в которых используются валидизированные в психологических экспериментах шкалы и методики измерения [31; 42]. Цель такого подхода — демонстрация наличия жестких причинно-следственных связей в процессах морального познания, что является своего рода стандартом научного вывода в междисциплинарной «науке о морали». Что касается аналитической перспективы в социологии морали, то в тех случаях, когда дело не ограничивается чистой концептуализацией, используемая в эмпирических исследованиях методология, скорее, тяготеет к интерпретативной традиции, включая интервью, исторические исследования или иллюстрации предложенной теоретической оптики материалами этнографических наблюдений (например: [37]). Это обстоятельство может быть связано не столько со стремлением к верификации специфических теоретических моделей, сколько со смыслообразующей функцией аналитической теории, что

подводит к вопросу об имплицитных ценностных ориентациях представителей двух выделяемых перспектив.

***Аксиология: «чистый» познавательный интерес
против существенных нормативных импликаций***

Провести явное и однозначное различие в аксиологических ориентациях между когнитивной и аналитической перспективами в социологии морали довольно сложно, поскольку далеко не всегда они открыто декларируются — в этом смысле нормативистский проект социологии морали, альтруизма и солидарности В. Джеффриса и коллег [26] является скорее исключением, чем правилом. Тем не менее эта задача представляется небесмысленной, поскольку экспликация ценностно-нормативного измерения в двух классах подходов открывает перспективы для дальнейшего сфокусированного обсуждения соотношения дескриптивного и прескриптивного в новой социологии морали. В общем и целом можно заключить, что когнитивная перспектива предполагает ориентацию на выявление механизмов функционирования человеческой моральной способности, в первую очередь исходя из чисто познавательного интереса, без очевидной нормативной или прикладной составляющей (что, впрочем, не исключает потенциала практического применения подобных исследований — например, обучения морали искусственного интеллекта [3]). С аналитической перспективой дело обстоит сложнее, поскольку, как уже было сказано, нередко нормативный фокус здесь явно обозначен, а дескриптивные и прескриптивные рассуждения оказываются переплетены в едином нарративе. Вместе с тем думается, что и во многие чисто аналитические теории, претендующие на описание и объяснение моральной реальности, «вплетены» интересы и смыслы иного рода, нежели предполагаемые чисто «исследовательским», дескриптивным подходом. Впрочем, это заслуживает отдельного рассмотрения, которое вышло бы за рамки данной работы.

Ключевые проблемы и будущее новой социологии морали

Предложенные выше различия могут оказаться полезными с точки зрения рефлексии относительно пути, пройденного новой социологией морали за последние как минимум полтора десятилетия, а также для дальнейшего развития данных исследовательских программ. В заключительной части статьи обратим внимание на ключевые проблемы и сопряженные с ними риски для когнитивной и аналитической перспектив в социологии морали, которые могут реализоваться, особенно в случае их крайнего обособления друг от друга и углубления различий в их исследовательских программах.

Несомненным плюсом когнитивной социологии морали является то, что она в гораздо большей степени, чем аналитическая, встроена в широкий междисциплинарный контекст исследований факторов

моральных суждений, поведения и эмоций. Это дает социологам возможность полагаться на наиболее актуальные теории и эмпирические исследования, объясняющие механизмы функционирования человеческой моральной способности, поскольку нет никакой причины, по которой социология (не обладая монополией на изучение социального поведения человека) должна игнорировать или слишком сильно дистанцироваться от психологического и биологического дискурсов о природе морали [1]. Это, конечно, предполагает движение в сторону большей открытости социологических теорий и методов к применению междисциплинарных подходов [4; 5; 42].

Вместе с тем чрезмерное увлечение психологической и связанной с ней междисциплинарной перспективами чревато рисками как минимум серьезного содержательного смещения исследовательского фокуса с социальных процессов на психологические и нейробиологические — как это видно, например, по проекту нейросоциологии Д. Фрэнкса и Дж. Тернера [20], а также более недавним попыткам институционализировать эту область [12]. Как следствие, когнитивная социология морали в конечном итоге может утратить собственную субъектность и стремление к построению целостной и многоуровневой картины моральной реальности, ограничиваясь психологическими механизмами и нейрофизиологическими коррелятами моральных суждений. Представляется, что одним из способов избежать этого может стать включение в парадигму когнитивной социологии морали традиционного социологического фокуса на изучении социальных норм и ролевых ожиданий [2; 13], а также дальнейшее теоретизирование по поводу этих явлений и содержательный диалог с более общими социологическими когнитивными теориями культуры [29; 41].

Аналитическая перспектива, в свою очередь, имеет преимущества за счет выраженной связи с конвенциональным социологическим теоретическим дискурсом, имеющим собственные традиции концептуализации морали [14; 28]. Кроме того, эта перспектива позволяет обращать более пристальное внимание на те (абстрактные) аспекты морали — ценности, институты, дискурсы, практики, — которые, как правило, остаются вне фокуса когнитивной психологии, сконцентрированной на экспериментальном изучении моральных суждений и поведения. Как следствие, мораль предстает здесь в виде менее фрагментированного, более комплексного и многоуровневого явления, а выстраивание ее теоретических моделей служит средством утверждения специфически социологической оптики за счет рассмотрения не столько универсальных, сколько социально, исторически и культурно обусловленных свойств моральных явлений. В связи с этим дальнейшая разработка аналитической перспективы представляется важной для конструирования теоретически насыщенного описания моральной реальности в контексте наиболее фундаментальных, «конечных» смыс-

лов существования человека в обществе, занимавших еще классиков нашей дисциплины — от Дюркгейма и Вебера до многочисленных представителей Франкфуртской школы. Содержательное отношение к моральным смыслам в современных обществах как явлению коллективного порядка — в противовес популярным сегодня натуралистским моделям культуры — позволит предложить способы концептуализации морали не как способности человека производить единичные суждения о «правильном» и «неправильном», а как ключевого элемента выстраивания жизненного пути и неизбежных столкновений с другими людьми и внешними социальными силами. И хотя до полноценного развития подобного способа осмысления морали в социологии еще далеко, можно отметить, что, помимо работ по альтруизму и солидарности В. Джеффриса и коллег [26], в этом плане интересны, в частности, труды австралийского социолога Дж. Кэррола [15], который анализирует современную западную культуру через призму важнейших моральных и онтологических вопросов человеческого существования.

Главным риском для развития аналитической перспективы видится чрезмерная герметизация дискурса и отсутствие соотнесения социологических представлений о морали с моделями из когнитивных и поведенческих наук, что сулит серьезное отставание от них, в особенности по части анализа современных актуальных проблем, таких как моральный статус искусственного интеллекта [3; 5]. В связи с этим аналитической социологии морали было бы полезно уйти от постоянной ретрансляции и переинтерпретации взглядов классиков¹ [21], чтобы избежать теоретической (само)изоляции и включиться в более широкие — социологические и внесоциологические — смысловые контексты. Это могло бы способствовать социологии морали в более четком определении своей идентичности, а также обретении междисциплинарного языка описания моральных явлений.

Указанные проблемы двух перспектив можно и нужно рассматривать и в качестве соответствующих точек роста для проекта новой социологии морали. Для этого необходимы как дальнейшие теоретические разработки, так и содержательные эмпирические исследования — от успешности этих усилий зависит, обретет ли социология морали статус полностью легитимной и институционализированной предметной области, какой ее мечтали видеть многие классики социологии [17; 22; 44].

Заключение

В данной работе перспективы социологии морали рассматривались почти исключительно исходя из внутренней логики развития исследовательского поля, которая далеко не всегда напрямую связа-

¹ Однако, придерживаясь иной точки зрения, В.Г. Николаев пишет о ценности подобного воспроизводства классической теории [6].

на с текущими социальными процессами. Тем не менее в заключение необходимо отметить, что здесь — пожалуй, в меньшей степени — важно и то, что сегодня происходит «за окном». Усиливающаяся ценностная поляризация как внутри обществ, так и самих обществ, интенсификация вооруженных конфликтов (оправдываемых при помощи моралистических риторик) и обострение рисков глобальной войны, небывалые темпы развития искусственного интеллекта — все это порождает серьезные и взаимосвязанные вызовы для развития социологии морали. И хотя едва ли можно надеяться на реализацию кажущегося сейчас исключительно наивным контовского проекта социологии как науки, объединяющей и способствующей моральному прогрессу человечества, все же глубокий анализ и понимание природы моральных разногласий, как в рамках обозначенных в данной статье перспектив, так и за их пределами, — первый и необходимый шаг на пути к достижению практического взаимопонимания между людьми.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быков Андрей Вячеславович — кандидат социологических наук, доцент, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (495) 772-95-90, доб. 12454. **Электронная почта:** a.bykov@hse.ru

Research Article

ANDREY V. BYKOV^{1, 2}

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE NEW SOCIOLOGY OF MORALITY:

COGNITIVE AND ANALYTICAL PERSPECTIVES

Abstract. This article presents analysis of the prospects for the development of the new sociology of morality in the context of ongoing efforts to institutionalize this area of research. In order to assess and generally classify the theoretical and empirical research that has been conducted as part of this project so far, as well as to determine the possible and potentially promising directions for its further evolution, the author identifies two complementary perspectives — cognitive and analytical sociology of morality. This distinction is proposed based on opposing views held by the authors of this research tradition concerning the extent to which the sociology of morality should incorporate the models of explanation and methods of studying morality from the (much more popular and influential) field of cognitive psychology. The article contains a brief general overview of several conceptual and empirical works that serve as examples of each of the two identified perspectives, and also explicates the differences between them based on three dimensions — theoretical, methodological, and axiological. In addition, the article discusses the key features and potential problems for the future development of cognitive and analytical perspectives in

sociology of morality, while also identifying a few potential ways to overcome them. Thus, this work contributes to the ongoing development of the program to research the new sociology of morality by demonstrating crucial features and pointing out the key problems of the two identified perspectives, as well as revealing their potential in terms of deepening both sociological and interdisciplinary knowledge about the nature of human moral capacity.

Keywords: morality; sociology of morality; sociological theory.

For citation: Bykov, A.V. The New Sociology of Morality: Cognitive and Analytical Perspectives. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 26–42. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.2

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Bykov — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, HSE University; Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 772-95-90, add. 12454. **Email:** a.bykov@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быков А.В. Социология морали и эволюционная теория: история и перспективы взаимодействия // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 127–136. EDN: XXRROZ

Bykov A.V. Sociology of morality and evolutionary theory: history and perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 127–136. (In Russ.)

2. Десятко И.Ф. Понятие ценности в социологической теории: влияние и (недооцененные) возможности его интерпретации с позиций гештальт-психологии // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250011945-2 EDN: MYVLQP

Deviatko I.F. The Concept of Value in Sociological Theory: the Influence and (Underestimated) Possibilities of its Interpretation from the Standpoint of Gestalt Psychology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 10. P. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250011945-2 (In Russ.)

3. Десятко И.Ф. Проблема ориентации искусственного интеллекта на человеческие ценности (AI value alignment) и социология морали // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250027775-5 EDN: QVKPLQ

Deviatko I.F. AI Value Alignment and Sociology of Morality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250027775-5 (In Russ.)

4. Калинин Р.Г., Десятко И.Ф. Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 95–114. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.05 EDN: ONMLFV

Kalinin R. G., Deviatko I. F. Who should pay for a water pipe: social context of distributive justice perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 2 P. 95–114. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.05 (In Russ.)

5. Нарьян С.К., Быков А.В. Проблема моральной агентности акторов: перспективы социологического подхода в контексте теории «моральной диады» // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 8–23. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8835 EDN: NIJSPT
Naryan S.K., Bykov A.V. The Problem of Moral Agency: Prospects of the Sociological Approach in the Context of the “Moral Dyad” Theory. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 8–23. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8835 (In Russ.)
6. Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250017450-8 EDN: NPYMDC
Nikolaev V.G. Sociological Theory in Russia: At the Crossroads of Fragmentation and Pluralism. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 1. P. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250017450-8 (In Russ.)
7. Abbott O. *The self, relational sociology, and morality in practice*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 189 p. DOI: 10.1007/978-3-030-31822-2
8. Abend G. Two main problems in the sociology of morality. *Theory and Society*. 2008. Vol. 37. No. 2. P. 87–125. DOI: 10.1007/s11186-007-9044-y EDN: JZPTBN
9. Abend G. What’s new and what’s old about the new sociology of morality. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 561–584. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_30
10. Abend G. Thick concepts and the moral brain. *European Journal of Sociology*. 2011. Vol. 52. No. 1. P. 143–172. DOI: 10.1017/S0003975611000051
11. Abend G. *The moral background: An inquiry into the history of business ethics*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 339 p. DOI: 10.1515/9781400850341
12. Auriemma V., Iorio G., Morese R., Rama R. Editorial: Neurosociology: A new field for transdisciplinary social analysis. *Frontiers in Sociology*. 2022. No. 7. P. 911361. Accessed 22.11.2023. DOI: 10.3389/fsoc.2022.911361
13. Bykov A. Altruism: New perspectives of research on a classical theme in sociology of morality. *Current Sociology*. 2017. Vol. 65. No. 6. P. 797–813. DOI: 10.1177/0011392116657861
14. Bykov A. Rediscovering the moral: The ‘old’ and ‘new’ sociology of morality in the context of the behavioural sciences. *Sociology*. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 192–207. DOI: 10.1177/0038038518783967
15. Carrol J. *Skeptical sociology*. N.Y.: Routledge, 2014. 216 p.
16. Deviatko I.F., Bykov A. Weighing the moral worth of altruistic actions: A discrepancy between moral evaluations and prescriptive judgments. *Philosophical Psychology*. 2022. Vol. 35. No. 1. P. 95–121. DOI: 10.1080/09515089.2021.1950666
17. Durkheim E. *Sociology and philosophy*. N.Y.: Routledge, 2010. 51 p. DOI: 10.4324/9780203092361

18. Ellemers N., van der Toorn J., Paunov Y., van Leeuwen T. The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017. *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 332–366. DOI: 10.1177/1088868318811759
19. Firat R., McPherson C.M. Toward an integrated science of morality. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 361–384. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_19
20. *Handbook of neurosociology*. Ed. by D.D. Franks, J.H. Turner. Dordrecht: Springer, 2012. 406 p.
21. *Handbook of the sociology of morality*. Vol. 2. Ed. by S. Hitlin, S.M. Dromi, A. Luft. Cham: Springer, 2023. 467 p.
22. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. 595 p.
23. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality. *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39. P. 51–68. DOI: 10.1146/annurev-soc-071312-145628
24. Ignatow G. Why the sociology of morality needs Bourdieu's Habitus. *Sociological Inquiry*. 2009. Vol. 79. P. 98–114. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2008.00273.x
25. Ignatow G. Morality and mind-body connections. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 411–424. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_21
26. Jeffries V. (ed.) *The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity: Formulating a Field of Study*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 434 p. DOI: 10.1057/9781137391865
27. Lamont M. *Money, morals, and manners: The culture of the French and the American upper-middle class*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 350 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226922591.001.0001
28. Levine D.N. Adumbrations of a sociology of morality in the work of Parsons, Simmel, and Merton. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 57–72. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_4
29. Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D.S., Taylor M.A., Van Ness J., Wood M. What are dual process models? Implications for cultural analysis in sociology. *Sociological Theory*. 2016. Vol. 34. No. 4. P. 287–310. DOI: 10.1177/0735275116675900
30. McCaffree K. Moral realism in historical sociological theory. *Journal of Historical Sociology*. 2019. Vol. 32. No. 1. P. 124–141. DOI: 10.1111/johs.12204
31. Miles A., Charron-Chénier R., Schleifer C. Measuring automatic cognition: Advancing dual-process research in sociology. *American Sociological Review*. 2019. Vol. 84. No. 2. P. 308–333. DOI: 10.1177/0003122419832497
32. Miles A., Vaisey S. Morality and politics: Comparing alternate theories. *Social Science Research*. 2015. Vol. 53. P. 252–269. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2015.06.002

33. Nastina E., Deviatko I.F. Different path to happiness: The role of basic psychological need satisfaction in benefiting close and distant others. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023. Vol. 40. No. 9. P. 3004–3027. DOI: 10.1177/02654075231165720
34. Pölzler T., Wright J.C. Empirical research on folk moral objectivism. *Philosophy Compass*. 2019. 14:e12589. Accessed 22.11.2023. DOI: 10.1111/phc3.12589
35. Sayer A. *The moral significance of class*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 247 p. DOI: 10.1017/CBO9780511488863
36. Sayer A. Class and morality. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 163–178. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_9
37. Tavory I. The question of moral action: A formalist position. *Sociological Theory*. 2011. Vol. 29. No. 4. P. 272–293. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2011.01400.x
38. Turner J.H. Natural selection and the evolution of morality in human societies. *Handbook of the sociology of morality*. Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. N.Y.: Springer, 2010. P. 125–146. DOI: 10.1007/978-1-4419-6896-8_7
39. Turner J.H. The structure, culture, and biology driving moralization of the human Universe. *Handbook of the sociology of morality*. Vol. 2. Ed. by S. Hitlin, S.M. Dromi, A. Luft. Cham: Springer, 2023. P. 73–99. DOI: 10.1007/978-3-031-32022-4_5
40. Turner S. Social theory as a cognitive neuroscience. *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 357–374. DOI: 10.1177/1368431007080700
41. Vaisey S. Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 114. No. 6. P. 1675–1715. DOI: 10.1086/597179
42. Vaisey S., Miles A. Tools from moral psychology for measuring personal moral culture. *Theory and Society*. 2014. Vol. 43. No. 3–4. P. 311–332. DOI: 10.1007/s11186-014-9221-8
43. Vanke A. Researching lay perceptions of inequality through images of society: Compliance, inversion and subversion of power hierarchies. *Sociology*. 2023. Online First. Accessed 22.11.2023. DOI: 10.1177/00380385231194867
44. Weiss R., Gomes N.J. Talcott Parsons and the sociology of morality. *The American Sociologist*. 2021. Vol. 52. P. 107–130. DOI: 10.1007/s12108-020-09466-w

Статья поступила в редакцию: 22.11.2023; поступила после рецензирования и доработки: 16.01.2024; принята к публикации: 04.03.2024.

Received: 22.11.2023; revised after review: 16.01.2024; accepted for publication: 04.03.2024.

Д.С. ПОПОВ¹, Д.А. ШЕСТАКОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ИЗМЕНЧИВОМ КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Идея человеческого капитала со времен Адама Смита многократно доказала свою важность и необходимость для понимания современной экономики и социальных отношений. Вместе с тем в последние десятилетия теория человеческого капитала, в современном виде сформулированная в США в 1960–1980-х гг., подвергается серьезной критике в научной литературе, в первую очередь за подход к измерению. Данная статья имеет аналитический и обзорно-проблематизирующий характер. В ней проводится критическая ревизия основных подходов к оценке человеческого капитала в современной науке. Обсуждается вопрос специфичности и историчности человеческого капитала, его включенности в социальные структуры. Показано, что новые стратегии измерения человеческого капитала включают не только количественный показатель (число лет, потраченных на получение образования), но и показатель качества знаний и навыков. Такой подход позволяет наблюдать прирост или утрату, деградацию человеческого капитала за пределами конвенционального образовательного трека. Это позволяет говорить о встроенности (*embeddedness*) человеческого капитала в процессы локализованного социально-исторического развития. Показаны возможности социологизации понятия «человеческий капитал» и преимущества, которые дает такая социологизация. Обсуждается потенциал социологии жизненного пути (*life-course sociology*) для анализа и понимания человеческого капитала. Предлагается взглянуть на человеческий капитал сквозь призму поколенческого подхода. В обсуждении намечены исследовательские ракурсы для изучения человеческого капитала в предложенной логике.

Ключевые слова: человеческий капитал; образование; кризисное общество; утрата навыков; эффекты когорты.

Для цитирования: Попов Д.С., Шестакова Д.А. Человеческий капитал в изменчивом кризисном обществе: стратегия социологического анализа // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 43–63. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.3 EDN: FLJPGF

Введение

Мысль о всеобъемлющем социальном развитии захватила умы многих социологов XIX в., в результате чего был предложен целый ряд общих эволюционистских концепций в широком диапазоне — от Г. Спенсера

до К. Маркса. Однако на фоне кризисных и турбулентных событий начала XX в. подобные «вселенские» концепции развития стали восприниматься с большим сомнением. «Кто сегодня читает Спенсера?» — таким вопросом Т. Парсонс, критически воспринимавший одновременно и эволюционизм, и биологический (физический) редукционизм британского социолога, открывает свою книгу 1937 г. о структуре социального действия [5]. Предшественник Т. Парсонса на посту декана социологического факультета Гарварда П.А. Сорокин, частью биографии которого стали русские революции начала XX в. и эмиграция, делает проблему социально-культурной динамики, мобильности и изменения одной из центральных в своей социологии (см., например, современную рецепцию идей П.А. Сорокина в обстоятельной монографической работе Б. Джонстона [39]). Для социологов на постсоветском пространстве идея кризисности и социальной лабильности по-прежнему актуальна и близка, что связано как с событиями последнего десятилетия XX в., включая распад СССР, реорганизацию социальной и экономической систем, сопровождавшиеся глубоким кризисом, так и с более близкими к нам, включая экономическую нестабильность, пандемию, войны, санкции, утечку умов, геополитические процессы.

Реконструкция и популяризация концепции человеческого капитала классиками американской послевоенной экономики (Г. Беккер, Т. Шульц, Дж. Минсер) была осуществлена в русле идеи постоянного экономического развития, которую стоит признать интегрирующей и конститутивной для американского общества послевоенного периода. В их изложении теория человеческого капитала была укоренена в американской экономике, и ее прогностический потенциал был связан с развитием именно этой экономики, опирающейся в своей динамике в первую очередь на эндогенные, внутренние, факторы (одним из которых и было накопление и эффективное использование запаса человеческого капитала). Отметим, что история послевоенной американской экономики, как, впрочем, и других экономик развитых западных стран, к которым теория Беккера — Шульца — Минсера применима примерно в равной степени, — это история почти непрерывного роста. Периодически возникающие и сопровождающиеся рецессией кризисы не приводили к коренной перестройке социально-экономической реальности и ликвидировались при помощи «косметического ремонта», а экономика в достаточно короткие сроки возвращалась к докризисным уровням. В этой ситуации не происходило серьезной флуктуации достигнутых уровней человеческого капитала, а изначально предложенная модель его измерения неизменно оказывалась убедительной.

Однако на фоне экспансии теории человеческого капитала, с появлением измерений в большем количестве стран и сопоставительных международных исследований универсальность, внеисторичность и внеконтекстуальность теории превращаются в ее недостаток. Отчасти

этому способствовала классическая методика измерения человеческого капитала, основанная на легкодоступных количественных показателях, таких как наличие формального диплома об образовании или количество лет, потраченных на получение формального образования. Вызревшая в 1980-х гг. и «объективированная» в начале 1990-х гг. в индексе ООН концепция человеческого потенциала (*human development*) «отвязывает» человеческий капитал от экономической продуктивности, отдачи и, в конечном счете, от (сугубо) экономического развития. Однако вопросы укорененности, соотносительности с локальными институтами, с процессами изменения (не только развития, но и утраты, деградации) человеческого капитала оказываются нерешенными.

В России последнее десятилетие XX в. отмечено чередой непрерывных кризисов разной интенсивности, глубокими социально-политическими трансформациями. Отечественная история первой четверти XXI в. также связана с социальными переменами, пусть и меньших интенсивности, масштаба. Можно предположить, что такая историческая ситуация приводит к серьезным изменениям человеческого капитала, причем стремительность этих изменений не позволяет отследить их «классическими» методами, с опорой на наличие дипломов о формальном образовании. Это ставит вопрос об эффективности существующих подходов к оценке человеческого капитала, а также о поиске стратегии по преодолению объективных содержательных и методических сложностей.

Данная статья имеет обзорный и проблематизирующий характер. В ней проводятся анализ и экспликация основных идей и подходов к изучению человеческого капитала, появившихся в современной социально-экономической традиции. Мы оценим эффективность существующих методик измерения человеческого капитала, а также рассмотрим перспективы их социологического изучения. В заключительной части обсудим возможные направления анализа человеческого капитала, компетентности и грамотности в условиях лабильного, меняющегося общества, в том числе с опорой на традицию исследования поколений (*life-course sociology*).

Человеческий капитал: появление и развитие концепта

Желание определить роль и «вес» человека, его навыков и умений в социально-экономической динамике достаточно рано появляется в английской политической экономии, в частности в работах У. Петти, Дж. С. Милля и А. Смита (об исторических корнях теории человеческого капитала см. обзоры Б.Ф. Кикера и Дж. Шпенглера [42; 59]). Однако широким распространением термина «человеческий капитал» современная экономическая теория обязана работам американских экономистов Дж. Минсера [49; 50], Т. Шульца [55; 56] и Г. Беккера [23; 24], появившихся на фоне широкого распространения массового образования. В основе теории чикагских экономистов лежат предпо-

ложения о том, что образование, профессиональная подготовка, накопление навыков и знаний, инкорпорированных в людей (то есть собственно «человеческого капитала»), увеличивают производительность труда, доходы людей и в конечном счете приводят к экономическому росту и социальному прогрессу (который неизбежно, по их логике, вытекает из экономического роста). В изначальной интерпретации человеческий капитал определялся на микроуровне как результат инвестиций каждого отдельного человека в себя, но в контексте вопросов социально-экономического развития он стал интересен на макроэкономическом уровне, где вносит вклад в экономическое развитие страны (о связи человеческого капитала с экономическим развитием см.: [2]). Отдача от человеческого капитала может быть измерена, причем в стоимостных единицах, что делает запасы человеческого капитала сопоставимыми с физическим капиталом и другими экономическими параметрами (объем ВВП и др.). Однако стоимостные оценки человеческого капитала не отменяют задачи понимания его основы, то есть образовательных достижений, навыков людей.

Знания и навыки, составляющие основу человеческого капитала, вполне могут быть измерены (хотя и не без определенных сложностей). Человеческий капитал в этом отношении подобен капиталу физическому с той существенной разницей, что человеческий капитал неотделим от своих носителей — людей, поэтому его «оборот» в современных обществах ограничен, его нельзя в прямом смысле продать или передать. При этом и физический, и человеческий капиталы способны как увеличиваться, так и устаревать, деградировать, уменьшаться с течением времени.

В 1970-х гг. появляется критика теории человеческого капитала в той ее части, которая связывает образование с повышением экономической продуктивности, производительности труда и экономическим ростом, в конце концов; при этом мысль о том, что образование и навыки отражают человеческий потенциал (не оцениваемый сугубо в экономической плоскости), напротив, приобрела дополнительный импульс [43]. Во многом под влиянием идей британского экономиста индийского происхождения А. Сена [58] в качестве альтернативы человеческому капиталу появляется концепция человеческого развития (*human development*, «человеческий потенциал», или «человеческое развитие» в русскоязычной литературе). Появление концепции человеческого развития связано не столько с теоретической, сколько с политической проблемой. Если повышение отдачи от человеческого капитала становится ключевой задачей для развития экономики, а работоспособное население не увеличивается или вовсе сокращается, возникает угроза трудовой эксплуатации в разных формах. Поэтому в рамках концепции «человеческого развития» происходит попытка «отвязать» образование и навыки от экономического роста и извлечения прибыли. Благополучие

людей не всегда и не во всем зависит от роста экономики, но зависит от способностей людей, которые в том числе обеспечиваются их запасом знаний и навыков. В этой новой интерпретации «человеческий потенциал», измеряемый, в частности, при помощи индекса человеческого развития (*Human Development Index, HDI*), широко использовался аналитиками и чиновниками в ООН в дополнение к ВВП для оценки социально-экономических аспектов состояния стран мира [60]. В современных работах идея «человеческого потенциала» перерастает в концепцию человеческого благополучия (*wellbeing*), комплексного составного показателя, для измерения которого используется, помимо прочего, человеческий капитал (см., например: [38]).

В качестве основного и легкодоступного индикатора для измерения человеческого капитала в современных исследованиях чаще всего используется показатель наличия диплома о формальном образовании (либо количество лет, потраченных на получение формализованного образования). В индексе человеческого развития (а затем и при измерении человеческого благополучия) к базовому показателю достигнутого уровня формального образования добавляются дополнительные индикаторы, в том числе оценки здоровья, прогнозируемого возраста смерти, безопасности, вовлеченности в социальную и политическую жизнь, баланс между трудом и отдыхом и др. Разные метрики используются и при оценке человеческого капитала, Г. Лю и Б. Фраумени перечисляют шесть таковых (см. обзорную статью [45]). Но в рамках данной статьи нас интересует только наиболее проблемная с точки зрения измерения когнитивно-компетентностная составляющая. Наличие диплома или уровень формального образования были вполне пригодными индикаторами в условиях послевоенной американской реальности, когда образовательная система отличалась стабильностью и предсказуемостью результатов. Однако при проведении исследований в иных странах / социально-экономических контекстах и в условиях популяризации международных сопоставительных исследований допущения, которые лежат в основе рассматриваемого измерительного подхода, оказываются слишком радикальными.

Отметим появление в последние десятилетия исследований человеческого капитала, в фокусе внимания которых находится период вне классического образовательного трека. В ходе реализации этих исследований предпринимаются попытки оценить факторы, влияющие на компетентностную компоненту человеческого капитала за пределами конвенционального школьного образования [25; 47]. Артикулируется связь человеческого капитала не только с формальным образованием, но и с профессией и занятостью людей [29]. Человеческий капитал рассматривается в динамике человеческих жизней, его уровень может значительно изменяться под влиянием внешних по отношению к формальному образованию параметров в течение всей жизни людей.

Таким образом, стандартные «образовательные» индикаторы не отражают вариативность образовательных результатов, полученных в разных странах и в разные исторические периоды. Кроме того, они не способны отразить прирост или утрату человеческого капитала за пределами стандартных образовательных треков (школа — ссуз — вуз). Такие изменения и утраты сущностных, «натуральных» (а не стоимостных) характеристик человеческого капитала происходят в кризисных обстоятельствах (в эпохи глубоких социальных трансформаций и революций, войн, масштабных эпидемий), поэтому необходимо найти стратегии измерения и оценки этих изменений для быстро меняющихся и транзитных обществ, таких, например, как российское.

Измерение отдачи от человеческого капитала

В экономических и социологических исследованиях широко распространен подход к измерению отдачи от человеческого капитала, предложенный в конце 1950-х гг. американским экономистом Дж. Минсером [49; 50]. Образование, работа, производительность труда и доход в рамках этого подхода находятся в прямой зависимости. Подход Дж. Минсера получил развитие в работах другого представителя чикагской экономической школы Г. Беккера [23], в конечном итоге он становится основой для большого количества эмпирических исследований в США и за их пределами.

В конце XX в. этот подход был усовершенствован за счет добавления в расчеты так называемого «эффекта когорты» (*cohort effect*). Предполагается, что экономическая отдача от человеческого капитала неодинакова в течение жизни. Однако за счет длительного наблюдения за группами людей разных возрастов можно это учесть и построить прогностические модели, предсказывающие динамику изменений в экономике, происходящих за счет отдачи от человеческого капитала, на десятилетия вперед. Так, в фокусе исследования Д. Бейкера, М. Гиббса и Б. Хольмстрёма [20] оказались кадровые записи менеджеров одной фирмы за 20-летний период. На основе изучения этих записей выяснилось, что средняя заработная плата когорты при поступлении на работу является важным предиктором, позволяющим определить среднюю заработную плату представителей этой же когорты годы спустя. К аналогичным выводам о наличии фактора когорты приходят и другие исследователи (см., например, [22]).

С учетом эффекта когорты экономистами Д. Джоргенсоном и Б. Фраумени [40; 41] была предложена комплексная методика измерения (и прогнозирования) отдачи от человеческого капитала в течение жизни (*lifetime income approach*). Отдача рассчитывается дифференцированно с учетом разных возрастных когорт для экономически активного населения (в возрасте от 14 до 74 лет). По этой методике в начале текущего столетия экономист Ган Лю реализовал сопоставительное исследование человеческого капитала в странах ОЭСР [44]. В России

это исследование было реплицировано Р.И. Капелюшниковым с использованием данных переписей 2002 и 2010 гг. [10; 11]. Отметим, что и в проекте Г. Лю, и у Р.И. Капелюшникова основным индикатором для измерения человеческого капитала остается классический — достигнутый уровень формального образования.

По результатам исследования Г. Лю было показано, что в большинстве стран ОЭСР оценочная стоимость человеческого капитала превосходит ВВП в 10–11 раз; это позволило сделать общий вывод о том, что главным элементом богатства (и главной частью национальных экономик) в современных обществах выступает именно человеческий, а не физический капитал. При этом молодежь во всех странах ОЭСР обладает большими запасами человеческого капитала, чем старшие поколения (Россия же по этому параметру радикально отличается — см. ниже). Результаты расчетов Р.И. Капелюшникова по той же методике показали, что «в 2002 г. Россия располагала человеческим капиталом в объеме 121 трлн руб., тогда как в 2010 г. — в объеме 608 трлн руб. Таким образом, за это восьмилетие его номинальный запас увеличился пятикратно, что предполагает ежегодные темпы прироста порядка 22%» [11].

Предположение об отдаче от человеческого капитала среди различных поколений в изначальной модели Джоргенсона — Фраумени опиралось на эмпирические наблюдения американского общества. Вместе с тем, как показывают недавние отечественные исследования, эта отдача в российском контексте имеет весьма ярко выраженную специфику [9]. Если в большинстве развитых стран заработок возрастает в течение всей трудовой карьеры (хотя к ее середине этот рост сильно замедляется), то для нашей страны характерен другой профиль, который отличается иной крутизной начального подъема и ранним снижением: пик заработков достигается в возрасте до 40 лет, после чего наблюдается снижение. В этом отношении универсальность когортной модели Джоргенсона — Фраумени и ее применимость к российским условиям оказываются под вопросом.

Результаты Р.И. Капелюшникова, безусловно, представляют значительный интерес и коррелируют с динамикой российской экономики начала XXI в. Однако вызывает сомнение, что описанное им изменение отдачи от труда действительно может быть объяснено в логике теории человеческого капитала. И теория человеческого капитала в классическом варианте, и более поздние модели, учитывающие эффект когорты, исходят из того, что развитие экономики определяется внутренними, эндогенными причинами (в первую очередь увеличением человеческого капитала, то есть запаса знаний, навыков и умений населения). Соответственно, и прогнозы, сделанные на основе *lifetime income approach*, рассчитаны на то, что экономика постепенно развивается вне значительных внешних потрясений (таких как революции, войны, масштабные эпидемии и т. д.). Вместе с тем для кризисных обществ (при-

мером которого является российское общество постсоветского периода) логика экономического развития зачастую задается извне, и внешние экзогенные факторы обладают гораздо большей значимостью и весом.

Полученные Р.И. Капелюшниковым результаты, скорее, показывают изменение стоимости труда в условиях лабильной, восстанавливавшейся на фоне высоких цен на энергоресурсы российской экономики. Возникают серьезные сомнения, что за это восьмилетие действительный человеческий капитал, состоящий из знаний, умений и навыков людей, пятикратно возрос. Не произошло заметного роста населения, не было масштабных сдвигов в системе образования (если не считать некоторого перераспределения учащихся, ссузы уступили часть слушателей вузам).

В экономике на фоне эмпирической констатации длительного периода снижения отдачи от образования и человеческого капитала была предложена гипотеза и концепция «специфического человеческого капитала» (*task-specific human capital*) [33]. «Специфический человеческий капитал» измеряется через количество лет, проведенных человеком на одном рабочем месте. Однако идея этой специфичности гораздо шире. Основанная на знаниях экономика является высокодинамичной лишь в отдельных специфических областях (как, например, сфера ИТ, сформированная на наших глазах за последние десятилетия). Для поколения, выходящего на рынок труда, высокую отдачу от человеческого капитала (понимаемого в классическом чикагском смысле) можно ожидать только в этих специфических динамичных зонах, подразумевающих владение особыми узконаправленными навыками. С учетом этой динамики очевидна и неоднородность отдачи от человеческого капитала в разных сферах, а также снижение его качества с течением времени (в том числе при быстрых технологических изменениях). Однако идея и ракурс специфического человеческого капитала в целом требуют более сложных подходов к измерению.

Многолетние исследования человеческого капитала, проведенные стэнфордским исследователем Э. Ханушеком и профессором Мюнхенского университета Л. Вессманом, получили важный вывод в одной из последних их монографий: «Адам Смит был прав в том, что человеческий капитал, как мы его теперь называем, чрезвычайно важен для экономического развития стран. Однако эта его высокая значимость обесценивается и затмевается проблемами измерения» [37]. Вместе с тем в последние годы появляются новые подходы к измерению человеческого капитала, фокусирующиеся не только на количественном показателе (годы, потраченные на формальное образование), но и на качественном, основанном на измеренной компетентности.

Альтернативные стратегии измерения человеческого капитала

Вариативность «отдачи» от образовательных систем (в приобретенных знаниях и навыках, то есть в том, что касается базы челове-

ского капитала), как межстрановая, так и темпоральная, что особенно важно для высокодинамичных кризисных обществ, не улавливается стандартными количественными индикаторами, используемыми для оценки человеческого капитала. Аналогичным образом дело обстоит и с утратой, истощением запаса человеческого капитала, возможность которых вполне вероятна в кризисные периоды.

Возможность и эффект утраты или амортизации (*depreciation*) человеческого капитала были недавно эмпирически продемонстрированы на примере учителей средней школы в Греции [31]. В выборку исследования попали (в основном молодые) учителя, каждый из которых год или несколько лет не работал по специальности, а затем вернулся к профессиональной практике. Было показано, что один «пропущенный» учителем год без работы по профессии снижает результаты формализованного теста у его учеников на 0,05 стандартного отклонения. Это, по расчетам авторов, означает уменьшение, или амортизацию, человеческого капитала учителя на 4,3%. Добавим к этому, что и качество формализованного образования весьма неоднородно (и темпорально, в одном обществе, и географически). Авторы статьи о человеческом капитале, вышедшей в журнале “Nature” [18], предлагают свою эмпирическую оценку, основанную на проведенных в 164 странах мира тестовых замерах, весьма наглядно демонстрирующую, что использование классического подхода к оценке человеческого капитала маскирует его значительную неоднородность между странами и регионами. Оценка качества образования становится возможной в том числе благодаря широкому распространению в последние десятилетия масштабных международных исследований компетентности, среди которых особо выделим Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment, PISA*) и Программу международной оценки компетентности взрослых (*Programme for the International Assessment of Adult Competencies, PIAAC*). PISA представляет собой регулярно повторяющиеся раз в три года замеры, направленные на оценку знаний и навыков 15-летних подростков. Первый замер состоялся в 2000 г. В рамках PIAAC осуществлен один замер людей трудоспособного возраста от 15 до 65 лет (формально было проведено два раунда исследования, но в каждом раунде участвовали разные страны, Россия приняла участие в исследовании в 2013 г.) [57].

На основе полученных результатов PISA и PIAAC за последние годы были предложены модели оценки человеческого капитала, учитывающие качество образования [52; 32]. Причем Б. Эгерт с соавторами показывают связь между измеренной в PISA грамотностью 15-летних подростков и измеренной позже в PIAAC грамотностью взрослых из тех же когорт на выборке из нескольких десятков стран, что позволяет использовать данные обеих этих программ для измерения параметра качества образования [32]. Предложенная модель измерения человеческого капитала включает как традиционный индикатор (количество

лет, потраченных на получение образования), так и новый показатель качества образования — результаты тестирований, проведенных по репрезентативным на национальных уровнях выборкам, сопоставимым благодаря близким методикам их построения. Было показано, что благодаря измененной методике измерения показатель человеческого капитала обладает устойчивой связью со стандартным для экономических исследований показателем «совокупная производительность факторов» (*total factor productivity, TFP*). При этом потенциал долгосрочного роста производительности гораздо больше за счет улучшения качественного, чем количественного, компонента человеческого капитала. Увеличение показателей измеренной компетентности в PISA на 5% приводит к долгосрочному увеличению совокупной производительности факторов на 3,4–4,1%, тогда как увеличение средней продолжительности обучения на 9% приводит к росту MFP на 1,8–2,2% [32]. Измеренный в рамках PIAAC уровень грамотности используется для определения отдачи на рынке труда в работе Э. Ханушека и соавторов [36]. Исследование показывает, что для работающих людей в возрасте 25–54 лет (*prime-age workers*) увеличение измеренной математической грамотности на одно стандартное отклонение приводит к 18%-ному росту заработной платы.

На сегодня подход, основанный на измерении навыков, можно считать вполне устоявшимся. Добавление показателя качества образования радикально меняет ситуацию с измерением человеческого капитала в изменчивых и кризисных обществах. Если отследить гипотетическое снижение запасов человеческого капитала на протяжении жизни возможно с использованием результатов двух или более замеров (для одной когорты), то межкогортные изменения становятся очевидными на уровне одного замера грамотности взрослого населения. Собственно, появление адаптивного показателя открывает возможности для социологического исследования человеческого капитала, который формируется и уменьшается (растрачивается) в контексте конкретных групп (поколений), рынков, институтов, связанных с производством и трансляцией человеческого капитала. Иными словами, в фокусе социологического изучения человеческого капитала находятся не экономическая отдача и не продуктивность (хотя и они интересны, пусть и во вторую очередь), но процессы формирования (производства — на языке экономистов) и трансляции запасов человеческого капитала, которые рассматриваются не только как источник экономического роста, но и как часть социальной — в том числе институциональной и технологической — устойчивости, и как гарантия благосостояния людей.

Историчность, укорененность человеческого капитала

Пожалуй, ключевой тезис, касающийся исследований человеческого капитала в высокоизменчивых, лабильных, кризисных обществах, заключается в том, что человеческий капитал необходимо рассматривать как исторический и укорененный в социальных структурах.

Именно такой ракурс позволяет говорить о социологизации как самого понятия, так и методик измерения человеческого капитала. В частности, одним из авторов, всерьез говорящих сегодня об историчности человеческого капитала, стала экономист Гарвардского университета К. Гольдин [34]. Отметим, что в 2023 г. Гольдин получила Нобелевскую премию по экономике, в том числе за свои работы по историчности человеческого капитала. Ее статья в «Пособии по клиометрике», скорее, направлена на постановку вопросов, а не на поиск ответов на них. Вместе с тем крайне важным представляется фокус ее статьи на динамике институтов и обществ. В таком — клиометрическом — контексте российский человеческий капитал может быть рассмотрен в динамике как траектория подъемов и утрат, происходивших в русле исторических событий (русская революция, ликбез и массовое образование, постсоветская перестройка социальных и экономических отношений и т. д.).

Весьма плодотворной в данном отношении может оказаться идея оценки эффекта поколений. В модели Джоргенсона — Фраумени разделение на когорты имело, скорее, технический, вневременной характер. Поколенческая неоднородность учитывалась универсально во всех исследуемых обществах. При изучении исторической динамики поколения и их человеческий капитал связаны с этой динамикой, а точнее, с процессами накопления и утраты человеческого капитала, которые напрямую зависят от изменчивости или кризисности общества, однако — и особенно в случае с кризисными обществами — не в линейной логике, а с учетом укорененности когорт в совершенно определенной, конкретной социально-исторической действительности. Поэтому в социологический оборот К. Маннгеймом [46] было введено понятие «поколение». Маннгейм говорит об общественном «метаболизме», происходящем за счет смены поколений. Этот «метаболизм» он связывает с историческим своеобразием социальных условий и коллективных акторов.

Идея исследования поколений стала, что называется, «резонировать» в социальных науках в 1960–1970-е гг. В этот период логика и теория периодизации человеческой жизни, возникшая в психологии развития (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский), оказались востребованы психологами, ориентированными на количественные исследования (см., например: [54; 21]). В центре психологических исследований находятся концепция личности, процессы изменения личности в ходе жизненного цикла, в том числе речь идет и о когнитивных способностях.

Приблизительно в тот же период, в 1960–1970-е гг., эта идея была воспринята представителями «социологии жизненного пути» (*life-course sociology*, см. обзоры [30; 26]). С точки зрения социологии жизненного пути судьбы людей рассматриваются не как индивидуальные жизненные истории (в духе Ф. Знанецкого и У. Томаса), а как типические проявления социальной структуры. История отдельных людей, семей и поколе-

ний оказывается встроенной (*embedded*) в условия и логику исторического периода. В этом отношении происходит «институционализация» жизненного пути представителей поколения, проявляющаяся в моделях участия в самых разных сферах жизни, в том числе в образовании и на рынке труда [6]. В условиях кризисного, меняющегося, лабильного общества следует ожидать, что эти модели и результативность (отдача от образования, от труда) будут заметно другими в рамках одного и того же социального пространства, взятого для разных поколений, в разных темпоральных периодах, а не только в международной перспективе.

В отечественной литературе широко распространен опыт применения APC (*age-period-cohort*) анализа для изучения динамики рождаемости в России (см., например, статью Е.С. Вакуленко: [8]). В случае с навыками — другим компонентом человеческого потенциала — возможность оценки зависит от наличия и использования индикаторов, отражающих текущее качество навыков и знаний. Как в случае с рождаемостью и биологическим воспроизводством вида, так и в случае социального воспроизводства вообще и воспроизводства человеческого капитала (навыков, знаний, умений) в частности, есть основания предполагать наличие «отпечатка» предыдущих кризисов и подъемов.

Обсуждение. К пониманию человеческого капитала в изменчивых обществах

Рассмотрим некоторые возможные ракурсы социологического наблюдения, в том числе ориентированные на традицию социологии жизненного пути, в рамках которой жизненные траектории рассматриваются не как индивидуальные истории людей, личностей, но как динамическое выражение социальной структуры, подчиненное социальной системной логике.

Во-первых, речь может идти о *динамике типических жизненных траекторий*. В этом случае исследовательский фокус ориентирован на моменты изменения, переходы, которые совершают люди в определенные периоды своей жизни. Это может быть выбор профессии, переход от учебы к работе, смена карьерной позиции или профессиональной области, изменение жизни в связи с материнством и т. д. В контексте исследования человеческого капитала постсоветский период отличается увеличением количества желающих получить диплом о высшем образовании, что уже привело к удвоению доли людей с такими дипломами в современном российском обществе в сравнении с поздним советским периодом (см. данные статистики образования за 2021 и 2023 г.: [1; 4]). С начала текущего столетия в нашей стране ряд исследователей отмечали неуклонное снижение финансовой отдачи от диплома [14; 15; 16]. Отметим, впрочем, что выполненная экономистом Р.И. Капелюшниковым оценка на основе трех микрообследований Росстата, показала более высокую отдачу от образования в России, по сравнению с ранее полученными оценками на данных

Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) [12]. Отдача от компетенций (измеренных в РІААС) в России оказалась нелинейной, лишь 4% представителей группы людей с наивысшим уровнем компетенций в нашей стране имеют доход в верхнем дециле, тогда как в странах ОЭСР — 25% [13]. Таким образом, стремление к формальной сертификации на фоне неоднозначных показателей отдачи от знаний и дипломов становится одним из парадоксов современной России, требующим дополнительного социологического исследования и объяснения.

Отметим также, что жизненный путь — это самореферентный процесс. Человек действует или ведет себя на основе предыдущего опыта и ресурсов. Поэтому эндогенную причинность можно искать уже на индивидуальном уровне. А в результате агрегирования эта причинность оказывается действенной и для коллективного жизненного пути, то есть для когорт или групп.

Второй ракурс позволяет говорить *об эволюции и социально-исторической судьбе отдельных групп (в том числе когорт)*. Как было показано выше, в стабильных обществах разделение трудоспособного населения на когорты позволяет отследить динамику роста человеческого капитала, причем наблюдение за эволюцией когорт дает хорошие предиктивные возможности. В кризисных обществах в первую очередь важно то, что люди получают свое образование и выходят на рынок труда в совершенно разных структурных условиях. Эти условия оказывают существенное влияние на последующую карьеру людей и на процессы воспроизводства человеческого капитала.

В России на данных RLMS-HSE К.З. Сабирьянова показала, что для поколения, заканчивавшего образование в 1990-х гг. и выходявшего на рынок труда, была характерна нисходящая профессиональная мобильность [53], вызванная в том числе структурной перестройкой российской экономики. Кризисное изменение структуры рынка труда влияет на возможности карьерного роста, ухудшает карьерные перспективы всех людей на рынке труда в данный момент, но в первую очередь влияет на молодую когорту. Несколько позже исследования К.З. Сабирьяновой вышла статья стэнфордского профессора М. Карной с соавторами [27], посвященная анализу связи культурного капитала семей и достижений учащихся в России и странах ОЭСР. Одна из аномалий, обнаруженных авторами исследования в 2010-х гг., заключается в том, что различия достижений школьников в России и в западноевропейских странах в контексте культурного капитала семей имеют нелинейный характер. Школьники из семей с низким культурным капиталом обладают вполне схожими показателями в разных странах. Однако при оценке достижений учащихся из семей с высоким уровнем культурного капитала был выявлен значительный разрыв между Россией, где школьники показывают более низкие достижения, и развитыми европейскими странами.

Ключевая роль семей в образовательных достижениях учащихся была эмпирически подтверждена достаточно давно [26]. В современной литературе в области экономики и образования укоренилась максима нобелевского лауреата Дж. Хекмана «навыки порождают навыки» (*skills beget skills*) (см. [17]), но в то же время разумно предполагать, что верно и обратное утверждение: потеря навыков в кризисные периоды приводит к проблемам при воспроизводстве человеческого капитала. Несмотря на то что М. Карной с соавторами ищут причину выявленной аномалии в особенностях школьной программы, вполне обоснованно можно предположить и наличие эффекта поколения: недополученные навыки и сложности на рынке труда для поколения 1990-х гг. обернулись снижением образовательных достижений их детей. Этот тезис требует дополнительной эмпирической проверки.

Наконец, третий возможный ракурс для исследования динамики укорененного в изменчивой социально-исторической действительности человеческого капитала заключается в *анализе институтов и профессий*. Системы образования и науки, здравоохранения, трудового права опосредованно воздействуют на накопление и трансляцию человеческого капитала. Индивидуальные жизненные пути жестко структурированы социальными институтами и их динамикой во времени, а человеческий капитал всегда воплощен, инкорпорирован, встроен в изменчивую институциональную структуру.

Оценка грамотности учителей средней школы на данных PIAAC в нашей стране показывает, что средняя компетентность учителя соответствует 53-му перцентилю по математической грамотности (в разрезе всей национальной выборки) и 54-му перцентилю по грамотности чтения [35]. Перцентили рассчитаны для всей совокупности граждан, с любым (в том числе с довузовским) образованием. В большинстве стран ОЭСР грамотность учителей находится на уровне 70-го перцентиля, причем нередко встречаются примеры даже более высокого значения данного показателя (например, в Испании, Франции, Турции). Связь подготовки учителей и результатов их учеников была неоднократно эмпирически показана [48], поэтому фактор учителя и школы в измеренной грамотности учеников (рассмотренной выше) тоже необходимо учитывать. Состояние корпуса учителей говорит о потенциале воспроизводства человеческого капитала в стране.

Наряду с этим был выявлен разрыв между участием в высшем образовании и отдачей от этого образования, формальной сертификацией и реальным усвоением компетенций и навыков, приростом человеческого капитала. В отличие от стран ОЭСР, где прослеживается четкая линейная связь между образовательными достижениями (то есть наличием диплома) и измеренными показателями в области математической грамотности и грамотности чтения, в России возникает ситуация неконсистентности, то есть несоответствия между измеренными знани-

ями и наличием диплома, что проявляется именно на уровне высшего образования [51]. В этом отношении справедливо было бы ожидать не увеличения, но стагнации или сокращения реальных запасов человеческого капитала в ближне- и среднесрочной перспективе.

В целом описанные социологические ракурсы раскрывают значительную перспективу для дальнейшей социологической работы по исследованию человеческого капитала в нашей стране. Связь с исторической динамикой имеет решающее значение для социологического изучения флуктуации человеческого капитала в кризисных обществах, где этот человеческий капитал, будучи встроенным в коллективные истории жизни людей, возрастных когорт, институтов, напрямую зависит от стремительной социальной изменчивости, лабильности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Дмитрий Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (916) 674-38-33. **Электронная почта:** dmtrppv@gmail.com

Шестакова Дарья Андреевна — аспирант, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (920) 833-43-16. **Электронная почта:** shestakova.darya@mail.ru

Research Article

DMITRY S. POPOV¹, DARIA A. SHESTAKOVA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

TOWARDS A SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF HUMAN CAPITAL IN A FLUID SOCIETY IN A STATE OF CRISIS

Abstract. The importance of human capital and human development for understanding economics and social relations has repeatedly been proven since the time of Adam Smith. Theories on human capital and human development were conceptualized in their modern form in the USA in the 1960's to 1980's. However, in recent decades they have been seriously criticized in scientific literature, primarily due to issues pertaining to how they approach measurement. In this article a critical revision of the main approaches towards evaluating human capital in modern social sciences is conducted. New strategies for measuring human capital and human development include not only a "quantitative" indicator (number of years spent receiving formal education), but also an indicator showing the quality of acquired knowledge and skills. Such approaches provide a possibility to observe the improvement or degradation of human capital outside of conventional formal education, which allows perceiving human capital as embedded in the processes of local social, economic and historical development. This historical rootedness of human capital and human development seems to be of utmost importance for fluid societies in a state of crisis. The prospects for sociologization of the concepts of human capital and human development as well as the potential of life-course sociology for their analysis are discussed. It is suggested to view human capital through a cohort approach lens. The discussion outlines research strategies for studying human capital and human development within the proposed logic.

Keywords: human capital; human development; education; crisis society; skill depreciation; cohort effects.

For citation: Popov, D.S., Shestakova, D.A. Towards a Sociological Understanding of Human Capital in a Fluid Society in a state of Crisis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.3

INFORMATION ABOUT THE AUTHOROS

Dmitry S. Popov — Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (916) 674-38-33. **Email:** dmtrppv@gmail.com

Daria A. Shestakova — Postgraduate, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (920) 833-43-16. **Email:** shestakova.darya@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы образования: 2023: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 432 с.
Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gohberg L.M., et al. *Indikatory obrazovaniya: 2023: Statisticheskii sbornik*. [Education indicators: 2023: Statistical collection.] Moscow: NIU VShE publ., 2023. (In Russ.)
2. Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А. Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 163–188. DOI: 10.21638/spbu05.2020.201 EDN: ZRXGJD
Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. Human capital in the theory of economic growth: classical models and new approaches. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika*. [Bulletin of St. Petersburg University. Economy.] 2020. Vol. 36. No. 2. P. 163–188. DOI: 10.21638/spbu05.2020.201 (In Russ.)
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрин И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 383 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 EDN: DMQCRN
Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo specialistov intellektual'nogo truda: sotsiologicheskii analiz*. [Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis.] Moscow: FNISTS RAN publ., 2023. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023 (In Russ.)
4. Гохберг Л.М., Озерова О.К., Саутина Е.В. Образование в цифрах — 2021: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 134 с.
Gohberg L.M., Ozerova O.K., Sautina E.V. *Obrazovanie v tsifrakh: 2021: kratkii statisticheskii sbornik*. [Education in numbers: 2021: brief statistical collection.] Moscow: NIU VShE publ., 2021. (In Russ.)
5. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2018. — 435 с.
Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya*. [On the structure of social action.] Ed. by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2018. 435 p. (In Russ.)

6. Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 512 с.
Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty.* [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects.] Moscow: FNISts RAN publ., 2019 (In Russ.)
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П.Н. Клюкин. М.: Эксмо, 2016. — 1056 с.
Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* [Russ. ed.: *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov.* Transl. from Eng. by P.N. Klyukin. Moscow: Eksmo publ., 2016.] (In Russ.)
8. Вакуленко Е.С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258–281. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2357 EDN: WADHIW
Vakulenko E.S. Effects of period, age and cohort in the dynamics of the birth rate of Russians 1990–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny.* 2023. No. 2. P. 258–281. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2357 (In Russ.)
9. Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 2. С. 185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237 EDN: ZXMXET
Gimpel'son V.E. Age and salary: stylized facts and Russian characteristics. *Ekonomicheskii zhurnal VShE.* 2019. Vol. 23. No. 2. P. 185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237 (In Russ.)
10. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 27–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-27-47 EDN: PNOQXD
Kapelyushnikov R.I. How much is Russia's human capital worth? Part I. *Voprosy ekonomiki.* 2013. No. 1. P. 27–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-27-47 (In Russ.)
11. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть II // Вопросы экономики. 2013 № 2. С. 24–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-24-46 EDN: PVDKPP
Kapelyushnikov R.I. How much is Russia's human capital worth? Part II. *Voprosy ekonomiki.* 2013. No. 2. P. 247–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-24-46 (In Russ.)
12. Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 EDN: PHQPVC
Kapelyushnikov R.I. Return on education in Russia: nowhere lower? *Voprosy ekonomiki.* 2021. No. 8. P. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68 (In Russ.)

13. Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57. EDN: UCFNXL
Kuz'mina Yu.V., Popov D.S. Functional literacy of adults and their inclusion in society in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 7. P. 48–57. (In Russ.)
14. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 3. С. 326–348. EDN: MVQXED
Lukyanova A.L. Return on education: what the meta-analysis shows. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2010. No. 3. P. 326–348. (In Russ.)
15. Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 137–181. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-1-137-181 EDN: TOEWHX
Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. Do Starting Salaries for Graduates Measure the Quality of Education? A Review of Studies by Russian and Foreign Authors. *Voprosy obrazovaniya*. 2015. No. 1. P. 137–181. (In Russ.)
16. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082 EDN: URNLWQ
Tikhonova N.E., Karavay A.V. Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082 (In Russ.)
17. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 73–137. EDN: OEUTQL
Heckman J. Policies to foster human capital. *Voprosy obrazovaniya*. 2011. No. 3. P. 73–137. (In Russ.)
18. Angrist N., Djankov S., Goldberg P.K., et al. Measuring human capital using global learning data. *Nature*. 2021. No. 592. P. 403–408. DOI: 10.1038/s41586-021-03323-7
19. Angrist N., Djankov S., Goldberg P.K., Patrinos H.A. *Measuring Human Capital. Policy Research Working Paper*. No. 8742. Washington, DC: World Bank, 2019. Accessed 20.02.2024. URL: <http://hdl.handle.net/10986/31280>
20. Baker G., Gibbs M., Holmstrom B. The Internal Economics of the Firm: Evidence from Personnel Data. *The Quarterly Journal of Economics*. 1994. No. 109 (4). P. 881–919. DOI: 10.2307/2118351
21. Baltes P. B. Longitudinal and cross-sectional sequences in the study of age and generation effects. *Human Development*. 1968. No. 11. P. 145–171. DOI: 10.1159/000270604
22. Beaudry P., DiNardo J. The Effect of Implicit Contracts on the Movement of Wages Over the Business Cycle: Evidence from Micro Data. *Journal of Political Economy*. 1991. No. 99 (4). P. 665–688. DOI: 10.1086/261774

23. Becker G.S. *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press, 1964. — 187 p.
24. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 412 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001
25. Björklund A., Salvanes K.G. Education and family background: mechanism and policies. *Handbook of the Economics of Education*. Ed. by E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessman. Amsterdam: North-Holland, 2011. 616 p. DOI: 10.1016/B978-0-444-53429-3.00003-X
26. Blossfeld G.J., Blossfeld H.-P. Studying social inequality over the life course in modern societies. *The Routledge Handbook of Contemporary Inequalities and the Life Course*. Ed. by M. Nico, G. Pollock. L.: Routledge, 2021. DOI: 10.4324/9780429470059
27. Carnoy M., Khavenson T., Ivanova A. Using TIMSS and PISA Results to Inform educational policy: a study of Russia and its neighbours. *Journal of Comparative and International Education*. 2015. No. 45 (2). P. 248–271. DOI: 10.1080/03057925.2013.855002
28. Coleman J.S. *United States, National Center for Education Statistics. Equality of educational opportunity*. Washington: U.S. Dept. of Health, Education, and Welfare, Office of Education. 1966. 749 p. Accessed 03.03.2024. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED012275.pdf>
29. De Grip A.D., Van Loo J. The economics of Skills Obsolescence: a Review. *The Economics of Skills Obsolescence: Theoretical Innovations and Empirical Applications*. Ed. by A.D. Grip, J.V. Loo, K. Mayhew. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2002. P. 1–26. DOI: 10.1016/S0147-9121(02)21003-1
30. Diwald M., Mayer K.U. The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways. *Advances in Life Course Research*. 2009. No. 14. P. 5–14. DOI: 10.1016/j.alcr.2009.03.001
31. Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. Human Capital Depreciation and Returns to Experience. *American Economic Review*. 2022. No. 12 (11). P. 3725–3762. DOI: 10.1257/aer.20201571
32. Égert B., De La Maisonnette C., Turner D. A new macroeconomic measure of human capital exploiting PISA and PIAAC: Linking education policies to productivity. *OECD Economics Department Working Papers*. 2022. No. 1709. DOI: 10.1787/a1046e2e-en
33. Gibbons R., Waldman M. Task-Specific Human Capital. *American Economic Review*. 2004. No. 94 (2). P. 203–207. DOI: 10.1257/0002828041301579
34. Goldin C. Human Capital. *Handbook of Cliometrics*. Ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. 2nd ed. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 147–177. DOI: 10.1007/978-3-030-00181-0
35. Hanushek E.A., Piopiunik M., Wiederhold S. The Value of Smarter Teachers: International Evidence on Teacher Cognitive Skills and Student Performance. *Journal of Human Resources*. 2018. No. 54 (4). P. 857–899. DOI: 10.3368/jhr.54.4.0317.8619R1

36. Hanushek E.A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. Returns to skills around the world: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. 2015. Vol. 73. P. 103–130. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2014.10.006
37. Hanushek E.A., Woessmann L. *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. 280 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262029179.001.0001
38. How's Life? 2020: Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 2020. 247 p. *OECDiLibrary*. Accessed 20.02.2024. URL: 10.1787/9870c393-en
39. Johnston B.J. *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*. Lawrence KS: University Press of Kansas, 1995. 392 p.
40. Jorgenson D.W., Fraumeni B.M. The Accumulation of Human and Nonhuman Capital, 1948–1984. *The Measurement of Savings, Investment and Wealth*. Ed. by R.E. Lipsey, H.S. Tice. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. P. 227–286.
41. Jorgenson D.W., Fraumeni B.M. The Output of the Education Sector. *Output Measurement in the Services Sector*. Ed. by Z. Griliches. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 303–341.
42. Kiker B.F. The Historical Roots of the Concept of Human Capital. *Journal of Political Economy*. 1966. No. 74 (5). P. 481–499. DOI: 10.1086/259201
43. Le Chapelain C. Cliometrics and the Concept of Human Capital. *Handbook of Cliometrics*. Ed. by C. Diebolt, M. Hauptert. Cham: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-00181-0_45
44. Liu G. Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. *OECD Statistics Working Papers 2011/06*. Paris: OECD, 2011. DOI: 10.1787/5kg3h-0jnn9r5-en
45. Liu G., Fraumeni B.M. *A Brief Introduction to Human Capital Measures. Working Paper 27561*. Cambridge National Bureau of Economic Research, 2020. 17 p. Accessed 25.02.2024. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27561/w27561.pdf
46. Mannheim K. *The Problem of Generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge*. Ed. by P. Kecskemeti. L.: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276–320.
47. Mazzona F. The long-lasting effects of family background: a European cross-country comparison. *Economics of Education Review*. 2014. No. 40. P. 25–42. DOI: 10.1016/j.econedurev.2013.11.010
48. Meroni E.C., Vera-Toscano E., Costa P. Can low skill teachers make good students? Empirical evidence from PIAAC and PISA. *Journal of Policy Modeling*. 2015. No. 37. P. 308–323. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2015.02.006
49. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. 1958. No. 66 (4). P. 281–302. DOI: 10.1086/258055

50. Mincer J. The distribution of labor incomes: a survey with special reference to the human capital approach. *Journal of Economic Literature*. 1970. No. 8 (1). P. 1–26.
51. Popov D., Strelnikova A. The Problem of the Discrepancy Between Work, Education, and Literacy in Russia. *Russian Education & Society*. 2018. No. 60 (6). P. 520–535, DOI: 10.1080/10609393.2018.1527130
52. Reiter C., Özdemir C., Yildiz D., Goujon A., Guimaraes R., Lutz W. The Demography of Skills-Adjusted Human Capital. *IIASA Working Paper*. 2020. No. 20-006. DOI: <https://pure.iiasa.ac.at/16477>
53. Sabirianova K.Z. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. 2002. No. 30 (1). P. 191–217. DOI: 10.1006/jcec.2001.1760
54. Schaie K.W. A general model for the study of developmental problems. *Psychological Bulletin*. 1965. No. 64. P. 92–107. DOI: 10.1037/h0022371
55. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961. No. 51 (1). P. 1–17.
56. Schultz T.W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960. No. 68 (6). P. 571–583. DOI: 10.1086/258393
57. Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills. OECD Publishing, Paris. *OECDiLibrary*. Accessed 20.02.2024. DOI: 10.1787/9789264204256-en
58. Sen A. Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *The Journal of Philosophy*. 1985. No. 82 (4). P. 169–221. DOI: 10.2307/2026184
59. Spengler J.J. Adam Smith on Human Capital. *The American Economic Review*. 1977. No. 67 (1). P. 32–36.
60. *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. UNDP (United Nations Development Programme). N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1990. 189 p. Accessed 25.02.2024. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1990encompletenostatpdf.pdf>

Статья поступила в редакцию: 07.11.2023; поступила после рецензирования и доработки: 06.02.2024; принята к публикации: 05.03.2024.

Received: 07.11.2023; revised after review: 06.02.2024; accepted for publication: 05.03.2024.

О.А. ИГУМНОВ¹

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет». 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 88, каб. 505.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ¹

Аннотация. Социальный капитал в современном понимании может рассматриваться как ресурс социально ориентированного управления организациями. Выполняя указанную функцию, социальный капитал нуждается в измерении с использованием релевантных социологических инструментов, основанных на принципах его операционализации как сложного социального концепта и ресурса управления, обладающего нематериальной природой. Цель статьи — представить полученные в ходе эмпирического исследования результаты операционализации социального капитала, реализуемой в рамках социоресурсного подхода в управлении организациями. Данные, полученные в панельном исследовании 2022 г., дают основания для вывода о том, что предложенная автором принципиальная схема операционализации социального капитала предоставляет возможность обоснования переменных и связей между ними для последующего измерения уровня развития компонентов социального капитала. Предложенный подход позволяет утверждать, что операционализация социального капитала дает возможность решить задачу «измерения неизмеримого», то есть на основе оценки актуального состояния социального капитала организаций разрабатывать управленческие решения, направленные на его результативное формирование и развитие. Автором предложены практические рекомендации по коррекции управленческих действий с учетом проблемных аспектов формирования социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал организации; структурный компонент социального капитала; когнитивный компонент социального капитала; реляционный компонент социального капитала; операционализация социального капитала; социальные сети.

Для цитирования: Игумнов О.А. Операционализация социального капитала российских организаций: теоретические и методические аспекты // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 64–89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4 EDN: GJOURH

¹ Автор выражает признательность рецензентам за замечания, позволившие улучшить текст статьи, и сотрудникам редакции за помощь в ее подготовке к публикации.

Введение

Успешность процесса формирования и развития социального капитала предполагает понимание структуры и состава социальных ресурсов, составляющих основу данного процесса. В рамках социоресурсного подхода социальные ресурсы представляют собой ресурсы-активы, обуславливающие результаты, конкретизированные в измеряемых показателях.

Как и в случае с материальными ресурсами, систематический мониторинг «ресурсоотдачи» от социальных активов организации выступает условием рациональности и результативности их использования в процессе формирования социального капитала организации. Очевидно, что термин «ресурсоотдача» в данном случае рассматривается не как экономическое понятие, определяющее объем продукции на единицу затраченных ресурсов, а в социологической коннотации — как эффект от влияния социальных ресурсов на результативность социального управления организацией. Проведение подобного мониторинга для последующего анализа возможно при наличии соответствующего измерительного инструментария.

Нерешенность ряда проблем, связанных с формированием, развитием и диагностикой компонентного состава социального капитала, обуславливает значительное число подходов к разработке инструментария для его измерения. Кроме того, многоаспектность социального капитала определяет и методологические сложности его операционализации как социологического концепта. В частности, сложность заключается в отсутствии методик, направленных на измерение показателей именно социального капитала организации, либо в недостаточной релевантности уже применяемых методик, что обуславливает и недостаточный уровень качества данных для анализа. Несформированность консенсусного представления о критериях диагностики и измерения социального капитала приводит к ситуации отождествления различных аспектов социального капитала в процессе его оценки (в частности, источники рассматриваются как его организационно-управленческие эффекты, а структурные компоненты — в качестве детерминант его развития).

Основные положения

Задача операционализации и измерения социального капитала может быть решена при условии понимания концептуальной модели его анализа. Сравнительный анализ используемых индикаторов, предложенных в различных исследованиях, проведенный автором, показывает, что по данной проблеме есть некие общие показатели, а также отличия, определяемые особенностями теоретических подходов авторов исследований. В частности, сделан вывод, что ориентация большинства исследований на диагностику социального капитала макроуровня не дает оснований для их применения на мезоуровне, то есть на уровне организации. Этим обстоятельством актуализирована потребность в разработке методического подхода к операционализации концепта «социальный капитал организации». Подробный анализ представлен в публикации автора статьи [3].

Результаты анализа исследований, проведенных нами в ряде российских организаций в рамках социологического исследования «Организационная среда и социальный капитал российских организаций» (2020 г.) (N = 447, 152 руководителя (экспертный опрос) и 295 работников), позволили сформировать перечень факторов, значимых в процессе диагностики уровня развития социального капитала организации: а) склонность работников доверять друг другу, определяющая их способность к ассоциации и зависящая от существования норм и ценностей, разделяемых всеми членами сообщества; б) делегирование полномочий, основанное на доверии в коллективе, способствующее формированию более ответственного отношения к труду; в) информированность сотрудников о содержании организационных процессов, определяемая степенью развития горизонтальных и вертикальных социальных связей в организации и соответствующей готовностью к активному взаимодействию; г) развитие неформальных отношений для более быстрого получения и распространения информации, чем при управлении посредством формальных каналов.

Предлагаемая нами концептуальная модель определяет логику изучения содержательных аспектов социального капитала и не затрагивает вариабельность перечня возможных факторов и эффектов, обусловленных его использованием в качестве ресурса социального управления. Такая возможность есть у любой организации, обладающей широким и нефиксированным набором управленческих инструментов, воздействующих на социальные связи, разнообразием потенциальных целей управления и функциональных областей, на которые социальный капитал может оказывать влияние.

Исходя из разработанной концептуальной модели анализа социального капитала, значимости культурно-нормативных регуляторов социальных отношений и обозначенных методологических принципов, разработана принципиальная схема его операционализации (рис. 1).

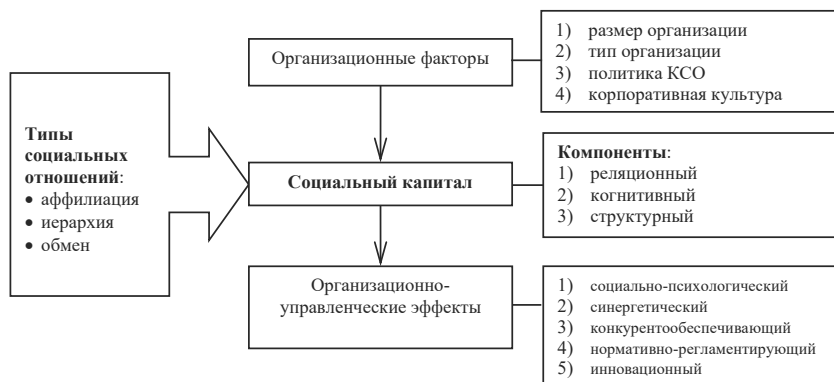

Рис. 1. Принципиальная схема операционализации социального капитала организации

На основе изложенного выше был предложен перечень возможных индикаторов для измерения компонентов социального капитала с использованием опросного метода сбора данных и преимущественно аллоцентрических вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Перечень возможных индикаторов социального капитала организации

Компоненты социального капитала	Индикаторы
Структурный	Структурные возможности социальных контактов Интенсивность социальных контактов Стабильность сети социальных контактов Роли в системе социальных коммуникаций
Когнитивный	Коммуникативные навыки работников Разделяемые системы представлений
Реляционный	Доверие Просоциальные установки Нормы

Источник: [2, с. 44].

Указанные индикаторы могут применяться для оценки отношений между: 1) работниками одного структурного подразделения; 2) работниками разных структурных подразделений; 3) работниками, линейными руководителями и высшим руководством [2, с. 43].

Сбор данных и выборка

Для проведения диагностики сформированности компонентов социального капитала автором был разработан опросник, содержание которого основано на изложенных выше теоретических и концептуальных подходах к операционализации социального капитала. Характеристика опросника: структурированный, стандартизированный, закрытого типа с преобладанием аллоцентрических вопросов. Проектирование опросника осуществлялось на основе 5-балльной шкалы Р. Лайкерта, которую отличают положительные и значимые для целей исследования характеристики: а) простота в понимании и сборе информации; б) простота процесса обработки данных; в) относительная надежность.

Выборочная совокупность (N = 421) формировалась с учетом теоретических и методологических проблем, описанных выше, а также в соответствии с общесоциологическими требованиями к ее репрезентативности. Объем выборочной совокупности обусловлен результатами анализа аналогичных исследований, в которых выборочная совокупность составляет в среднем от 350 до 450 респондентов. Расчет объема выборочной совокупности проводился с учетом общей численности работающих в РФ на период проведения опроса

(октябрь 2022 г.), составлявшей 72,1 млн человек² с использованием калькулятора размера выборки³. Полученное нормативное значение выборки (при заданных значениях доверительной вероятности (95%) и доверительном интервале (погрешности), равном 5%) составило 385 респондентов, что меньше размера выборочной совокупности, сформированной для проведения опроса.

Респонденты были отобраны из числа работников российских организаций с учетом, в частности, гендерного состава, отражающего в целом специфику гендерного состава РФ: женщины — 56%, мужчины — 44%. Возраст респондентов также отражает возрастную структуру экономически активного населения РФ, в которой преобладают граждане в возрасте 25–55 лет: до 25 лет — 1%, 25–35 лет — 24%, 36–45 лет — 38%, 46–55 лет — 26%, 56–65 лет — 9%, старше 65 лет — 2%. Приведенные показатели позволяют характеризовать выборку как репрезентативную по отношению к генеральной совокупности. В структуре опрошенных работники, имеющие высшее образование, составляют 86%, среднее специальное и среднее образование — 14%. Стаж работы респондентов преимущественно составляет от 3 до 10 лет (33%) и более 10 лет (45%), что позволяет принять его как достаточный для обоснованной оценки опыта работы в организациях.

В опросе участвовали респонденты, которые представляют организации из 52 субъектов РФ, включающих регионы федеральных округов с различающимся уровнем развития социального капитала российских организаций, функционирующих в различных социально-экономических условиях. Значимыми в отношении содержательности данных опроса определены 18 регионов, от организаций из которых поступило более 2% ответов. Информация, полученная из указанных регионов, в совокупности составила 60% всех данных опроса. В структуре организаций, представленных респондентами, российские составляют 99,3%.

Сведения об отраслях, в которых функционируют исследованные организации, а также сравнение их структуры по отраслям деятельности с данными органов государственной статистики дают основания для вывода о достижении статистически значимого уровня отраслевого разнообразия и репрезентативности.

В структуре выборочной совокупности в достаточной степени представлены российские организации с различной численностью персонала (см. рис. 2), что позволяет провести диагностику сформирова-

² Россия — Занятое население // Trading Economics [электронный ресурс]. — URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/employed-persons> (дата обращения: 12.10.2022).

³ Калькулятор размера выборки // QUESTIONSTAR [электронный ресурс]. — URL: <https://www.questionstar.ru/statiy/calculator-razmera-viborki> (дата обращения: 12.10.2022).

рованности компонентов социального капитала с учетом фактора размера организации и анализ влияния этого фактора на формирование социального капитала.

Общие результаты статистической обработки характеристик выборочной совокупности для проведения опроса позволяют сделать вывод о ее достаточной (относительно генеральной совокупности — численности работников в российских организациях) репрезентативности для целей исследования.

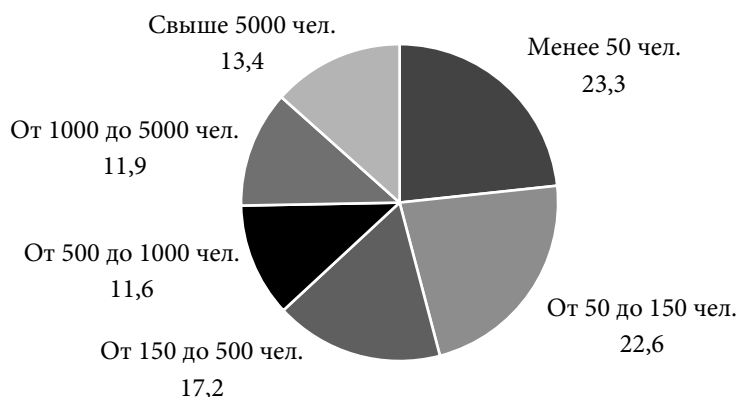

Рис. 2. Распределение исследованных организаций по численности персонала, %

Описание результатов

Распределение ответов респондентов позволяет сделать вывод о смещении большинства ответов в одну из сторон шкалы. Указанная особенность частично может быть объяснена недостатком порядковой шкалы, обусловленным индивидуальным стилем каждого респондента при ответе, что определяет склонность к группировке разных оценок на одном и том же участке шкалы.

Для учета разницы в стиле реагирования респондентов и отделения смысловой части ответов была использована методика Ш. Шварца [6], часто применяемая при математической обработке данных социологических исследований. По всем ответам опросника для каждого респондента было определено среднее значение, отражающее стиль ответов (склонность давать заниженные или завышенные оценки относительно середины шкалы). Далее из каждого значения ответа по каждому вопросу вычиталось среднее значение, рассчитанное для респондента. Таким образом, были получены новые центрированные (агрегированные) переменные, «очищенные» от влияния стиля реагирования респондентов.

После преобразования данных все исходные вопросы из опросника были разбиты на 15 агрегированных переменных на основе выделения ведущих показателей описанных компонентов социального капитала организации (табл. 2).

Таблица 2

**Агрегированные переменные компонентов
социального капитала организации**

Агрегированные переменные	Компонент социального капитала
Интенсивность контактов в организации	Структурный
Степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в профессиональной деятельности	
Готовность помочь руководителям высшего звена	
Готовность помочь руководителям структурных подразделений	Реляционный
Готовность помочь коллегам из других подразделений	
Эффективность взаимодействия и частота конфликтов в организации	
Возможности неформального общения	
Готовность помочь своим коллегам	
Отношение организации к сотрудникам. Удовлетворенность работой в организации	
Уровень социальной солидарности в организации	Когнитивный
Уровень доверия в организации	
Вероятность поддержки инициативы в организации	
Создание условий для поддержания и развития социально-трудового партнерства в организации	
Распространенность элементов корпоративной культуры	
Разделяемость ценностей, принципов и правил в организации	

Агрегированные показатели формировались на основе вычисления их средних значений из соответствующих блоков вопросов после их преобразования в количественную шкалу по методике Шварца. Результаты обобщенного статистического анализа ответов респондентов после преобразования в укрупненные показатели представлены в таблице 3. Полученные агрегированные переменные, измеренные в непрерывной количественной шкале, имеют распределение, близкое к нормальному, что обусловило возможность применения к ним многомерных методов снижения размерности.

Таблица 3

Результаты обобщенного статистического анализа ответов респондентов после преобразования в агрегированные переменные

Агрегированные переменные	Среднее значение	Стандартное отклонение	Процентили		
			25	50	75
Возможности неформального общения	0,63	0,77	0,24	0,72	1,13
Интенсивность контактов в организации	−0,82	0,93	−1,48	−0,89	−0,20
Степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в профессиональной деятельности	0,40	0,37	0,19	0,41	0,65
Уровень социальной солидарности в организации	0,36	0,62	−0,03	0,43	0,75
Разделяемость ценностей, принципов и правил в организации	0,26	0,36	0,03	0,27	0,50
Уровень доверия в организации	0,31	0,43	0,023	0,30	0,60
Готовность помочь коллегам своего структурного подразделения	0,06	0,48	−0,22	0,057	0,37
Готовность помочь коллегам из других подразделений	−0,35	0,62	−0,75	−0,35	0,12
Готовность помочь руководителям структурных подразделений	−0,20	0,61	−0,61	−0,16	0,24
Готовность помочь руководителям высшего звена	−0,44	0,79	−1,05	−0,37	0,17
Отношение организации к сотрудникам; удовлетворенность работой в организации	0,69	0,65	0,40	0,84	1,14
Распространенность элементов корпоративной культуры	−0,46	1,1	−1,2	−0,35	0,27
Создание условий для поддержания и развития социально-трудового партнерства в организации	−0,28	0,78	−0,81	−0,25	0,26
Вероятность поддержки инициативы работников в организации	0,02	0,76	−0,51	0,09	0,54
Эффективность взаимодействия и частота деструктивных конфликтов в организации	−0,31	0,83	−0,95	−0,32	0,31

Агрегированные переменные были проверены на внутреннюю согласованность с использованием многовариантного дисперсионного анализа ANOVA. Показатель согласованности (α Кронбаха) по 15 агрегированным переменным составил 0,883, что соответствует значению «хорошее» и подтверждает внутреннюю согласованность содержания опросника. Указанное значение дает основание и для вы-

вода об определенной степени внутренней согласованности описанных компонентов социального капитала.

На основе полученных агрегированных переменных был проведен факторный анализ с целью определения сокращенной системы существенных некоррелированных показателей из представленных выше, характеризующих организационную среду формирования социального капитала в организации.

На первом этапе после расчета корреляционной матрицы была проведена проверка возможности применения факторного анализа в качестве метода снижения размерности исходного пространства признаков (табл. 4).

Таблица 4

Начальные и извлеченные общности

Показатели	Начальная общность	Извлеченная общность
Возможности неформального общения	1,000	0,561
Интенсивность контактов в организации	1,000	0,644
Степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в профессиональной деятельности	1,000	0,467
Уровень социальной солидарности в организации	1,000	0,705
Разделяемость ценностей, принципов и правил в организации	1,000	0,450
Уровень доверия в организации	1,000	0,484
Готовность помочь коллегам своего структурного подразделения	1,000	0,510
Готовность помочь коллегам из других структурных подразделений	1,000	0,569
Готовность помочь руководителям структурных подразделений	1,000	0,676
Готовность помочь руководителям высшего звена	1,000	0,618
Отношение организации к сотрудникам. Удовлетворенность работой в организации	1,000	0,698
Распространенность элементов корпоративной культуры	1,000	0,571
Создание условий для поддержания и развития социально-трудового партнерства в организации	1,000	0,580
Вероятность поддержки инициативы работников в организации	1,000	0,613
Эффективность взаимодействия и частота деструктивных конфликтов в организации	1,000	0,544

Тест Бартлетта на сферичность ($p < 0,001$) показал, что корреляционная матрица переменных существенно отличается от единичной. Значения статистики Кайзера – Майера – Олкина (КМО) (табл. 5) также свидетельствуют о том, что факторный анализ является приемлемым методом для анализа сформированной корреляционной матрицы.

Таблица 5

Результаты теста Бартлетта на сферичность и теста Кайзера – Майера–Олкина (КМО)

Мера адекватности выборки Кайзера – Майера – Олкина (КМО)		0,108
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная χ -квадрат	1 865,437
	Степень свободы	105
	Значимость	0,000

Для определения устойчивости факторной структуры первичных показателей был использован метод главных компонент. В соответствии с методикой определения критерия Кайзера было выделено 5 главных факторов, собственные значения которых больше 1. Это означает, что другие факторы не выделяют дисперсию, эквивалентную, по крайней мере, дисперсии одной переменной, и потому они могут не учитываться. При этом около 60% вариации дисперсии может быть объяснено влиянием включенных факторных переменных. Потеря 40% информации при формировании факторов — это своеобразная «плата» за агрегирование данных и выявление глобальных латентных факторов. Отметим, однако, что значение 60% может быть признано вполне приемлемым для целей исследования, поскольку учитывает более половины дисперсии исходных переменных. Корректность выбора числа главных компонент (факторов) представлена на графике собственных значений («каменистая осыпь») (рис. 3), на котором убывание собственных значений слева направо максимально замедляется.

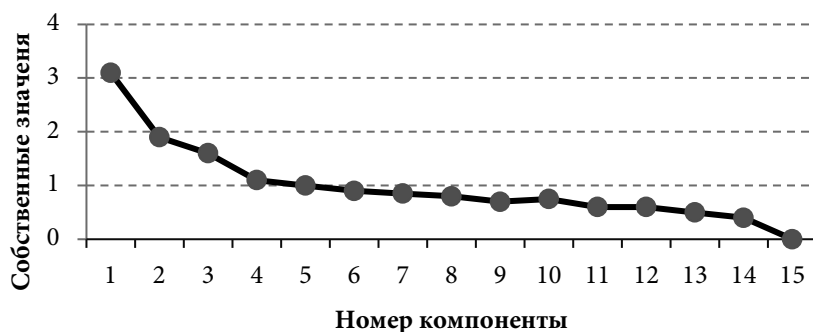

Рис. 3. График собственных значений («каменистая осыпь»)

В соответствии с данным критерием для целей исследования может быть использовано не более 4–5 главных компонент. К полученным факторам был применен метод «вращения» варимакс для разбиения первоначальных переменных на факторы. Это позволило сформировать матрицу нагрузок на каждый фактор, после «вращения» которой была получена окончательная интерпретация главных компонент (факторов).

Итоговые значения (табл. 6) отражают результат факторного анализа, представленный латентными факторами (социальными фактами), имеющими наибольшую корреляцию с набором данных и потому объясняющими наибольшую часть изменчивости наблюдаемых переменных в рамках выборочной совокупности. Кроме того, указанные данные, полученные путем редукции переменных, отражают также минимум пересечений между ними, что позволило выявить отличительные признаки набора данных.

Факторный анализ дал возможность выявить и структуру взаимных связей между переменными, в частности, групп взаимозависимых переменных. Определенные в процессе факторного анализа главные компоненты представлены четырьмя составляющими реляционного характера (1, 2, 4, 5) и одной составляющей структурного характера (3). Отсутствие составляющей когнитивного компонента в указанной совокупности, по нашему мнению, можно объяснить недостаточным вниманием в организациях к этому компоненту, предполагающему формирование и развитие корпоративной культуры, распространение ее элементов, создание корпоративного тезауруса, что способствует повышению уровня разделяемости ценностей, принципов и правил в организации и определяет уровень приверженности (вовлеченности) работников.

Об указанной проблеме косвенно свидетельствует и отрицательная корреляция главной составляющей-компоненты 5 (реляционного характера) с переменными, характеризующими когнитивный компонент социального капитала («распространенность элементов корпоративной культуры» ($r = -0,56$, связь заметная, обратная)⁴ и «разделяемость ценностей, принципов и правил в организации» ($r = -0,48$, связь умеренная, обратная)). Эта отрицательная корреляция может быть интерпретирована с учетом указанных выше обстоятельств, а также подтверждает актуальность процесса формирования когнитивного компонента социального капитала для предотвращения негативных последствий в управлении организациями.

Отметим, что в исследованных организациях имеется определенный потенциал для решения указанной выше управленческой проблемы. Так, главная компонента 2 (реляционная) имеет отрицательное значение корреляции с переменной «распространенность элементов корпоративной культуры» ($r = -0,56$, связь умеренная, обратная). Одновременно с данной переменной положительно коррелирует главная компонента 1 ($r = 0,45$, связь умеренная, прямая). Главная компонента 1 (реляционная) также положительно коррелирует с переменной «разделяемость ценностей, принципов и правил в организации» ($r = 0,41$, связь умеренная, прямая).

⁴ Здесь и далее значения коэффициентов корреляции оцениваются на основе шкалы Р. Чеддока.

Таблица 6

Матрица факторных нагрузок

Переменные	Компоненты				
	1 реляц.	2 реляц.	3 структ.	4 реляц.	5 реляц.
Готовность помочь руководителям высшего звена (реляционный компонент)	−0,78				
Готовность помочь руководителям структурных подразделений (реляционный компонент)	−0,72				
Степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в профессиональной деятельности (структурный компонент)	0,59				
Готовность помочь коллегам из других подразделений (реляционный компонент)	−0,55		0,48		
Эффективность взаимодействия и частота конфликтов в организации (реляционный компонент)	0,53			−0,40	
Создание условий для поддержания и развития социально-трудового партнерства в организации		−0,72			
Возможности неформального общения (реляционный компонент)		0,70			
Распространенность элементов корпоративной культуры (когнитивный компонент)	0,45	−0,56			
Отношение организации к сотрудникам. Удовлетворенность работой в организации (реляционный компонент)			−0,80		
Готовность помочь своим коллегам (реляционный компонент)			0,64		
Уровень социальной солидарности в организации (реляционный компонент)				0,83	
Уровень доверия в организации (реляционный компонент)				0,62	
Вероятность поддержки инициативы в организации (реляционный компонент)					0,75
Разделяемость ценностей, принципов и правил в организации (когнитивный компонент)	0,41				−0,48
Интенсивность контактов в организации (структурный компонент)		0,46			−0,48

Поскольку главная компонента 1 («готовность помочь руководителям высшего звена») и главная компонента 2 («готовность помочь руководителям структурных подразделений»), как правило, основаны на установленных в организациях ценностях социального взаимодействия и принципах организационного управления, субъектам управления следует закрепить тенденции, выявленные в процессе диагностики, и обратить внимание на формирование элементов когнитивного компонента социального капитала организации.

Анализ данных таблицы 6 показывает, что главная компонента 1 (реляционная), объясняющая в большей степени дисперсию исходных данных, имеет высокие корреляции с 7 переменными: а) «готовность помочь руководителям высшего звена» ($r = -0,78$, связь высокая, обратная); б) «готовность помочь руководителям структурных подразделений» ($r = -0,72$, связь высокая, обратная); в) «степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в профессиональной деятельности» ($r = 0,59$, связь заметная, прямая); г) «готовность помочь коллегам из других подразделений» ($r = -0,55$, связь заметная, обратная); д) «эффективность взаимодействия и частота конфликтов в организации» ($r = 0,53$, связь заметная, прямая); е) «распространенность элементов корпоративной культуры» ($r = 0,45$, связь умеренная, прямая); ж) «разделяемость ценностей, принципов и правил в организации» ($r = 0,41$, связь умеренная, прямая).

Четыре из указанных переменных — а), б), г), д) — относятся к показателям реляционного компонента социального капитала. Обращают внимание отрицательные значения корреляции главной компоненты 1 с переменными а), б) и г), отражающими готовность помочь руководителям высшего звена, руководителям структурных подразделений и коллегам из других структурных подразделений. Указанные значения позволяют оценить уровень развития данных переменных как недостаточный и негативно влияющий на процесс формирования реляционного компонента социального капитала организации.

Вместе с тем положительные значения корреляции главной компоненты 1 с отдельными переменными демонстрируют среднюю степень сложности коммуникаций, возможности получения информации и взаимозависимости в организации (структурный компонент), эффективность взаимодействия и невысокую степень конфликтности, а также наличие определенного уровня разделяемости ценностей, принципов и правил в организации (реляционный и когнитивный компоненты). Эти показатели корреляции дают основания для вывода о благоприятной в целом организационной среде для формирования и развития социального капитала организации.

Главная компонента 2 (реляционная) имеет два положительных значения корреляции с переменными «возможности неформального общения» ($r = 0,7$, связь умеренная, прямая) и «интенсивность контактов в организации» ($r = 0,46$, связь умеренная, прямая). Это позволяет

сделать вывод, подтверждающий наше предположение о короткой «дистанции власти», характерной для российских организаций, предполагающей интенсивные контакты работников и возможность неформальных (дружеских) отношений с непосредственными руководителями, которые образуют «ближний круг» социальных контактов работника.

Интенсивность контактов в организации, определяющая структурный компонент социального капитала, обуславливается, помимо дистанции власти, характерной для российских организаций «доступностью» руководителей для работников по любым вопросам, что отражает специфику российской деловой культуры и определенную склонность руководителей российских организаций к патернализму. Иными словами, чем выше готовность помочь руководителям структурных подразделений, тем больше возможности неформального общения и интенсивность контактов с ними.

Вместе с тем отрицательная корреляция главной компоненты 2 и переменной «создание условий для поддержания и развития социально-трудового партнерства в организации» ($r = -0,72$, связь умеренная, обратная) подтверждает приведенный выше вывод, поскольку социально-трудовое партнерство в значительной степени основано на формализации отношений между субъектами управления.

Данное положение подтверждается и отрицательным значением корреляции главной компоненты 2 с переменной «распространенность элементов корпоративной культуры», относящейся к когнитивному компоненту социального капитала, поскольку элементы корпоративной культуры распространяются не только в вербальной (неофициальной) форме, но и преимущественно по формальным каналам. Именно в документах, формализующих элементы корпоративной культуры, фиксируются ее основные положения, а также методы и каналы их распространения и пропаганды, что обеспечивает результативность данной деятельности.

Главная компонента 3 (структурная) коррелирует с тремя переменными: «готовность помочь коллегам из других подразделений» ($r = 0,48$, связь умеренная, прямая); «готовность помочь коллегам своего структурного подразделения» ($r = 0,64$, связь умеренная, прямая); «отношение организации к сотрудникам; удовлетворенность работой в организации» ($r = -0,80$, связь высокая, обратная). Приведенные данные подтверждают обоснованное нами положение о роли структурного компонента как необходимого, но недостаточного для формирования и развития социального капитала организации. В частности, он рассматривается в качестве системообразующего компонента, формирующего пространственную организацию социальных сетей, с создания которого и начинается складывание социального капитала.

Данные корреляции главной компоненты 2 с переменной «готовность помочь коллегам из других подразделений» позволяют сделать вывод о том, что значение $r = 0,48$ можно оценить как невысокое. Данный результат, по нашему мнению, может быть объяснен специ-

фикой российской деловой культуры, предполагающей преимущественное развитие структурных возможностей для формирования социального капитала и укрепления отношений аффилиации в малых группах, но препятствуют или затрудняют вертикальные коммуникации, а также горизонтальные слабые связи [1, с. 139].

Приведенный вывод подтверждается результатами других наших исследований, в которых показатели уровня развития структурного компонента социального капитала для отношений внутри трудовых коллективов действительно заметно выше, чем для отношений внутри управленческой иерархии и слабых горизонтальных связей. Это не только подтверждает тезис о приоритетности отношений аффилиации, но и свидетельствует о том, что организационные структуры российских предприятий имеют тенденцию к построению таким образом, чтобы облегчить взаимодействие именно внутри небольших коллективов.

Опрос не выявил проблем в функционировании структурного компонента социального капитала, затрудняющих взаимодействие в отношениях с руководством и коллегами из других структурных подразделений (положительное значение коэффициента корреляции позволяет сделать вывод о прямой связи уровня развития структурного компонента и готовности, обуславливающей возможность взаимодействия, ориентированного на помощь коллегам из других подразделений). Вместе с тем относительно невысокое значение корреляции с переменной «готовность помочь коллегам из других структурных подразделений» дает основание для вывода о недооценке структурного компонента социального капитала в российских организациях, о значимости организации социального пространства как сферы социальных отношений и неотъемлемой части организационной структуры.

Корреляция главной составляющей-компоненты 3 с переменной «готовность помочь коллегам своего структурного подразделения» подтверждает сделанный нами ранее вывод о преимущественном развитии непосредственного социального взаимодействия в рамках небольших коллективов. Поскольку коэффициент корреляции положительный, а связь прямая, мы полагаем, что вывод о существенной роли структурного компонента, как формирующего инфраструктуру социального пространства организации для взаимодействия субъектов управления, может рассматриваться в качестве практикоориентированного и требующего от менеджмента организации его планомерного развития для укрепления горизонтальных связей в ней.

Указанный вывод актуализирует и показатель коэффициента корреляции главной составляющей-компоненты 3 с переменной «отношение организации к сотрудникам; удовлетворенность работой в организации». Поскольку значение $r = -0,80$ характеризует связь как сильную и обратную, корреляция позволяет обозначить проблему взаимосвязи структурного компонента и удовлетворенности работников трудом в организации. Полагаем, что это значение коэффициента

корреляции обусловлено возможными проблемами в формировании организационного пространства, вызванными недооценкой инфраструктуры социальных отношений.

Проявлениями подобных проблем могут быть: а) недостатки организационного дизайна, отражающего несимметричное пространственное распределение статусов и конфигурацию взаимодействий; б) факты реализации микрополитики в организациях, обуславливающие проблемное «функционирование» социального пространства организации, в частности, в распределении рабочих помещений, «исключая» работников из организационного пространства «как инфраструктурно (физическое ограничение), так и в плане взаимодействия (коммуникационное ограничение)» [5, с. 135]. В результате «распределение рабочих помещений в этих условиях становится вопросом престижа и, следовательно, может обуславливать проявление элементов микрополитики (формирование групп, интересы которых направлены не на реализацию организационных целей, а на обеспечение собственного необоснованного привилегированного положения и личных интересов, не соответствующих ценностям и интересам организации), а также своеобразных микрополитических “игр”» [5, с. 135].

Проблемами формирования организационного пространства как социального фактора создания социального капитала в определенной мере обуславливается и низкая удовлетворенность работников, определяемая отношением организации к ним, которое может проявляться в: а) недостаточном развитии инфраструктуры социального взаимодействия, что препятствует формированию горизонтальных связей и объективно «разрывает» социальное пространство организации; б) ориентации на централизованное принятие решений без привлечения работников к участию в данном процессе; в) «закрытости» организационной структуры, не предполагающей взаимодействия с субъектами, не работающими в организации; г) тотализации контроля трудового поведения без предоставления работникам определенного уровня свободы; д) ограничении неформального общения работников на рабочем месте.

По нашему мнению, перечисленные выше проявления имеют амбивалентный характер: с одной стороны, несомненно, являются, по сути, структурными; а с другой — влияют на факторы, фасилитирующие социальные отношения в организации, то есть выступают и как элемент реляционного компонента. С учетом отрицательного значения коэффициента корреляции можно предположить, что чрезмерная «структуризация», «забюрокрачивание» социальных отношений, в том числе с целью их упорядочения и регулирования, может в определенных условиях обуславливать отрицательные организационно-управленческие эффекты.

Практическая рекомендация по данному вопросу заключается в поиске баланса формального и неформального в структуризации социального пространства организации, а также в учете динамического характера трудового поведения работников, обусловленного харак-

теристиками конкретной организации. Кроме того, основываясь на одном из базовых положений корреляционного анализа о статистическом (некаузальном) характере корреляционных связей, мы полагаем, что специфика взаимовлияния главного компонента 3 и переменной «отношение организации к сотрудникам; удовлетворенность работой в организации» требует дополнительного исследования. Данный вывод обусловлен тем, что показатель удовлетворенности может, как нам представляется, определяться также совокупностью различных «скрытых» параметров, влияющих на обе указанные переменные.

Главная компонента 4 (реляционная) коррелирует с переменными «эффективность взаимодействия и частота конфликтов в организации» ($r = -0,40$, связь умеренная, обратная), «уровень социальной солидарности в организации» ($r = 0,83$, связь высокая, прямая), «уровень доверия в организации» ($r = 0,62$, связь заметная, прямая). Данная компонента предполагает готовность помочь коллегам из других структурных подразделений, подчеркивая значимость горизонтальных связей в организации (слабых связей в подходе М. Грановеттера). Как было отмечено, развитие связей подобного типа составляет управленческую проблему для российских организаций в связи с преимущественной ориентацией на аффилиационные связи внутри небольших коллективов, образующих круг непосредственного общения работников. Вместе с тем результативная реализация организационной компетенции вряд ли возможна без горизонтальных связей, обуславливаемых в значительной мере взаимозависимостью работников в профессиональной деятельности.

Поскольку коэффициент корреляции главной компоненты 4 с переменной «эффективность взаимодействия и частота конфликтов» имеет отрицательное значение, мы констатируем, что обратный характер связи, вероятно, обусловлен нерешенностью проблемы организации горизонтального взаимодействия в организациях. В частности, можно предположить, что подобное взаимодействие не формализовано в локальных нормативных актах, либо его формализация носит декларативный характер и не подкрепляется управленческой практикой и порядком управления.

Опыт работы автора статьи в бизнес-структурах показывает, что в подобных ситуациях чрезмерная формализация со сложной системой согласования действий на уровне горизонтальных связей, продиктованная желанием субъектов управления поддерживать горизонтальное взаимодействие, на практике имеет, как правило, обратный эффект. Подобное взаимодействие не складывается ввиду «навязанности» его структурным подразделениям либо в связи с недостаточно сформировавшимися представлениями о его целях, формах и результатах.

Отрицательный коэффициент корреляции в данном случае, скорее всего, может быть обусловлен как излишней формализацией, так и непродуманными управленческими действиями, которые снижают эффективность взаимодействия, что и определяет повышение частоты

конфликтов. Для обеспечения положительной корреляции руководителям организаций можно порекомендовать постоянный мониторинг форм и результативности горизонтального взаимодействия, их взаимосвязи с достижением целей организации, а также постоянную актуализацию матриц ответственности в процессе решения тактических и стратегических задач. Целесообразно также в режиме диалога с работниками и руководителями среднего звена (на уровне которого чаще всего и возникает данная проблема) определять актуальные проблемы подобного взаимодействия.

Реализация указанных выше мер позволит решить две важные проблемы. Во-первых, информация «снизу» составляет основу принятия управленческих решений, обеспечивающих социальные условия достижения результативности организации, а также усиливает значимость функции координации в управлении, которая традиционно недооценивается в организациях. Во-вторых, реализация указанных функций создает основу для складывания у менеджеров представления о сознательном формировании регулятивных механизмов управления социальным порядком в организации.

Регулятивный механизм, в подходе А.В. Тихонова, теоретически близком нашему подходу, определяется как «особый вид деятельности, направленный не на достижение какой-либо продуктивной цели... непосредственно, а на поддержание устойчивых отношений между людьми и их целостности, что приводит в итоге к продуктивному результату» [7, с. 71–72]. Именно при таком подходе к управлению и «происходит формирование адекватных проблеме правил и норм поведения, общих целей и задач; создается внутренне согласованная система их поддержания в рабочем состоянии» [7, с. 74], что и обеспечивает эффективность взаимодействия.

Показатель коэффициента корреляции главной компоненты 4 с переменной «уровень социальной солидарности в организации» ($r = 0,83$, связь высокая, прямая) является самым высоким по абсолютному значению, что представляется логичным в контексте реляционного характера компоненты 4 («готовность помочь коллегам из других подразделений»).

Социальная солидарность, понимаемая как совокупность доверия (готовность к конструктивному взаимодействию, основанному на взаимном ожидании аналогичных действий других субъектов) и собственно солидарности (деятельное сочувствие интересам других и единомыслие с ними), выступает в нашем подходе как одна из системных детерминант формирования социального капитала. Глубинная идея социальной солидарности в организации заключается в улучшении качества межличностных отношений на основе реальных действий, которые не выходят за рамки имеющихся ресурсов. По сути, «речь идет об изменении температуры человеческих отношений», при которой формируется социальный капитал организации как совокупность человеческих потенциалов, основанных на общности ответственности и единстве

многообразия. Социологический подход к интерпретации социальной солидарности оформлен в теории и практике социального партнерства, основывающегося на осознании сущности социального взаимодействия в реализации ключевой организационной компетенции.

С практической точки зрения корреляция главной компоненты 4 и переменной «уровень социальной солидарности в организации» актуализирует необходимость закрепления положительно оцениваемой нами тенденции к развитию горизонтальных связей работников как результативной формы взаимодействия на основе общности ценностей и целей организации.

В контексте сформулированных выше выводов мы оцениваем и положительное значение корреляции главной компоненты 4 с переменной «уровень доверия в организации», которая выступает не только составляющей социальной солидарности, но и системной детерминантой формирования социального капитала. По нашему мнению, уровень доверия в организации обеспечивается, помимо иных факторов, и конструктивным социальным взаимодействием, основанным на принципе реципрокности.

Готовность помочь коллегам из других подразделений в социальном смысле ориентирует на взаимодействие в достижении целей организации, при этом субъекты взаимодействия исходят из уверенности в том, что можно положиться на партнеров (коллег) и рассчитывать на их аналогичное поведение. Иными словами, доверие с точки зрения социологии управления и субъект-субъектного подхода предполагает равнозначный социальный обмен, при котором отсутствует какое-либо действие каждого из по меньшей мере двух индивидов, подкрепляющее или подавляющее действие другого, при котором, в трактовке Дж. Хоманса, «каждый влияет на другого». В указанном контексте положительное значение коэффициента корреляции, близкое к верхней границе умеренной связи, представляется вполне логичным и в целом отражает теоретические положения предложенного нами подхода.

Главная компонента 5 (реляционная) коррелирует с переменными «вероятность поддержки инициативы в организации» ($r = 0,75$, связь высокая, прямая), «разделяемость ценностей, принципов и правил в организации» ($r = -0,48$, связь умеренная, обратная) и «интенсивность контактов в организации» ($r = -0,48$, связь умеренная, обратная). Компонента 5 определяет эффективность взаимодействия и частоту конфликтов в организации. Высокий показатель коэффициента ее корреляции с переменной «вероятность поддержки инициативы работника в организации» мы рассматриваем как позитивную тенденцию в трансформации социального управления в социально ориентированное.

Мы основываемся на представлении о том, что признание субъектности бывшего «объекта» управления определяет полисубъектность социального управления как иерархически организованного процесса. Именно полисубъектная среда обуславливает основную цель регулятив-

ных действий в социальной организации, заключающуюся в согласовании интересов субъектов управления в процессе социального взаимодействия для гармонизации социальных отношений [4, с. 325]. Иными словами, «объект управления представлен внешне не сам в себе, а как субъект самоорганизации» [8, с. 292–293]. В этих условиях закономерно, по нашему мнению, повышается социальная и профессиональная активность работников, которая поддерживается в организации посредством формирования системы развития и обучения, а также механизмов социально-трудового партнерства. Указанные факторы способствуют повышению эффективности взаимодействия и снижению частоты деструктивных конфликтов в организации, поскольку они купируются механизмами социально ориентированного управления субъект-субъектной природы.

Отрицательное значение коэффициента корреляции компоненты 5 с переменной «разделяемость ценностей, принципов и правил в организации», отражающей содержание когнитивного компонента социального капитала, на наш взгляд, представляет теоретический и практический интерес, поскольку не отражает сложившиеся представления о взаимосвязи указанных компонента и переменной.

Традиционно взаимосвязь между ними рассматривается как каузальная, так как разделяемость ценностей, принципов, правил и следование им понимается как основа социальных отношений в организации, исключая возможность деструктивных конфликтов. Данная взаимосвязь проявляется в регулировании социальных отношений на основе норм, складывающихся с учетом ценностей организации, при этом и нормы сами по себе воспринимаются работниками как ценности. Нормы, в нашем понимании, могут быть представлены как социальный ресурс нематериальной природы, регулирующий социальные взаимодействия. В таком качестве нормы выступают конститутивным компонентом социального капитала, обеспечивающим реципрокность социального взаимодействия. Как отмечает С. Пейович, «с точки зрения индивида, выгоды от правила — это предсказуемость поведения других людей» [10, р. 118].

Отрицательное значение коэффициента корреляции в данном случае может быть интерпретировано с учетом следующих позиций:

а) указание на возможность анализа корреляции, при которой неэффективность определяется степенью разделяемости ценностей и правил, а следование им может являться следствием эффективного взаимодействия, определяющим отношение к данным факторам;

б) поскольку выявленная взаимосвязь имеет статистический характер и не определяет специфику взаимовлияния главной компоненты и переменной, особенности их взаимовлияния могут быть выявлены в результате дополнительной диагностики содержания ценностей, правил и норм организации и отношения работников к ним, прежде всего с точки зрения наделения их смыслом;

в) недостаточно результативная работа субъектов управления по пропаганде и разъяснению организационных ценностей и прин-

ципов, что не обеспечивает их освоение, усвоение и «присвоение» в качестве ориентиров при построении линии поведения работника в организации, направленного на эффективное взаимодействие;

г) стремление отдельных руководителей «внедрить» ценности и правила без учета их предварительного обсуждения и согласования на уровне смыслов, которыми субъекты управления наделяют ценности и правила социальных отношений в организации;

д) проявление выявленной в процессе исследования свойственной российским организациям дихотомии «универсализм — партикуляризм», определяющей допустимость нарушения общих формальных правил в пользу личных отношений. Как было отмечено, социальный капитал российских организаций основан в значительной степени на отношениях аффилиации (приоритет «ближнего» круга взаимодействия), чему способствует преобладание партикуляристских ценностей как характерной черты российской деловой культуры (что отмечается и в работах зарубежных исследователей, относящих Россию к «партикуляристским» странам [9]).

Отрицательное значение имеет и коэффициент корреляции главной компоненты 5 с переменной «интенсивность контактов в организации» ($r = -0,48$, связь умеренная, обратная), относящейся к структурному компоненту социального капитала. Данная связь может быть интерпретирована с учетом амбивалентного характера указанного компонента, проявляющегося в его способности как облегчать социальные взаимодействия (при условии формирования управленчески целесообразной инфраструктуры для их реализации), так и проблематизировать социальное взаимодействие (при ограничении доступа к структурным возможностям как ресурсу взаимодействия).

Мы исходим из того, что в исследованных российских организациях интенсивность контактов как фактор эффективности взаимодействия не рассматривается. Кроме того, с учетом указанных выше особенностей структурных подразделений, отношения в которых основаны преимущественно на аффилиации, можно предположить, что, вероятно, работники исходят из убеждения, что во избежание конфликтов, снижающих эффективность, взаимодействовать следует предпочтительно с коллегами своего структурного подразделения, образующими «ближний» круг.

Данный вывод подтверждается и результатами сравнения значений коэффициента корреляции главной компоненты 1 с переменной «готовность помочь коллегам из других подразделений» и главной компоненты 3 с переменной «готовность помочь коллегам своего структурного подразделения»: в первом случае значение $r = -0,55$ (связь заметная, обратная), во втором — $r = 0,64$ (связь заметная, прямая). То есть с позиций реляционного и структурного компонентов работники российских организаций более ориентированы преимущественно на взаимодействие в рамках своего структурного подразделения. Можно

предположить, что работники исходят из прагматического соображения: «чем меньше интенсивность контактов, тем меньше вероятность конфликтов и, как следствие, выше эффективность взаимодействия». Это в целом соответствует результатам опроса: эффективность взаимодействия тем выше, чем ниже интенсивность контактов.

С точки зрения управленческой практики искусственное снижение (ограничение) интенсивности контактов в организации, не обоснованное спецификой ее бизнес-процессов (производственного цикла), представляется некорректным и рисковым управленческим решением в силу его несостоятельности с позиции социологии управления. Цель субъектов управления в данном случае должна заключаться, как нам представляется, не в ограничении интенсивности взаимодействий, а в регулировании их качества, обеспечении достаточной симметричности социального обмена как условия эффективности и результативности взаимодействия и снижения частоты деструктивных конфликтов.

Выводы

1. Разработанная на основе авторской концептуальной схемы анализа социального капитала принципиальная схема его операционализации и ее эмпирическая проверка показали, что социальный капитал как социальный феномен может быть измерен с использованием социологического инструментария. Эмпирическая проверка принципиальной схемы операционализации социального капитала подтвердила теоретические положения о возможности «измерения неизмеряемого», то есть социального капитала организации, с использованием социологического инструментария, что подтверждает реальность социального капитала как наблюдаемой и измеряемой характеристики организационной среды.

2. Предпринята результативно позитивная попытка измерения социального капитала на основе применения разработанного опросника, результаты которого были обработаны с использованием методов факторного анализа.

3. В ходе факторного анализа были выделены и содержательно интерпретированы 5 главных компонент (4 компоненты реляционного характера и 1 компонента структурного характера). Преобладание компонент реляционного характера подтверждает положение о ведущей роли реляционного компонента в его структуре.

4. В результате факторного анализа выявлена структура взаимных связей между переменными, а также группы взаимозависимых переменных, анализ коэффициентов корреляции которых позволил:

— сделать ряд выводов о степени сформированности компонентов социального капитала, в частности, о наличии организационно-управленческого потенциала для формирования социального капитала в российских организациях;

— выявить управленческие проблемы формирования социального капитала в российских организациях, определенные в процессе анализа отрицательных значений коэффициентов корреляции, тесноты и направленности связей между переменными и компонентами, характеризующими переменные социального капитала.

5. В связи с тем что отрицательные значения коэффициентов корреляции не характеризуют каузальность связей, взаимовлияние конкретных переменных и главных компонент требует дополнительной диагностики и анализа полученных данных, в ходе которого могут быть выявлены как причинно-следственные связи, так и скрытые переменные, оказывающие влияние на взаимосвязи переменных и компонент.

6. На основе анализа значений коэффициентов корреляции предложены нормативные значения оценки уровня сформированности компонентов социального капитала с учетом значений коэффициентов корреляции и характера связей между переменными (табл. 7).

Таблица 7

Нормативные значения оценки уровня сформированности компонентов социального капитала организаций

Уровень сформированности компонентов социального капитала	Значения большинства коэффициентов корреляции (г)	Характер связей между переменными
высокий	0,76–1 (не менее 75% значений)	преимущественно прямые (не менее 75% значений)
средний (приемлемый)	0,25–0,75 (не менее 60–74% значений)	в основном прямые (не менее 60% значений)
низкий (проблемный)	менее 0,25 (более 60% значений)	в основном обратные (более 60% значений)

Анализ корреляционных связей подтвердил теоретические выводы автора о триаде компонентов социального капитала и необходимости их параллельного развития для результативного формирования социального капитала организации (при ведущей роли реляционного компонента).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игумнов Олег Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Телефон: +7 (495) 438-17-29. Электронная почта: oa.igumnov@mpgu.su

Research Article

OLEG A. IGUMNOV¹

¹Moscow Pedagogical State University.

88, Vernadskogo av., 119571, Moscow, Russian Federation.

OPERATIONALIZING THE SOCIAL CAPITAL OF ORGANIZATIONS: IS IT POSSIBLE TO MEASURE THE “IMMEASURABLE”?

Abstract. Social capital in the modern sense can be described as the capacity for socially oriented management of organizations. As social capital serves this purpose, it needs to be measured using relevant sociological tools based on the principles of operationalizing it as a complex social concept and a resource of immaterial nature. The purpose of the article is to present the results of social capital operationalization problem study that were obtained during the empirical portion implemented within the framework of the socio-resource approach towards managing organizations. The data obtained as a result of a panel study in 2022 give grounds for concluding that the basic process of operationalizing social capital proposed by the author provides an opportunity to substantiate variables and correlations between them for subsequently measuring the development of certain components of social capital. The suggested approach also allows asserting that social capital operationalization largely allows for solving the problem of “measuring the immeasurable” which involves, based on evaluating the current state of an organization’s social capital, developing management decisions aimed at the effective formation and development of said human capital. The author offers practical recommendations for correcting managerial actions while taking into account the problematic aspects of social capital formation.

Keywords: organization’s social capital; structural component of social capital; cognitive component of social capital; relational component of social capital; social capital operationalization; social networks.

For citation: Igumnov, O.A. Operationalizing the Social Capital of Organizations: is it Possible to Measure the “Immeasurable”? *Sotsiologicheskii Zhurnal* = *Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 64–89. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.4

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Igumnov — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University. **Phone:** +7 (495) 438-17-29. **Email:** oa.igumnov@mpgu.su

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Игумнов О.А.* Развитие организационного социального капитала: теоретические гипотезы // Социология. 2020. № 1. С. 136–148. DOI: 10.24411/1812-9226-2020-00009
Igumnov O.A. Development of organizational social capital: theoretical hypotheses. *Sotsiologiya*. 2020. No. 1. P. 136–148. DOI: 10.24411/1812-9226-2020-00009 (In Russ.)
2. *Игумнов О.А.* Социальный капитал российских организаций: подходы к операционализации и измерению // Медицина. Философия. Социология. Прикладные исследования. 2020. № 2. С. 39–46. DOI: 10.37492/ETNO.2020.98.15.025 EDN: PMUAI
Igumnov O.A. Russian organisations social capital: approaches to operationalization and measurement. *Meditsina. Filosofiya. Sotsiologiya. Prikladnye issledovaniya*. 2020. No. 2. P. 39–46. DOI: 10.37492/ETNO.2020.98.15.025 (In Russ.)

3. *Игумнов О.А.* Операционализация социального капитала в контексте социоресурсного подхода в управлении организацией: постановка проблемы // Наука, общество, технологии: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (17 ноября 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 154–169. DOI: 10.18411/doi-code-2023.149 EDN: LFQOJM

Igumnov O.A. Social capital operationalization in the socio-resource approach in the organization management context: problem statement. *Nauka, obshchestvo, tekhnologii: problem i perspektivy vzaimodeistviya v sovremennom mire: sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (17 noyabrya 2022 g.)*. [Science, society, technology: problems and prospects for interaction in the modern world: collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference (November 17, 2022).] Petrozavodsk: MCNP “Novaya nauka” publ., 2022. P. 154–169. DOI: 10.18411/doi-code-2023.149 (In Russ.)

4. *Игумнов О.А., Мусарский М.М.* Аксиологические аспекты социального капитала как ресурса управления организацией // Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации: сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. С. 323–327. DOI: 10.18411/doi-code-2023.081 EDN: MBWRHA

Igumnov O.A., Musarskiy M.M. Axiological aspects of social capital as a resource for managing an organization. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya, innovatsii: sbornik statei XXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Modern science: current issues, achievements, innovations: collection of articles of the XXIX International Scientific and Practical Conference.] Penza: MCNS “Nauka i Prosveshchenie” publ., 2023. P. 323–327. DOI: 10.18411/doi-code-2023.081 (In Russ.)

5. *Игумнов О.А.* Пространственный аспект организационных сетей как фактор формирования структурного компонента социального капитала // Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений. Материалы XX Международной научной конференции. Россия, г. Москва, 8–9 декабря 2022 г. / Под ред. Е.Д. Платоновой, О.А. Игумнова. М.: Изд-во «Перо», 2023. — 195 с. DOI: 10.18411/doi-code-2023.200 EDN: INXICM

Igumnov O.A. Spatial aspect of organizational networks as a factor in the formation of the structural component of social capital. *Prostranstvennaya ekonomika: problemy regional'nykh ekonomicheskikh ob'edinenii. Materialy XX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Rossiya, g. Moskva, 8–9 dekabrya 2022 goda*. [Spatial economics: problems of regional economic associations. Materials of the XX International Scientific Conference. Russia, Moscow, December 8–9, 2022.] Ed. by E.D. Platonova, O.A. Igumnov. Moscow: Pero publ., 2023. 195 p. DOI: 10.18411/doi-code-2023.200 (In Russ.)

6. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33–58 [электронный ресурс]. Дата обращения 13.10.2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/sxrz9emazw/67630402.pdf> EDN: JRHFXN
Magun V.S., Rudnev M.G. Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. No. 1. P. 33–58. Accessed 13.10.2023. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/sxrz9emazw/67630402.pdf> (In Russ.)
7. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. — 607 с.
Sotsiologiya upravleniya: strategii, protsedury i rezul'taty issledovaniy. [Sociology of management: strategies, procedures and research results.] Ed. by A.V. Tikhonov. Moscow: Kanon+ publ., ROOI Rehabilitation publ., 2010. 607 p. (In Russ.)
8. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2016. — 480 с.
Sotsiologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoi tolkovyi slovar'. [Sociology of management: Theoretical and applied explanatory dictionary.] Ed. by A.V. Tikhonov. 2nd ed., rev. Moscow: LENAND publ., 2016. 480 p. (In Russ.)
9. Hampden-Turner C., Trompenaars F. *Building Cross-Cultural Competence: How to Create Wealth from Conflicting Values*. New Haven; L.: Yale University Press, 2000. 400 p.
10. Pejovich S. The Market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe. *Economic Institutions, Markets and Competition*. Ed. by B. Dallago, L. Mittone. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. P. 111–126.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2023; поступила после рецензирования и доработки: 15.02.2023; принята к публикации: 12.03.2024.

Received: 03.11.2023; revised after review: 15.02.2023; accepted for publication: 12.03.2024.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.5

EDN: GTQHVV

И. В. ДУДИН¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ К ОСНОВНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОТИВОРЕЧИЯМ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ¹

Аннотация. Специальная военная операция на территории Украины стала главным фактором серьезных изменений, происходящих в настоящее время в общественном сознании. Россия достигла точки наивысшей конфронтации со странами Запада в своей новейшей истории. Какие противоречия население России считает в этих условиях наиболее острыми и основными? Изменилась ли их общая картина в сравнении с предыдущими годами? Какие факторы прежде всего влияют на восприятие противоречий в российском обществе? С целью ответить на эти вопросы в статье представлен анализ изменения отношения россиян к противоречиям, имеющим различную природу. Он основан на данных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН за 2005, 2015 и 2023 гг. Проанализированы группы противоречий с разным типом динамики отношения к ним представителей массовых слоев населения страны в рассматриваемый период. Показано, что наиболее остро россиянами в 2005–2015 гг. воспринимались экономические противоречия. Однако в 2023 г. на первый план вышли идеологические противоречия, что во многом обеспечило самое значимое в данном году и при этом новое противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины. Особую позицию по отношению к противоречиям в российском обществе с 2005 по 2015 г. относительно чаще имели москвичи и петербуржцы, молодежь до 25 лет и граждане, оценивающие свое финансовое положение как плохое. Летом

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 20–18–00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз».

2023 г. уровень финансового благополучия граждан в их субъективном понимании по-прежнему оказывал серьезное влияние на восприятие остроты ключевых противоречий российского общества. Однако теперь другими важными детерминантами, влияющими на отношение к ним, оказались мировоззренческие факторы: особенности политических взглядов и отношение к основным властным институтам, прежде всего к президенту и Государственной Думе.

Ключевые слова: социальные противоречия; межгрупповые конфликты; социальная напряженность; массовое сознание; консолидация.

Для цитирования: Дудин И.В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 90–112. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.5 EDN: GTQHVY

Введение

Социальные противоречия — неизбежное явление в любом обществе. Более того, именно они выступают катализатором его развития. При этом набор важнейших противоречий уникален для каждого общества и зависит от его особенностей. Эти же особенности способны повлиять и на восприятие гражданами соответствующего общества остроты характерных для него противоречий. Как в зарубежной, так и в отечественной литературе можно найти много примеров противоречий, характерных для обществ современного типа [3; 14; 15 и др.]. Однако при их анализе становится ясно, что рассматриваемые в соответствующих публикациях противоречия уместно классифицировать в зависимости от их характера. Ранее мы уже проводили такую классификацию [5, с. 130], поэтому, не останавливаясь на ее обосновании, сразу перейдем к характеристике входящих в нее групп противоречий. Первая и самая часто упоминаемая среди зарубежных исследователей группа — экономические противоречия. В нее входят противоречия, связанные с неравномерным распределением финансовых или природных ресурсов, конфликты работников с работодателями и т. д. Так, Э. Даль Бе и П. Даль Бе утверждают, что ключевым социальным противоречием выступает борьба за присвоение и распределение экономических благ между отдельными социальными группами и целыми государствами [13]. М. Кастельс [8, с. 158–160] и И. Валлерстайн [4, с. 180–181] видят в числе основных противоречий современного мира борьбу за достижение или сохранение в нем экономического доминирования, уделяя также большое внимание конфликтам между работниками и работодателями, и т. д. Эта группа противоречий анализируется и отечественными исследователями, однако среди них она упоминается реже.

Вторая группа противоречий — противоречия политико-административного характера. Их анализ не так популярен в зарубежной ли-

тературе, как анализ экономических противоречий, но и в отношении них можно найти немало информации. Так, И. Валлерстайн считал, что современная миросистема является единой мировой экономикой, для ее функционирования необходимы единые принципы и правила, которые он называл универсализмом. Однако универсализм не предоставляет гарантий равных прав и возможностей как индивидам или социальным группам, так и странам, что является благодатной почвой для дискриминации [4, с. 112–115]. Р. Инглхарт и К. Вельцель рассуждали о политико-административных противоречиях как о борьбе простых членов общества за их право личной независимости против его государственного аппарата [7] и т. д.

Среди отечественных исследователей этой группе противоречий уделяется достаточно большое внимание, хотя трактуются они обычно несколько иначе. С.Е. Кургинян отмечал, например, что главным противоречием российского общества является противостояние различных групп политических элит [9]. В.А. Аникин показал взаимосвязь экономических и политико-административных противоречий, продемонстрировав, что ответственность за свои экономические проблемы россияне возлагают обычно на центральную власть, а не на своих работодателей [2], и т. д.

Третью и четвертую группы противоречий составляют социокультурные и идеологические противоречия. Они, по мнению С. Хантингтона, связаны между собой общим основанием — глобализацией всей общественной жизни [12]. М. Кастельс также подчеркивал, что как для целых народов, так и для отдельных членов общества особенно важна возможность сохранить свою индивидуальность в эпоху глобализации, что он назвал конфликтом между «Сетью» и «Я» [8]. Эти группы противоречий также традиционно привлекают внимание отечественных исследователей. К примеру, Ф.А. Лукьянов и А.И. Миллер считают основным для российского общества противоречие между сторонниками глобализации по западной модели и сторонниками самостоятельного пути развития России [10].

С учетом сказанного целью нашего исследования стало определение сравнительной значимости² для массовых слоев населения нашей

² Значимость противоречий оценивалась нами путем анализа частоты их выбора респондентами из числа трех противоречий, наиболее острых для современного российского общества. Формулировка «острые» была задана в самом инструментарии, а целесообразность ее использования объяснялась необходимостью побудить респондента выделить из списка в 19 позиций только те противоречия, которые сильнее всего беспокоили его самого в момент опроса. Любые другие формулировки, в частности «значимые», а не «острые» противоречия, предполагали бы возможность их интерпретации респондентами с точки зрения последствий для общества, а не на основе личного эмоционального восприятия «в моменте».

страны разных групп противоречий, рассматриваемых в научном дискурсе как ключевые для современных обществ, а также определение динамики восприятия населением этих групп противоречий. Такая трактовка цели исследования имеет как теоретическую (поскольку позволяет глубже понять специфику России на фоне других стран с учетом ее цивилизационных особенностей и исторического опыта), так и практическую значимость, что позволяет выявить «болевы точки» российского общества.

Эмпирической базой исследования стали данные мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Опросы в рамках этого мониторинга проводятся не реже одного раза в год начиная с октября 2014 г. по общероссийской квотной выборке (составлявшей в разных волнах от 2000 до 4000 респондентов), репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по полу и возрасту. В нашем исследовании использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г. (N = 2000) и в июне 2023 г. (N = 2000).

Наряду с данными мониторинга ИС ФНИСЦ РАН при анализе использовались данные исследования Института социологии РАН «Собственность в жизни россиян: домьслы и реальность», проходившего в апреле 2005 г. Выборка опроса в этом исследовании строилась по территориально-экономическим районам в соответствии с районированием ФСГС РФ, затем в каждом районе выделялись наиболее типичные для него субъекты РФ, для которых рассчитывались квоты по полу, возрасту и типу поселения. Численность респондентов в этом опросе составила 1750 человек.

Данные временные точки выбраны не случайно: 2005 г. характеризовался проведением монетизации льгот и резким обострением внутривполитической обстановки, даже несмотря на благополучную в целом экономическую и внешнеполитическую ситуацию. На 2015 г., то есть спустя год после воссоединения Крыма с Россией и начала жесткой конфронтации с Западом, пришелся основной удар экономического кризиса, вызванного последовавшими за «крымской весной» санкциями. В этом отношении, как и в отношении всплеска патриотических настроений, 2015 г. (и впоследствии 2023 г.) был наиболее сложным в новейшей российской истории. Стоит отметить, что для контроля выявленных тенденций авторы проверили их на данных ряда других исследований ИС ФНИСЦ РАН (2003, 2008, 2014, 2017, 2021 и 2022 гг.), однако эти данные не были включены в статью из-за огра-

ниченности ее объема и сложной визуализации всех этих временных точек в используемом иллюстративном материале.

Методологической основой для формулирования вопроса анкеты, который использовался в опросах разных лет для оценки видения массовыми слоями населения нашей страны наиболее острых противоречий российского общества, стали противоречия, присутствующие в научном дискурсе в качестве ключевых для современных обществ и подробно рассмотренные нами как выше, так и ранее [5; 6; 11]³. В их число вошли противоречия между сторонниками глобализации в ее вестернизированной версии или самобытности национального развития, между представителями разных культурных сообществ (представителями этносов и конфессий, местными и мигрантами), между богатыми и бедными, между работодателями и работниками и т. д. (см. рис. 1). К этому набору противоречий в опросе 2023 г. было добавлено также противоречие между сторонниками разных взглядов в отношении СВО на Украине.

Методами исследования послужили анализ данных при помощи таблиц сопряженности в программе SPSS Statistics, корреляционный анализ, а также динамический и сравнительный анализ.

Динамика восприятия населением страны наиболее острых противоречий российского социума в 2005–2023 гг. и его факторы

Для начала рассмотрим общую картину противоречий, отмеченных респондентами в 2023 г., и сравним ее с показателями 2005 и 2015 гг. (рис. 1).

Противоречие между богатыми и бедными всегда входило в тройку наиболее острых для россиян. Хотя в 2005 г. оно было первым по числу упоминаний, в 2015 г. опустилось на второе место, а в 2023 г. было уже только третьим. Более того, за 18 лет его стали упоминать реже более чем вдвое. Еще одно противоречие, стабильно волнующее россиян на протяжении рассматриваемого периода, — между властью и народом, но его значимость в восприятии респондентов к 2023 г. понизилась с 35,2 до 21%. Значимость для россиян противоречия между чиновниками и гражданами, в отличие от указанных лидеров рейтинга, с 2005 г. не снизилась.

³ Уточним, что набор противоречий для инструментария наших опросов изначально был сформулирован на основе анализа работ, посвященных соответствующей проблематике. Однако уже в первом опросе (2003 г.) и далее в анкету добавлялась открытая позиция «Другое противоречие (укажите, пожалуйста, какое)», за счет которой количество закрытых вопросов было увеличено с изначальных 10 до 19 позиций. Основное расширение произошло в 2005 г., поэтому динамический анализ в статье ведется начиная с 2005 г.

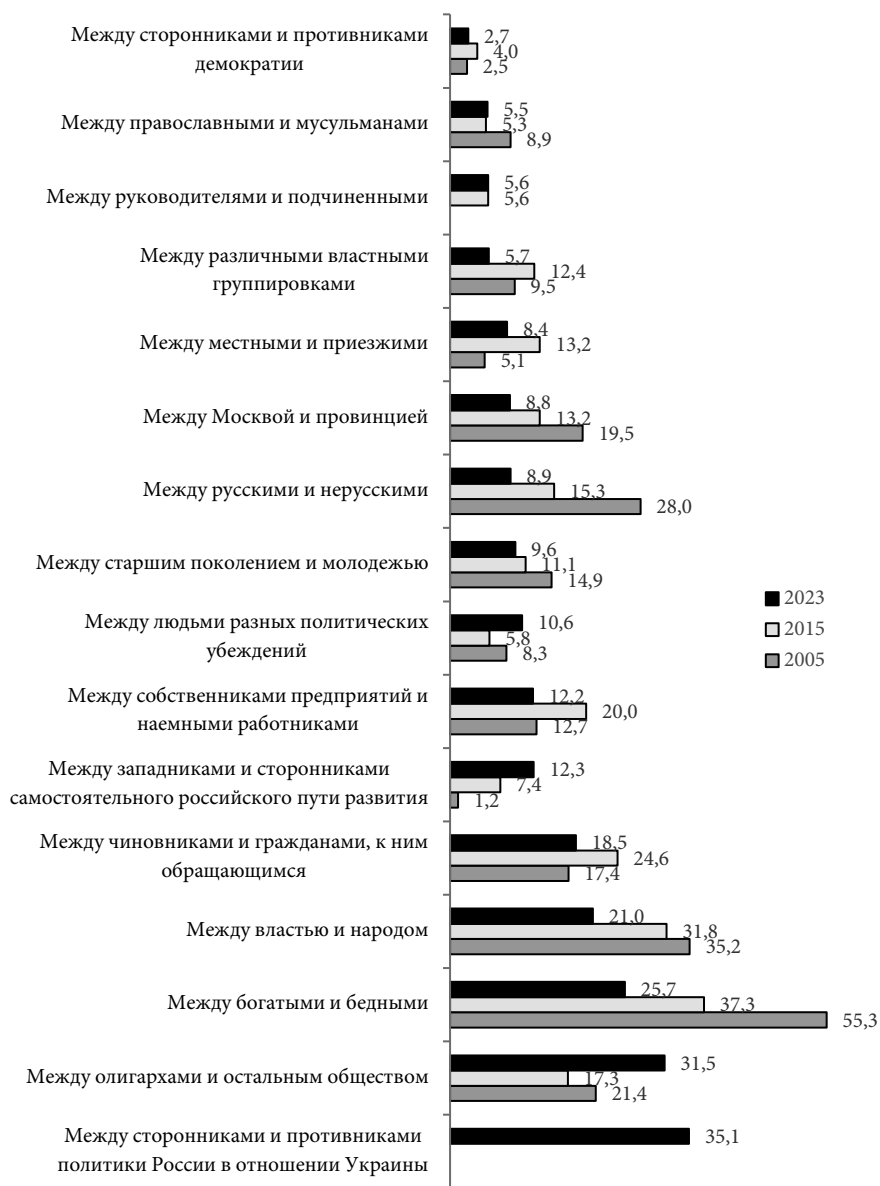

Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос:
«Между какими группами российского общества сегодня существуют
наиболее острые противоречия?», 2005, 2015, 2023 гг., %
(отранжировано по данным 2023 г.)

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

Однако двумя самыми острыми в 2023 г., по мнению респондентов, являлись совершенно иные противоречия. Первое место (35,1%) заняло противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины. Вторым в рейтинге оказалось и ранее отмечавшееся достаточно часто противоречие между олигархами и остальным обществом (31,5%). Более трети (35,7%) россиян считали также, что олигархи мешают развитию страны (притом что только четверть опрошенных в июне 2023 г. говорили о том, что они способствуют ее развитию). Столь низких оценок их роли для страны не было ни у одной другой социальной группы. Возможно, такое отношение к олигархам, оценивание которых не может быть связано напрямую с жизненным опытом респондентов (в отличие от отношения к лицам разных национальностей, разных поколений и т. д.), является следствием определенных идеологических установок, транслируемых СМИ.

Необходимо выделить еще одну важную тенденцию: с 2005 г. значительно вырос уровень консолидации российского общества по этническому признаку, поскольку противоречие между русскими и нерусскими представители массовых слоев стали отмечать в числе наиболее острых за это время ровно в 3 раза реже. Таким образом, россияне осознали, что противостояние России и Запада куда опаснее взаимных претензий русских и других народов страны.

Следует также отметить стоящую на повестке дня ситуацию с мигрантами. Несмотря на популярные в последнее время в СМИ и научном дискурсе размышления о негативном отношении населения к мигрантам из стран ближнего зарубежья, россияне довольно редко отмечают в числе наиболее острых противоречия, которые можно было бы трактовать как отражающие этот конфликт. Видимо, на фоне противоречий между сторонниками и противниками СВО на Украине, олигархами и остальным обществом или богатыми и бедными даже противоречия между коренным населением России и мигрантами — носителями иной культуры воспринимаются как вторичные по своей значимости. Вместе с тем в нашей выборке в определенных регионах респонденты массово отметили как наиболее острые противоречия между местными и приезжими, русскими и нерусскими. На общем фоне в этом отношении в 2023 г. выделялись Санкт-Петербург (20,8% петербуржцев выбрали противоречие между местными и приезжими при средних 8,4% по стране) и Хабаровский край (29,1% жителей Хабаровского края выбрали противоречие между русскими и нерусскими при средних 8,9%), что, по-видимому, является маркером определенных социальных проблем и нуждается в специальном исследовании.

Если же говорить об общей динамике восприятия различных противоречий, то 7 из них с 2005 по 2023 г. потеряли в значимости, отно-

шение к 6 из них было стабильным весь рассматриваемый период (или внимание к ним усиливалось в 2015 г. и было нивелировано к 2023 г.), и только два противоречия за 18 лет стали восприниматься россиянами существенно острее. В их числе противоречия между олигархами и остальным обществом, а также между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития. Это свидетельствует не только о консолидации россиян по этническому признаку, как было отмечено выше, но и об общей консолидации массовых слоев по многим другим основаниям на фоне роста значимости противоречий, связанных с конфронтацией с Западом.

О формирующейся консолидации массовых слоев свидетельствует и рост за это время доли россиян, которые не видят в современном российском обществе никаких острых противоречий. В 2005 г. их доля составляла 7,9%, в 2015 г. — 11,4%, а в 2023 г. — 17,5%. Однако то, что 82,5% эти противоречия видят, говорит о высоком уровне социальной напряженности среди населения. Более того, даже в относительно благополучное время представители массовых слоев видят обычно не одно, а сразу несколько противоречий, которые они оценивают как острые. Так, в списке наиболее острых противоречий, насчитывающем в разных опросах 2005, 2015, 2023 гг. от 15 до 19 позиций, из которых респондентам надо было выбрать не более трех, модальным всегда был выбор всех трех возможных ответов. В 2005 г. три противоречия выбирали 71,9% респондентов, в 2015 г. — 61,7%, в 2023 г. — 62,5%. При этом мотивация таких выборов была очень сложной и неоднозначной и включала как объективные, так и субъективные факторы, что обуславливало довольно причудливую локализацию соответствующих взглядов [11].

Оценки российского общества как такого, в котором острые противоречия отсутствуют, также имеют довольно четкую специфику локализации. Подробно специфика группы не видящих в современном российском обществе противоречий была охарактеризована в работе [11], поэтому здесь отметим лишь следующее.

Во-первых, чаще всего их традиционно можно встретить среди субъективно экономически благополучных на общем фоне групп. Так, в 2015 г. 18,5% граждан, которые оценивали свое материальное положение как хорошее, не видели в российском обществе никаких острых противоречий. В 2023 г. этот показатель остался примерно на том же уровне — 19,3%. Тем не менее даже в этих относительно благополучных в экономическом плане группах доля считающих, что в России нет острых межгрупповых противоречий, всегда составляла менее четверти. В то же время экономическое неблагополучие очень заметно понижает вероятность ответа об отсутствии в российском обществе острых противоречий. Не случайно среди субъективно неблагополучных в финансовом плане людей в 2015 г. только 6,1% считали,

что в обществе нет никаких острых противоречий. В 2023 г. их стало больше (10,7%), но и этот показатель был более чем в 1,5 раза меньше, чем по массиву в целом.

Во-вторых, отношение к наличию в российском обществе острых противоречий сильно различается и в территориально-поселенческом разрезе. Традиционно значительно реже остальных не видели раньше острых противоречий в российском обществе москвичи и петербуржцы, которые вообще весь период наблюдений сильно выделяются на общем фоне своим видением противоречий российского социума (подробнее см.: [6, с. 14]). В 2005 г. таковых было среди них 3,7%, в 2015 г. — 5,8%. Противоположна была ситуация в селах, где острых противоречий не видели в 2005 г. 14,3%, а в 2015 г. — 4,7%. Однако в 2023 г. ситуация изменилась. Теперь реже всех стали говорить об отсутствии противоречий жители областных центров (12,4%), а жители районных центров вышли в этом отношении в лидеры (21,4%), что свидетельствует о существенном изменении обстановки во всех типах населенных пунктов.

Интересно, что отношение к вопросу о наличии в российском обществе острых противоречий связано с общим психологическим настроем человека. Так, среди живущих с доминированием позитивных чувств в их повседневном настрое более 20% россиян (при 14,4% у живущих с доминированием негативного психологического фона) были убеждены в июне 2023 г. в отсутствии острых противоречий между любыми группами российского социума.

СВО на Украине — как главное событие для России за последнее время — также не могла не повлиять на отношение россиян к этому вопросу. Люди, для которых она принесла только положительные изменения в жизни, не видели противоречий значительно чаще тех, для кого СВО повлекла за собой только негативные последствия: 21,6% против 12,1% соответственно. При этом россияне, которые считали, что СВО никак не повлияла на их жизнь, не видели противоречий еще чаще — в 24,4% случаев.

Немаловажным фактором, влияющим на восприятие противоречий современного российского общества, является и доверие Президенту РФ. 20,1% доверяющих ему не видели летом 2023 г. в российском социуме острых противоречий, в то время как у не доверяющих ему этот показатель был значительно ниже — 8,0%. Важно подчеркнуть, что ранее доверие Президенту РФ никак не влияло на видение противоречий.

Однако сильнее всего восприятие противоречий россиянами зависело в 2023 г. от их отношения к таким социальным группам, как государственные служащие и олигархи. 23,2% россиян, считающих, что государственные служащие способствуют развитию России, не видели в социуме никаких острых противоречий, а среди тех, кто считал го-

сударственных служащих помехой для него, этот показатель составил всего 8,8%. Однако эта разница более всего ощутима при анализе отношения к олигархам. Россияне, по мнению которых олигархи способствуют развитию страны, не видят противоречий в социуме в 3,5 раза чаще, чем граждане с противоположным отношением к ним (33,1% против 9,3% соответственно). Положительное отношение к олигархам является самым сильным фактором влияния на убежденность в отсутствии противоречий в российском обществе.

Чтобы понять, в какой сфере отношений российского общества имеет место наивысшая напряженность, целесообразно вспомнить приведенное в начале данной статьи деление противоречий по их типу на экономические, политико-административные, социокультурные и идеологические. При этом, как и в случае с общим видением россиянами остроты разных противоречий, важно выделить факторы, влияющие на распространенность выборов тех или иных типов противоречий. Список этих факторов в ходе нашего анализа был весьма обширен и включал возраст, образование, тип поселения, место жительства, социально-профессиональный статус, финансовое благополучие, отношение к СВО, ряд особенностей мировоззрения, включая уровень доверия различным социальным институтам, оценки как препятствующих или способствующих развитию России различных социальных групп, а также другие показатели.

В группу *экономических противоречий* мы включили противоречия между богатыми и бедными, олигархами и остальным обществом, собственниками предприятий и наемными работниками, а также между Москвой и провинцией. Противоречия между богатыми и бедными, а также между Москвой и провинцией имеют общую — и при этом стабильную — тенденцию к смягчению (рис. 2). При этом противоречие между богатыми и бедными является собирательным образом всех противоречий экономической группы, поэтому спад его значимости свидетельствует об улучшении ситуации с восприятием экономических неравенств в стране за счет привыкания к ним. Что же касается противоречия между Москвой и провинцией, то оно является «проекцией» противоречия между богатыми и бедными, то есть воспринимается как противоречие между «богатой» Москвой и «бедной» провинцией⁴.

Социальные группы, которые особенно остро воспринимали экономические противоречия, с 2005 по 2023 г. изменились. В 2005 г. это было прежде всего не занятое в экономике население, большинство которого составляли неработающие пенсионеры. Однако уже

⁴ Это противоречие волнует чаще жителей провинции. Так, в 2015 г. его назвали лишь 6,5% жителей Москвы и Санкт-Петербурга при средних 13,2%. В 2023 г. эта тенденция сохранилась — 4,8% его выбора у жителей двух столиц при 8,8% по россиянам в целом.

к 2015 г., возможно, из-за улучшения ситуации с пенсиями за это время, оно заметно потеряло интерес к этому противоречию (36,9% в 2015 г. против 63,6% в 2005 г.). Выделялись 18 лет назад на общем фоне и жители сел: 64,6% из них выбирали это противоречие в 2005 г., но к 2015 г. этот показатель также снизился практически вдвое — до 34,8%. К 2023 г. сельские жители за счет улучшения своего положения за последнее десятилетие, как и неработающие пенсионеры, перестали выделяться на общем уровне. Категория людей, для которых это противоречие было и осталось актуальным, — люди с плохой самооценкой своего материального положения. Но, и по их мнению, острота этого противоречия заметно снизилась к 2023 г.: если в 2005 г. они выбирали противоречие между богатыми и бедными в 59,0% случаев, то в 2023 г. — лишь в 36,9%.

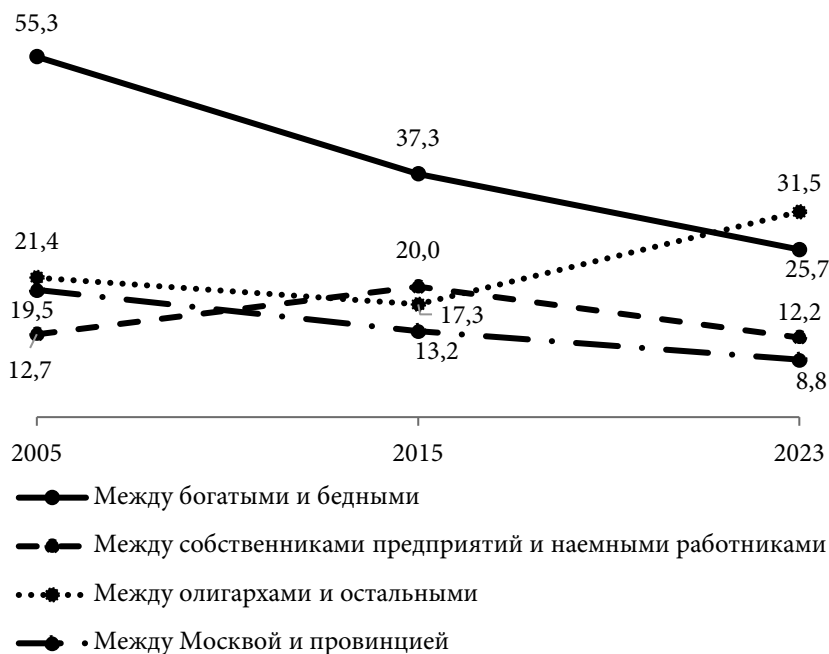

Рис. 2. Динамика выбора противоречий экономического характера в числе наиболее острых для российского общества, 2005, 2015, 2023 гг., % от числа опрошенных

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

Неоднородную картину в восприятии этих противоречий можно увидеть и среди людей, по-разному относящихся к роли различных социальных групп в развитии России. На восприятие противоречия

между Москвой и провинцией влияли прежде всего оценки роли в нем предпринимателей: считающие, что они препятствуют этому развитию, выбирали это противоречие в 3 раза чаще, чем считающие, что они ему способствуют (22,3% и 7,4% соответственно). Та же зависимость прослеживается и с оценками в отношении государственных служащих: скептически настроенные по поводу вклада в развитие России этой социальной группы выбирали противоречие между Москвой и провинцией в 18,0% случаев, а позитивно настроенные — в 6,8%. Если же говорить о противоречии между богатыми и бедными, то его восприятие достаточно универсально.

Противоречие между собственниками предприятий и наемными работниками сохранило в последние 18 лет свою значимость. При этом стоит обратить внимание на обострение этого противоречия в 2015 г., когда его выбирал каждый пятый респондент. Подобный результат свидетельствует о попытках собственников предприятий выбраться из кризиса 2014—2016 гг. за счет своих работников. В зоне наибольшего риска оказались тогда рабочие (25,7% их обозначили это противоречие как острое), люди без профессионального образования (27,3%) и работники частных предприятий (28,0%). Однако к 2023 г. его значение вернулось к изначальным показателям, хотя экономическое давление западных санкций на Россию в ходе СВО на Украине даже сильнее, чем после воссоединения Крыма с Россией.

Противоречие между олигархами и остальным обществом, которое стало самым выбираемым среди противоречий экономической группы в 2023 г., считал острым в июне этого года каждый третий россиянин. Люди, по мнению которых олигархи только мешают развитию страны, выбрали это противоречие в 40,4% случаев, а позитивно оценивающие их вклад в это развитие — лишь в 18,6% случаев, при этом объективные факторы дифференциации отношения к ним отсутствовали.

В *группу политико-административных противоречий* входят три противоречия: между властью и народом, между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, и между различными властными группировками. Два из них стали восприниматься населением к 2023 г. спокойнее (рис. 3). Однако доля оценивающих как острое противоречие между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, стабильно держится на уровне 17–19%. При этом все три данных противоречия заметно потеряли в значимости между 2015 и 2023 гг., что связано, видимо, с актуализацией других противоречий.

Рассмотрение противоречий политико-административного характера начнем с главного противоречия этой группы — между властью и народом. Наблюдается сильное падение — более чем в 1,5 раза — значимости этого противоречия для населения между 2005 и 2023 гг. В 2005 г. острее других воспринимали это противоречие только жители двух столиц (42,6%) и плохо оценивающие свое материальное положе-

ние (41,3%, для сравнения: 27,6% у людей с хорошими оценками его). В 2015 г. на общем фоне выделялись только не доверяющие Президенту РФ (42,1%), граждане, для которых присоединение Крыма к России имело лишь негативные последствия (40,4%), и люди с плохими оценками своего положения (37,0%). В 2023 г., несмотря на общий сильный спад актуальности этого противоречия, локализация его восприятия как острого была похожа: по-прежнему особое значение противоречие между властью и народом имело для не доверяющих Президенту РФ (41,1%), людей с плохими оценками своего материального положения (29,5%) и для тех, кто видел от СВО только негативные последствия (29,3%).

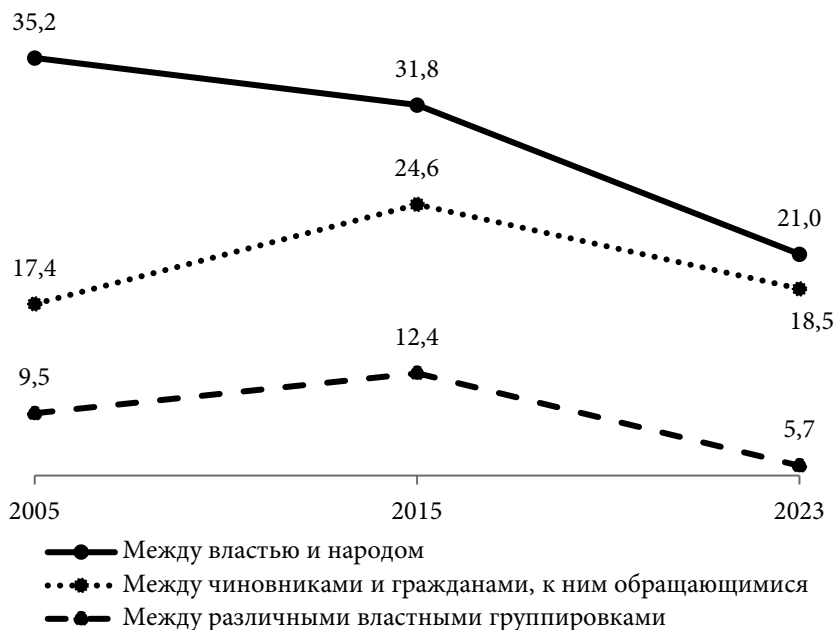

Рис. 3. Динамика выбора политико-административных противоречий в числе наиболее острых для российского общества, 2005, 2015, 2023 гг., % от числа опрошенных

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

Восприятие противоречия между властью и народом как острого связано также с отношением россиян к государственным служащим. Его оценивали как одно из наиболее острых лишь 15,5% считающих, что чиновники способствуют развитию России, при 32,8% негативно оценивающих их роль в развитии страны. Большое значение для анализа этого противоречия имеет и отношение к внешнеполитическому курсу страны. Россияне, считающие, что политика страны должна быть ориентирована на собственный путь развития и союз

с ближайшими соседями, называли летом 2023 г. противоречие между властью и народом в числе наиболее острых только в 18,7% случаев. Сторонники же прозападной политики выбирали это противоречие заметно чаще (32,2%). Отдельно обратим внимание на не доверяющих Президенту РФ: эта группа граждан выбирала противоречие между властью и народом в 41,1% случаев при средних 21,0% по стране в целом. Для сравнения: россияне, доверяющие Президенту РФ, выбирали это противоречие лишь в 15,5% случаев. Связь остроты этого политико-административного противоречия с доверием Президенту РФ и Государственной Думе понятна: в ухудшении своих жизненных условий власть винят противники СВО, за низкий уровень материального положения ответственность на власть возлагают малообеспеченные граждане.

Второе противоречие политико-административной группы — между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися. Единственная социальная группа, для которой это противоречие всегда было актуально, — жители двух столиц. В 2005 и 2015 гг. каждый четвертый среди них называл это противоречие в числе трех наиболее острых, а в 2023 г. — уже каждый третий (32,9% при 18,5% по россиянам в среднем). Эти данные наглядно показывают, что москвичи и петербуржцы уже давно недовольны работой чиновников своих городов, и, несмотря на усилия региональных властей, это недовольство не ослабевает.

Противоречие между различными властными группировками отличается по своей сути от двух других противоречий политико-административной группы, так как оно не предполагает участия в качестве одной из его сторон массовых слоев населения. Возможно, поэтому оно никогда не было в числе наиболее упоминаемых среди россиян. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода не было каких-либо социальных групп, воспринимающих это противоречие существенно острее остальных.

Третья группа — *социокультурные противоречия*. В нее входят противоречия между русскими и нерусскими, православными и мусульманами, а также между местными и приезжими (рис. 4). Из этой группы только противоречие между русскими и нерусскими входило в список лидеров, и то лишь в 2005 г. (третье место с 28,0%). Однако его популярность упала в 3 раза за 18 лет. Относительно данного противоречия наибольший интерес представляют молодежь до 25 лет и жители двух столиц. В 2005 г. молодежь выбирала противоречие между русскими и нерусскими заметно чаще остальных социальных групп — в 41,0% случаев. Однако затем молодые люди резко потеряли к нему интерес. В 2015 г. они называли противоречие между русскими и нерусскими в числе наиболее острых уже лишь в 23,1% случаев, а к 2023 г. этот показатель и вовсе упал до 7,7%.

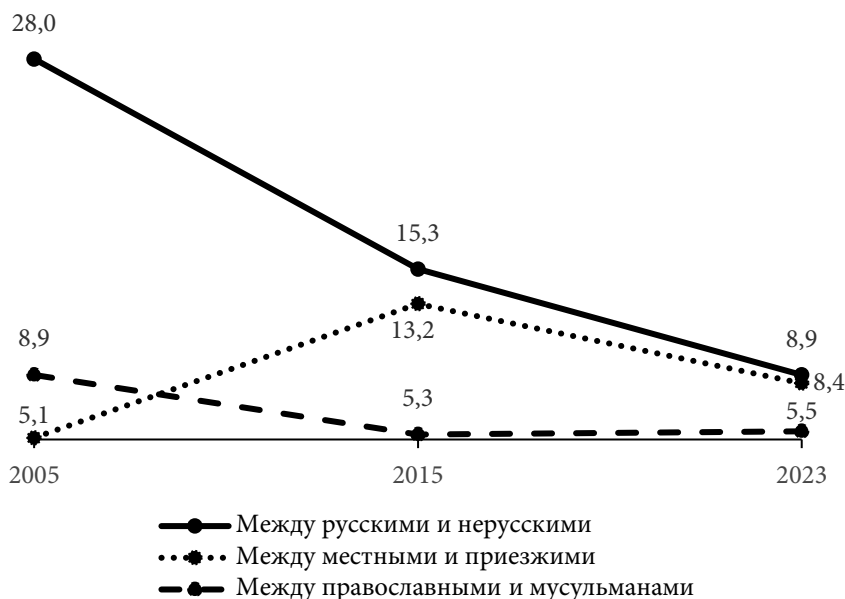

Рис. 4. Динамика выбора социокультурных противоречий в числе наиболее острых для российского общества, 2005, 2015, 2023 гг., % от числа опрошенных

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

Похожую картину показали москвичи и петербуржцы. В 2005 г. 37,7% из них выбирали противоречие между русскими и нерусскими, но к 2015 г. интерес к нему упал почти в 3 раза (до 13,0%), и это самое быстрое падение значимости данного противоречия среди всех групп населения. В 2023 г. жители двух столиц выбирали противоречие между русскими и нерусскими уже только в 11,9% случаев, хотя это больше, чем во многих других группах. Повышенный интерес москвичей и особенно петербуржцев к этому противоречию может объясняться активной миграцией в столицы как представителей других народов России, так и иностранцев из постсоветского пространства. Как следствие, ощущается реальность угрозы для сохранения культуры и образа жизни традиционно доминирующего в столицах русского этноса.

Противоречие между православными и мусульманами всегда одно из наименее выбираемых среди россиян, его никогда не отмечали как острое чаще, чем в 9% случаев. При этом данное противоречие последние 8 лет держит стабильно низкий уровень популярности: 5–5,5%. Внутри различных социальных групп не просматривается каких-либо заметных особенностей отношения к нему на общем фоне.

Противоречие между местными и приезжими показало в сравнении с противоречием между русскими и нерусскими в 2005–2015 гг. иную динамику. Наиболее примечательными группами в отношении к противоречию между местными и приезжими вновь, как и в случае с противоречием между русскими и нерусскими, оказались молодежь до 25 лет и жители столичных мегаполисов. При этом если молодежь до 25 лет показала в 2015 г. по сравнению с 2005 г. сильный рост интереса к этому противоречию (с 4,8% до 20,5%), однако затем резко потеряла к нему интерес и доля выбора его упала до значений 2005 г., то жители двух столиц и в 2005 г., и в 2015 г. выбирали это противоречие заметно чаще остальных, а пик его выбора пришелся на 2015 г. (21,1%). Это говорит о том, что для жителей столиц, как и для молодежи, отношение к данному противоречию связано не только с социокультурными, но и с экономическими факторами, ведь 2015 г. был самым тяжелым в ходе экономического кризиса 2014–2016 гг. В 2023 г. чаще остальных среди жителей разных типов поселений выбирали противоречие между местными и приезжими жители областных центров (11,3%), что свидетельствует о перераспределении миграционных потоков между крупнейшими городами России.

Последняя группа противоречий — *противоречия идеологического характера*. В нее вошли противоречия между сторонниками и противниками демократии, между людьми разных политических убеждений, между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития, а также противоречие между сторонниками и противниками политики в отношении Украины (рис. 5). Острее всего воспринимали последнее противоречие те, по мнению которых политика России должна быть ориентирована на развитие собственной российской государственности, союз с ближайшими соседями, а не направлена на союз с ведущими странами Запада, прежде всего с европейскими (42,8%), россияне с высшим образованием (41,6%) и жители двух столиц (41,3%). При этом мы не обнаружили какой-либо взаимосвязи этого противоречия и оценок населением социальных групп, препятствующих или способствующих развитию страны, то есть для россиян оно «бессубъектно» и не имеет формальной групповой локализации. Зато восприятие его было тесно связано с отношением к противоречию между людьми разных политических убеждений, которое впервые преодолело в 2023 г. отметку в 10%. Большинство (55,0%) тех, кто включал его в тройку наиболее острых противоречий российского общества, включали в нее и противоречие между сторонниками и противниками политики в отношении Украины. Поэтому, скорее всего, говоря о политических убеждениях, они обычно имели в виду именно разное отношение к СВО.

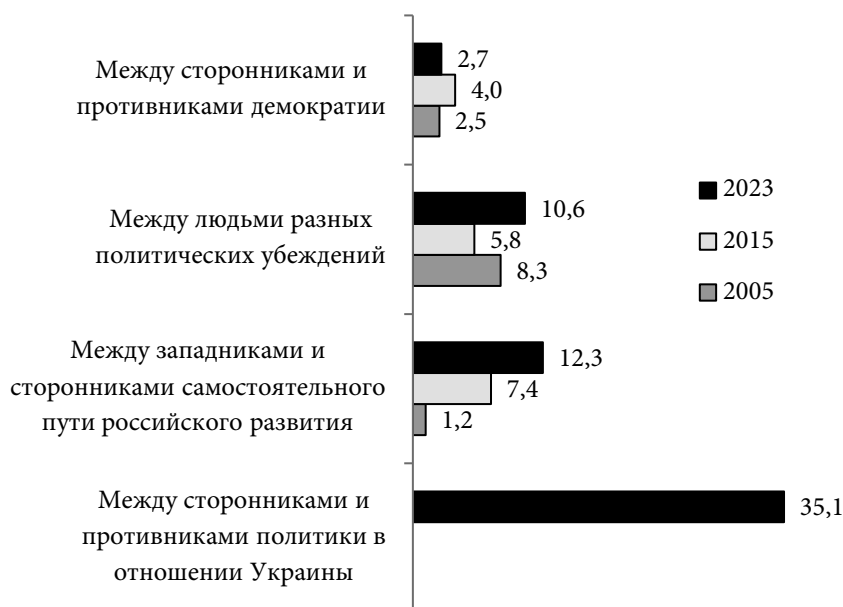

Рис. 5. Динамика выбора идеологических противоречий в числе наиболее острых для российского общества, 2005, 2015, 2023 гг., % от числа опрошенных

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

У тех, кто остро воспринимает противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины, такая же связь прослеживается и с восприятием противоречия между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития, которое уже 18 лет стабильно набирает популярность на фоне усиливающейся конфронтации с западными странами (события в Грузии в 2008 г., воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., СВО на Украине в 2022–2023 гг.). Большинство (52,2%) считающих это противоречие острым называют в числе трех наиболее острых противоречий российского социума и противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины, то есть речь идет в данном случае о последовательно оппозиционных взглядах части россиян, хотя и очень небольшой по численности (около 5% представителей массовых слоев).

Последнее противоречие идеологического характера — между сторонниками и противниками демократии. Несмотря на общую возросшую остроту противоречий идеологического характера в восприятии россиян, противоречие между сторонниками и противниками

демократии по-прежнему остается одним из наименее значимых, а отношение к нему примерно одинаково у самых разных слоев населения.

Рассмотрим сравнительную динамику отдельных групп противоречий. Это позволит понять, в какой сфере отношений в российском обществе наблюдается наибольшая социальная напряженность и как она перетекает из одной сферы в другую. На рисунке 6 показана динамика остроты восприятия населением всех групп противоречий (то есть сколько респондентов (в %) выбирали хотя бы одно противоречие из каждой их группы в 2005–2023 гг.).

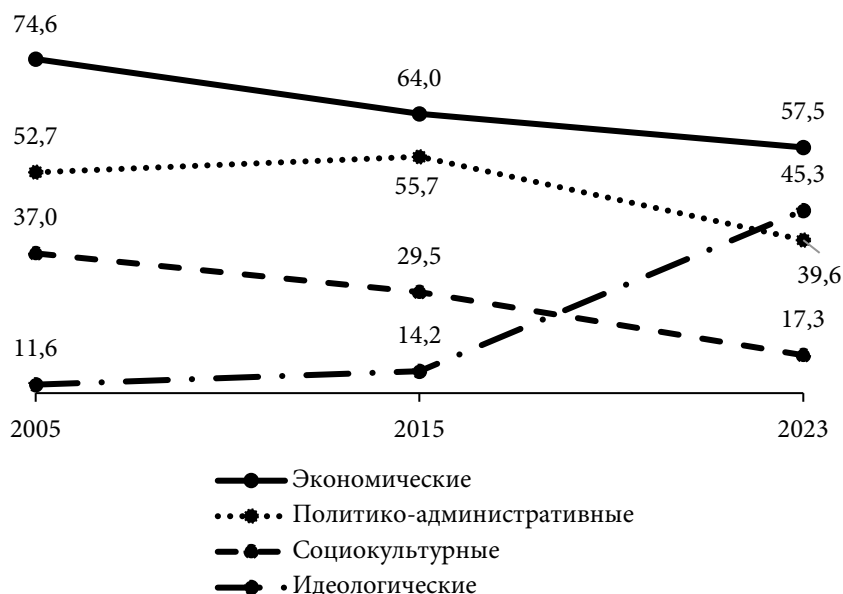

Рис. 6. Динамика выбора хотя бы одного противоречия из четырех рассматриваемых групп, 2005, 2015, 2023 гг., % от числа опрошенных

Источник: Рассчитано по данным мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за соответствующие годы.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на напряженные политические условия последних лет, самыми значимыми во всех трех исследуемых временных точках оказались противоречия экономического характера. Несмотря на то что наблюдался постоянный спад популярности противоречий этой группы (рис. 6), и в 2023 г. экономический блок противоречий воспринимался острее всего — более половины респондентов выбрали хотя бы одно экономическое противоречие.

Второй по остроте восприятия в 2023 г. стала идеологическая группа противоречий, которая до этого была наименее значимой. Это объясняется неоднозначными оценками СВО в обществе, а так-

же острыми дискуссиями об отношениях с Западом. В итоге именно противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины вышло в лидеры в 2023 г., а противоречие между западниками и сторонниками самостоятельного российского пути развития стало упоминаться представителями массовых слоев населения заметно чаще.

Далее идет политико-административная группа противоречий, которая ранее была более значима. Спад остроты в восприятии этих противоречий обществом к 2023 г. можно объяснить консолидацией под влиянием внешней угрозы со стороны Запада и, как следствие, большим одобрением политического курса, проводимого властью. Тем не менее 4 из 10 опрошенных и в 2023 г. выбирали хотя бы одно противоречие из этой группы.

Социокультурные же противоречия являются сейчас наименее значимыми с частотой их выбора менее 20%. Это значение уменьшилось более чем вдвое за последние 18 лет, что свидетельствует о консолидации общества по этническим и культурным основаниям перед лицом внешней угрозы.

Заключение

Самыми острыми для россиян на протяжении ряда лет выступали противоречия между богатыми и бедными, между властью и народом, между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися. Это означает, что глобальные противоречия, описанные зарубежными исследователями (М. Кастельс, И. Валлерстайн и др.) и отражающие противостояние разных акторов в процессе глобализации, длительное время не находили отклика как действительно значимые в сознании массовых слоев населения страны.

СВО на Украине серьезно повлияла на общественное сознание, в результате чего самым выбираемым противоречием в 2023 г. оказалось уже противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины, а значимость всех противоречий идеологического характера заметно возросла. В то же время даже обострение идеологических противоречий не изменило того ключевого факта, что самыми значимыми для россиян и в экстремальных условиях проведения СВО на Украине являются противоречия, имеющие экономические основания. Именно этот вывод, следующий из анализа данных за последние 18 лет, вместивших кризисы самой разной природы (внутриполитические, экономические, геополитические, идеологические и даже пандемию), представляется наиболее важным результатом проведенного исследования. Несмотря на четко выявленное при анализе динамических рядов за длительный период постепенное перераспределение внимания россиян между разными видами противоречий российского общества, именно экономические

всегда сохраняют приоритетную значимость. При этом основным изменением в данной области выступает лишь фокусировка внимания при оценке сравнительной значимости этих противоречий либо на противостоянии богатейших людей страны и остального общества, либо на противостоянии богатых и бедных.

Главными основаниями дифференциации населения в его отношении к различным противоречиям стали в 2023 г., как обычно, субъективное материальное благополучие (чем оно заметнее, тем слабее и ощущение межгрупповой напряженности) и, что уникально для 2023 г., отношение к различным социальным институтам, в первую очередь к Президенту РФ и Государственной Думе.

Если же говорить о степени межгрупповой напряженности в российском обществе, то она остается по-прежнему высокой, несмотря на ее некоторый спад в последнее десятилетие. Более 80% россиян и в 2023 г. видели в российском обществе острые противоречия, а более 60% называли три острых противоречия из трех возможных. Однако при этом в российском обществе активно идут и процессы консолидации массовых слоев населения. В частности, успешно преодолеваются этнические, территориальные и культурные разломы: противоречие между русскими и нерусскими с 2005 г. стало ощущаться населением более чем в 3 раза реже, а группа противоречий социокультурного характера в 2023 г. впервые стала наименее значимой. Подобная консолидация является ответом на растущую внешнюю опасность, с которой Россия столкнулась в последние годы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудин Илья Васильевич — лаборант-исследователь, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (985) 096-07-07. Электронная почта: dudiniv99@mail.ru

Research Article

IL'YA V. DUDIN¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE NATION'S ATTITUDE TOWARDS THE MAIN SOCIAL CONTRADICTIONS IN RUSSIAN SOCIETY: CURRENT STATE, DYNAMICS, FACTORS

Abstract. The special military operation on the territory of Ukraine has become the main catalyst for certain significant changes now occurring in the public mind. Tensions between Russia and Western powers have reached their highest point in the country's modern history. Given the circumstances, what contradictions do the Russian people consider to be the most pressing and fundamental? Have their overall views changed compared to previous years? What factors primarily influence how the contradictions within Russian society are perceived? In order to answer these questions, the article presents an analysis of changes in the attitude of Russian people towards contradictions of various nature, based

on data from nationwide surveys conducted by IS FCTAS RAS in 2005, 2015 and 2023. Groups of contradictions were analyzed that differ in terms of the dynamics of popular attitudes towards them for the time period in question. It is shown that in 2005–2015 Russian people were most upset on account of economic contradictions. However by 2023 ideological contradictions came to the forefront, which in no small part contributed to the emergence of a new contradiction that can be considered the most crucial one of that particular year, referring to the divide between supporters and opponents of Russia's policy towards Ukraine. Residents of Moscow and St. Petersburg more often than not would take a very particular stance in regards to contradictions within Russian society from 2005 to 2015, as well as young people under the age of 25 and citizens who considered their financial situation to be subpar. In the summer of 2023, financial status of citizens in their subjective understanding still had a serious impact on how the severity of the key contradictions in Russian society was perceived. However, we can now add worldview factors to the list of important determinants influencing attitudes towards them, such as: specific political views, attitudes towards the main power structures, primarily towards the President and the State Duma.

Keywords: social contradictions; intergroup conflicts; social tensions; mass consciousness; consolidation.

For citation: Dudin, I.V. The nation's Attitude towards the Main Social Contradictions in Russian Society: current State, Dynamics, Factors. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 90–112. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.5

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il'ya V. Dudin — Senior Laboratory Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Phone: +7 (985) 096-07-07. **Email:** dudiniv99@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 EDN: MVXGNI
 Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyk E.D. Russians' Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)
2. *Аникин В.А.* Глава 14. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под общ. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2016. С. 313–333.
 Anikin V. A. Chapter 14. The Interests of the Person, State, and Society in the Mass Perception of the Population. *Russian Society and the Challenges of Time. Book Three*. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir publ., 2016. P. 313–333. (In Russ.)
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну: Монография / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 381, [2] с. EDN: RAYTKJ

- Beck U. Risikogesellschaft = Risk society. [Russ. ed.: *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu: Monografiya*. Transl. from Germ. by V. Sedel'nik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradition publ., 2000. 381, [2] p.]
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Изд. дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2006. — 248 с. EDN: QOGBGV
Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. [Russ. ed.: *Mirosistemnyi analiz: Vvedenie*. Transl. by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchego publ., 2006. 248 p.]
5. Дудин И.В. Динамика восприятия социальных противоречий населением России (2005—2021 гг.) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 4. С. 128—146. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.8 EDN: NJQHWJ
Dudin I.V. Dynamics of the perception of social contradictions by the population of Russia (2005—2021). *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2023. Vol. 12. No. 4. P. 128—146. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.8
6. Дудин И.В. Представления населения страны об основных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 2. С. 1—17. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8 EDN: NGKOMG
Dudin I.V. People's Perceptions of the Main Contradictions in Russian Society. *Sotsial'noe prostranstvo*. 2023. Vol. 9. No. 2. P. 1—17. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8 (In Russ.)
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / [Пер. с англ. М. Коробочкина.] М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. EDN: QOMHTL
Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. [Russ. ed.: *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow: Novoe Izdatel'stvo publ., 2011. 464 p.]
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. [Russ. ed.: *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Transl. from Eng.; ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VShE publ., 2000. 608 p.]
9. Кургиян С.Е. Качели. Конфликт элит или развал России? М.: ЭТЦ, 2008. — 772 с.
Kurginyan S.Y. *Kacheli. Konflikt elit ili razval Rossii?* [Swings. Conflict of the Elites or the Collapse of Russia?] Moscow: ETC publ., 2008. 772 p. (In Russ.)
10. Миллер А.И., Лукьянов Ф.А. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. Т. 14. № 6. 2016. С. 8—29. EDN: XAELAL

- Miller A.I., Loukianov F.A. Detachment instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency. *Rossiia v global'noi politike*. 2016. Vol. 14. No. 6. P. 8–29. (In Russ.)
11. Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 6–24. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1 EDN: HGVOFG
Tikhonova N.E., Dudin I.V. The main contradictions of the russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 6–24. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1 (In Russ.)
 12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 603 с. EDN: TUPBER
Huntington S. The Clash of Civilizations. [Russ. ed.: *Stolknovenie tsivilizatsii*. Transl. from Eng. by T. Velimeev, Y. Novikov. Moscow: AST publ., 2003. 603 p.]
 13. Dal Bó E., Dal Bó P. *Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper*. No. 2004-11. Providence, RI: Brown University, Department of Economics, 2004. 31 p. DOI: 10.2139/ssrn.594562
 14. De Dreu C.K.W. Social conflict: The emergence and consequences of struggle and negotiation. *Handbook of social psychology*. Ed. by S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey. 5th ed. Hoboken, NJ: Wiley, 2010. P. 983–1023. Accessed 22.12.2023. DOI: 10.1002/9780470561119.socpsy002027
 15. Wiewiorka M. Social conflict. *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. P. 696–713. DOI: 10.1177/0011392113499487

Статья поступила в редакцию: 10.09.2023; поступила после рецензирования и доработки: 23.12.2023; принята к публикации: 11.03.2024.

Received: 10.09.2023; revised after review: 23.12.2023; accepted for publication: 11.03.2024.

А.И. НЕФЕДОВА¹, Е.Л. ДЬЯЧЕНКО^{2,3}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11, каб. 434.

² Европейский университет в Санкт-Петербурге.

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А, каб. 35.

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

ЭФФЕКТЫ УЧАСТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ¹

Аннотация. С момента распада Советского Союза и открытия границ было принято много мер по интернационализации российской науки. В частности, усилилось внимание к публикациям в журналах, индексируемых в международных базах научного цитирования, вузы и научные организации стали приглашать иностранных профессоров, а также отправлять своих сотрудников и студентов на зарубежные стажировки. После начала специальной военной операции на Украине (СВО) в 2022 г. российская наука столкнулась с множеством внешних ограничений, которые были связаны с сокращением международного сотрудничества. Вместе с тем у российских ученых накопился 30-летний опыт активного участия в международной кооперации и академической мобильности, однако до сих пор наблюдается существенная нехватка понимания того, какое влияние оказал этот опыт на дальнейшую научную деятельность российских ученых. Авторы статьи представляют результаты исследования, посвященного изучению этого вопроса. Теоретической рамкой анализа выступала концепция «трех карьер ученого» (организационной, когнитивной и карьеры в сообществе), предложенная немецкими социологами науки Йоханом Глейзером и Грит Лаудель. В качестве эмпирических данных были использованы материалы глубинных интервью с молодыми учеными в возрасте до 39 лет, собранные в 2020–2021 гг. в рамках проекта «Международная мобильность российских молодых исследователей: масштабы и эффекты для научной карьеры», а также результаты социологического опроса 7255 высокопродуктивных ученых, проведенного в рамках «Мониторинга экономики образования» в 2022 г. Все опрошенные находились за рубежом более трех месяцев. Выявлено, что международная мобильность оказывает комплексное влияние, заметное во всех трех компонентах научной карьеры. Приобретенные знания и умения, вовлечение в международные проекты обеспечивают развитие «когнитивной карьеры» исследователя, а новые профессиональные

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

связи способствуют продвижению в международном научном сообществе. Что касается «организационного измерения» карьеры, влияние мобильности прямо не сказывается на карьерном росте внутри организации. Однако мобильность нередко способствует личностным изменениям, в частности, влияющим на решимость менять работу, искать наилучшие условия. Подобные оценки представляются впервые и могут быть полезны при разработке рекомендаций по пересмотру поддержки программ мобильности с учетом изменившейся геополитической ситуации.

Ключевые слова: российские ученые; молодые ученые; эффекты мобильности; академическая мобильность; международная мобильность; научная карьера.

Для цитирования: Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л. Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 113–142. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6 EDN: HEKVER

Введение

За последние 30 лет в российской науке произошло много радикальных преобразований и трансформаций, одно из самых заметных было связано со степенью ее интегрированности в международную науку. До распада Советского Союза контакты с зарубежными учеными осуществлялись эпизодически, советская наука развивалась практически полностью автономно от всего остального мира [38]. После открытия границ в 1990-х гг. наблюдался массовый отток научных кадров из страны, вызванный неудовлетворительными условиями работы в науке в тот период. Из-за очевидных негативных последствий для кадрового потенциала страны отношение к международной мобильности было весьма настороженным [15; 12; 59]. В этот же период в науку пришло зарубежное финансирование в виде специальных грантов и фондов, прежде всего из США, Великобритании, Германии, Франции и Японии, благодаря которым существенно возросли интенсивность научной мобильности и участие российских ученых в зарубежных стажировках. Это способствовало появлению новой научной элиты и развитию исследовательских компетенций у российских ученых, принявших участие в подобных программах [22; 24; 26; 21]. Были запущены массовые академические обмены с Германией в рамках программы DAAD, а также при поддержке Фонда им. Гумбольдта [24].

В 2010-е гг. наступили «разворот и потепление» в сторону интернационализации российской науки и высшего образования. Были приняты ряд мер по повышению привлекательности работы в России для зарубежных ученых и представителей российской диаспоры [4; 6]. В 2013 г. была запущена государственная программы «Проект 5-100», в рамках которой принимались специальные меры по повышению глобальной конкурентоспособности университетов, а доля иностранных НПП, студентов и аспирантов в общей численности работников и обу-

чающихся в вузе стала одним из ключевых показателей эффективности университетов-участников [9; 10; 55; 16]. В этот же год была запущена программа «Глобальное образование», в рамках которой осуществлялось софинансирование обучения студентов в ведущих зарубежных вузах с дальнейшим трудоустройством в России. Пять лет спустя — в 2018 г. — в рамках национального проекта «Наука» стимулирование международной мобильности НПР было обозначено в качестве одной из ключевых целей. В 2019 г. была запущена государственная программа по созданию и развитию научных центров мирового уровня (НЦМУ)².

В результате реализации запущенных программ к началу 2020-х гг. в России был пройден достаточно большой путь интеграции отечественных научно-преподавательских кадров в глобальную науку: в 2019 г. почти каждый пятый (17,2%) российский ученый — обладатель ученой степени имел опыт долгосрочной международной мобильности за период 2009–2019 гг. [23]. Вместе с тем было выявлено, что российские НПР вовлечены в международную мобильность крайне неравномерно: доля выезжающих была выше среди сотрудников и аспирантов научных организаций по сравнению с НПР вузов; среди преподавателей ведущих вузов по сравнению с преподавателями других вузов; среди занятых и обучающихся в Москве и Санкт-Петербурге по сравнению с другими регионами; среди высокопродуктивных ученых со степенью по сравнению с не имеющими ученую степень; среди ученых в естественных и гуманитарных науках по сравнению с учеными в других областях науки [14; 3].

В 2020–2021 гг. интенсивность международных обменов заметно снизилась из-за пандемии COVID-19. В 2022 г. была начата СВО на Украине, которая также резко повлияла на состояние российской науки: многие европейские и североамериканские организации приостановили институциональное сотрудничество с российскими научными организациями и вузами, в целом сократились возможности участия в международных конференциях, ухудшился доступ к мировым базам данных научно-технической информации [8]. Из-за наложенных санкций произошел разрыв кооперации с недружественными странами, которые являлись основными партнерами в сфере науки и технологий, и начался разворот научно-технического сотрудничества в сторону Востока [7].

Обзор предыдущих исследований

Что дает международная мобильность ученым: глобальная перспектива

Мобильность ученых — один из важнейших механизмов повышения квалификации научных кадров и установления новых партнерских связей между коллективами, организациями, странами. Мировая наука в целом выигрывает от международной мобильности научных кадров, так как все более широкий круг ученых получают возможность вести

² Портал научных центров мирового уровня. — URL: <https://нцму.рф> (дата обращения 25.05.2023).

исследования по близкой для себя теме в наиболее релевантных условиях, приобщаясь при этом к ведущим научным школам и передовым исследовательским проектам. Однако на национальном и региональном уровнях миграция научных кадров может не только выступать драйвером исследовательской и инновационной активности, но и сдерживать развитие науки и разработку технологий в случае оттока квалифицированных специалистов в другие страны [53; 25; 58; 3]. Вопрос о том, как организовать международные обмены и кооперацию ученых, чтобы это вело к взаимовыгодному обмену знаниями, приобретает особую актуальность. Сегодня в мире существует множество программ по поддержке академической мобильности [30; 35].

Большинство эмпирических исследований показывают, что опыт международной мобильности положительно сказывается на дальнейшей деятельности ученого [36; 40]. В частности, расширяются связи с коллегами, появляется доступ к прежде недоступному исследовательскому оборудованию и информации, повышается квалификация исследователя и т. д. [56]. Наличие подобного опыта международной мобильности между тем не означает автоматического преимущества на протяжении всей карьеры — положительный эффект наблюдается в первую очередь на ее ранних ступенях [34]. В некоторых случаях «немобильная» карьера может даже быстрее привести к получению постоянной позиции, если в соответствующей академической среде ценятся не столько научные результаты, сколько уровень лояльности сотрудника к организации [28; 47].

Кроме того, короткие программы мобильности не позволяют мобильным ученым закрепиться в «принимающей» системе, а возвращение сопряжено с серьезными издержками, в том числе с необходимостью выстраивания заново утраченных во время мобильности социальных контактов, а также реадaptации [44]. Все это ведет к неустойчивому карьерному положению ученого, что делает вынужденный отказ от мобильности единственно верным решением во многих случаях [31]. Кроме того, в исследованиях все чаще стали обсуждаться вопросы неравенства, сопровождающего процесс мобильности: не все географические направления одинаково привлекательны [27]; существуют значительные различия в зависимости от области науки [46], от особенностей национальной системы в части отношения к инбридингу [42; 52], от параметров мобильности [48; 43], а также от социально-демографических характеристик участников [54; 57]. На основании этих результатов исследований можно выдвинуть предположение, что исключительно позитивные эффекты мобильности ощущают преимущественно «суперзвездные» исследователи, а остальная часть довольствуется крайне противоречивыми результатами³.

³ См. на примере исследователей из Ирландии: *Mobility or precarity? Constructions and uses of international mobility among long-term precarious academics in Ireland* // Centre for Global Higher Education (CGHE). — URL:

***Влияние приобретенного опыта
международной академической мобильности в России***

Несмотря на то что международные обмены с участием ученых из России осуществлялись более трех десятков лет, эмпирические исследования, посвященные изучению влияния полученного опыта академической мобильности как на индивидуальные профессиональные карьеры ученых, так и на развитие научного потенциала России в целом, весьма редки.

В частности, в 2005 г. в рамках исследования роли зарубежных фондов в формировании российской научной элиты был проведен опрос участников — стипендиатов Фонда им. А. Гумбольдта, в рамках которого респондентов спрашивали о том, какие возможности дала им стажировка для дальнейшей научной деятельности. Самыми популярными ответами стали следующие: контакты с зарубежными коллегами (75%), доступ к научной литературе и архивам (47%), общекультурные контакты и впечатления (36%), работа на хорошем научном оборудовании (34%) и возможность отложить немного денег от стипендии (33%) [22]. Вопреки возможному предположению, что участие в программе может способствовать формированию установки к переезду за рубеж навсегда, таковой взаимосвязи не обнаружилось [там же].

Согласно результатам проведенного в 2014 г. опроса 150 российских ученых, имевших опыт международной мобильности и сотрудничества, чаще всего среди эффектов респонденты отмечали: получение опыта и навыков, повышение профессиональной квалификации (40,9%), установление новых контактов с зарубежными коллегами (36,4%), получение доступа к новой научной литературе, базам данных и архивам (34,1%), совместные публикации (29,5%), а также доступ к современному научному оборудованию (22,7%) [26].

Согласно результатам опроса кандидатов и докторов наук, проведенного в 2019 г., молодые российские ученые, имевшие опыт длительной мобильности, по возвращении не получали прямых преимуществ с точки зрения карьерного роста, а иногда даже оказывались в проигрышном положении в организации по сравнению со своими немобильными коллегами [2], что частично объясняется закрытостью и замкнутостью российской академической среды [19; 20]. Вместе с тем в рамках проекта «Международная мобильность российских молодых исследователей: масштабы и эффекты для научной карьеры» с помощью библиометрических методов было обнаружено, что исследователи в возрасте до 39 лет после обучения, работы или стажировок за рубежом публикуются в журналах более высокого уровня, а также

больше цитируются со стороны мирового научного сообщества, чем их ровесники-коллеги из соответствующей области науки со схожим предыдущим образовательным путем [16; 48].

В статье «Программа мегагрантов: импульс международной мобильности или канал “утечки умов”?» [11] поднимался вопрос о том, способствует ли программа мегагрантов⁴, которая изначально нацелена на поддержку международной мобильности, оттоку российских кадров за границу. В результате анализа данных о местах работы ученых (аффилиаций), полученных из базы Web of Science, было выявлено, что лишь около 2% участников этой программы эмигрировали из страны, а абсолютное большинство совмещают работу в России и за рубежом, что способствует развитию кадрового потенциала страны.

Исследовательский вопрос и источники данных

Влияние опыта мобильности на дальнейшую профессиональную карьеру ученых довольно сложно измерить. Для решения подобных задач чаще всего применяются наукометрические методы, в которых используются количественные индикаторы, такие как количество опубликованных научных работ, число цитирований и проч. [45; 41]. Чуть менее активно применяют социологические опросы, где исследователей спрашивают о том, как опыт, приобретенный в ходе международной мобильности, сказался на их дальнейшей профессиональной деятельности (например, масштабный проект MORE⁴, реализованный Европейской комиссией в 2019–2020 гг.⁵). Реже всего применяются административные методы (сбор сведений с организаций), которые дают более полные и точные данные по сравнению с использованием информации резюме и с опросами, но вместе с тем они требуют большого объема финансирования [13].

Несмотря на то что вопросы эффектов международной мобильности для российских научных кадров уже частично поднимались в литературе, перечисленные выше исследования имеют несколько ограничений. Поле эмпирических исследований влияния международной мобильности на карьеру ученых во многом сформировано фактором доступности данных для анализа (прежде всего для количественного). В результате этого может возникнуть впечатление, что самый важный

⁴ См.: Портал программы «Мегагрантов» (Постановление 220). — URL: <https://megagrant.ru/> (дата обращения 23.05.2023). Программа учреждена Постановлением Правительства РФ № 220 от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры российской федерации».

⁵ См. текст итогового отчета по исследованию «MORE4 study»: URL: https://cdn5.euraxess.org/sites/default/files/policy_library/more4_final_report.pdf (дата обращения 17.01.2023).

вопрос о мобильности: получают ли мобильные ученые преимущество в публикационной активности и в расширении своей профессиональной сети соавторов?

В нашей работе сделан акцент на влиянии разнообразных эффектов мобильности на карьеру ученого. Продуктивной рамкой анализа представляется концепция профессиональной карьеры ученого, предложенная немецкими социологами Г. Лаудель и Й. Глейзером [39]. Согласно этой концепции, карьера исследователя может быть проанализирована сквозь призму трех взаимосвязанных измерений:

1) когнитивная карьера как последовательное развитие собственных исследовательских интересов, проектов, тематик работы и профессиональных компетенций;

2) организационная карьера как последовательность должностных позиций в организациях;

3) карьера в сообществе как последовательность ролей в надорганизационном и наднациональном «невидимом колледже» ученых, рост авторитета среди коллег.

Наиболее часто изучаемые эффекты мобильности — публикационная активность и международное соавторство — являются характеристиками карьеры в исследовательском сообществе. В данной работе рассмотрим более широкий круг эффектов и соотнесем их с тремя измерениями карьеры, в том числе и для того, чтобы определить проблемы в эмпирических исследованиях мобильности.

В работе описаны результаты двух этапов исследования, первый из которых основан на анализе материалов глубинных интервью, а второй представляет собой количественный анализ опроса ученых. В нашем случае это смешение методов применяется по модели кросс-валидации и взаимодополнения. В обоих случаях ученых спрашивали о том, что им дал для работы зарубежный опыт. На этапе анализа глубинных интервью были выделены разнообразные эффекты, отрефлексированные мобильными учеными. Данные же масштабного опроса позволили, во-первых, измерить масштабы этих эффектов на широкой выборочной совокупности и, во-вторых, проанализировать гетерогенные эффекты (мы искали разницу в полученных эффектах между группами ученых, выделенных по разным признакам). В статье попытаемся ответить на два исследовательских вопроса: 1) что дает участие в международной академической мобильности для российских ученых после возвращения в Россию? 2) Есть ли различия в полученных результатах в зависимости от области науки?

Глубинные интервью с участниками длительных программ международной мобильности

На данном этапе исследования были проанализированы материалы 39 глубинных интервью, собранных в рамках реализации проекта «Международная мобильность российских молодых ученых: масштабы и эффекты», выполненного при поддержке гранта Президента РФ в 2020–2021 гг. Для изучения были выбраны именно молодые ученые по-

тому, что первый этап карьеры является критически важным и во многом определяет всю последующую профессиональную жизнь [51]. В выборку вошли ученые, имеющие длительный (более трех месяцев) опыт работы, обучения или стажировки за рубежом, работающие в исследовательских организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени, Иркутска, Калининграда, Пушкино; представлены как общественные и гуманитарные, так и естественные науки. Также в выборке есть ученые, обладающие разным опытом мобильности (обучение, стажировки, работа за рубежом). Интервью были собраны в первой половине 2020 г.

Анализ качественных данных происходил следующим образом: сначала тексты были транскрибированы, далее в два этапа производилось кодирование. На первом этапе был проведен тематический анализ, где каждый отмеченный в транскрипте эффект был обозначен кодом, на втором этапе эти коды были объединены в категории. Для этого был разработан кодификатор в виде аналитической схемы, включающей перечень категорий и признаков, важных в контексте предмета и объекта исследования. Для разработки кодификатора использовался такой инструмент, как карта мыслей (или интеллектуальная карта, *mind map*). На втором этапе было проведено кодирование транскриптов с помощью ПО Dedoose. Далее выполнены переопределение категорий, выгрузка полученных данных и финальная обработка результатов. Более подробно процесс анализа данных описан в работе [17].

***Опрос высокопродуктивных ученых, проведенный в рамках проекта
«Мониторинг экономики образования» в 2022 г.***

На втором этапе исследования были измерены масштабы выраженности эффектов международной мобильности. В качестве эмпирической базы использовались результаты опроса ученых, проведенного НИУ ВШЭ в июне — сентябре 2022 г. в рамках проекта «Мониторинг экономики образования»⁶. Сбор данных осуществлялся на основе метода самозаполнения онлайн-анкеты (*Computer-assisted web interviewing, CAWI*). Генеральную совокупность составили российские ученые, имеющие публикации, индексируемые в РИНЦ, независимо от их должности и места работы. Для целей нашего исследования из данной генеральной совокупности была выделена группа ученых, находящихся по уровню публикационной активности в первых 20 процентилях по ядру РИНЦ (далее — высокопродуктивные ученые)⁷. Итоговый размер выборки составил 7255 человек. Далее данные анализировались с помощью методов описательной статистики.

⁶ См. сайт проекта: Мониторинг экономики образования. — URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения 17.01.2023).

⁷ Процентиль присваивается исследователям, у которых была хотя бы одна публикация в РИНЦ за последние 5 лет. Процентиль представляет собой рейтинг с позициями от 1 до 100, где «1» охватывает 1% авторов с самыми высокими показателями публикационной активности. Процентиль от 1 до 5 имеют авторы с наибольшим рейтингом в своей научной области.

Результаты исследования

Результаты анализа материалов интервью

Общая оценка приобретенного опыта является положительной почти у всех информантов, при этом этот опыт необязательно давался легко. Если сгруппировать упомянутые учеными эффекты зарубежного опыта, можно выделить несколько важнейших категорий: приобретение новых знаний, связей и компетенций, личностные изменения, сотрудничество, изменение научной результативности, перенос в российские организации увиденных за рубежом практик, карьерные/статусные изменения.

Приобретение новых знаний, компетенций. Еще несколько десятилетий назад на мобильность ученого смотрели, скорее, как на перемещение некоторой постоянной «производящей единицы» между странами. Однако со временем к этому взгляду на мобильность добавился взгляд на нее как на опыт, меняющий самого мобильного ученого. Все чаще стали появляться исследования того, как мобильность влияет на самих перемещающихся ученых, а не на страны, из которых они уехали или в которые приехали [35; 44; 56]. Прежде всего здесь имеются в виду знания, приобретаемые ученым на новом месте. Мобильные ученые в нашем исследовании говорили о самых разных видах знаний и умений, полученных в ходе зарубежной учебы/работы. Это опыт работы на новейшем оборудовании⁸; знания о методах, которыми их коллеги в России не владели; о том, как в зарубежных университетах и институтах подходят к планированию исследования; о том, какими техниками и технологиями пользуются иностранные коллеги для создания структурированного обзора больших массивов литературы; о том, как описывать результаты работы в статье, чтобы повысить шансы публикации в самых престижных журналах. Кроме того, одни ученые говорили, что благодаря доступу к литературе и личному общению со специалистами высокого уровня получили новое для себя широкое видение исследовательского поля, другие — понимание того, как можно коммерциализировать результаты исследований.

Здесь не последнюю роль играет то, что нашими информантами выступали молодые ученые. Их зарубежный опыт пришелся на период профессионального становления, когда накопление тех или иных знаний и умений происходит независимо от того, в какой среде они работают. В этой связи интересно было бы понять, могли ли наши информанты приобрести эти знания, если бы оставались в России?

⁸ Интересно, что, по словам информантов, такое оборудование есть и в России, но доступ к нему затруднен и формализован. За рубежом для участников нашего исследования было меньше барьеров, чтобы работать на оборудовании. Также некоторые респонденты отметили быстроту доставки реагентов, что нехарактерно для российских учреждений.

Получить объективный ответ на этот вопрос методологически сложно, но мы можем описать субъективные оценки мобильных ученых по этому вопросу. Некоторые участники исследования прямо говорили, что полученные за рубежом знания было бы трудно получить в России.

По психометрике в российской библиотеке — четыре книги, ну, может быть, пять уже сейчас. В Лёвене это четыре стеллажа с мой рост. В первый год я только и делал, что читал. <...> У нас курсы были про коммерциализуемость результатов — то, чего нет в России. А Лёвен, как известно, университет номер один в Европе по инновациям, у него огромный фундамент — там миллиарды евро, и профессора — миллионеры, и это видно по ним... (Социальные науки, муж., аспирантура в Бельгии.)

В Питере то, что я делал, анализ данных, он был немножко оторванный от современных методов по причинам, которые связаны с задачей, и реальных специалистов по анализу данных в Питере тогда не было. Тут [за рубежом] я попал практически в эпицентр, где люди занимаются анализом данных, и они мне за три месяца рассказали, во-первых, как программировать в C++, а во-вторых, что нужно делать, то есть я примерно понял, что нужно делать в анализе данных. (Естественные науки, муж., стажировка в Германии.)

Такие оценки необязательно вписаны информантами в нарратив о превосходстве зарубежной науки и образования над российскими. Скорее, они хорошо вписываются в концепцию «локальности» знания, согласно которой знание, относящееся к определенной теме, неравномерно доступно по всему миру, но может быть сконцентрировано в определенных организациях, и освоить его можно только на месте [29; 33]. Мобильный ученый получает возможность приобрести из первых рук некодифицированное, неявное знание по определенной теме или же кодифицированное знание, но недоступное глобально. В этом смысле российские организации также могут выступать в роли мест, где можно получить по некоторым тематикам уникальные знания, недоступные нигде более в мире. Мобильность позволяет ученому, профессионально социализированному в одной среде, соединить свои знания с теми, которые сконцентрированы в других местах, таким образом, выступая механизмом инноваций [50; 32]. В терминах трех измерений исследовательской карьеры можно сказать, что международная мобильность положительно влияет на когнитивную карьеру ученого, так как приобретенные знания и навыки позволяют включаться в более масштабные исследования, менять темы на более перспективные и востребованные.

Личностные изменения. Опыт длительной мобильности и столкновения с чужой культурной средой у многих информантов вызывал необходимость пересмотра собственных установок, ценностей и убеждений, которые ранее казались незыблемыми и неизменными. Чаще мобильные ученые положительно оценивали такое расширение собственных культурных горизонтов.

Ты живешь с определенными ценностями, которые тебе навязывают родители и школа, а когда ты живешь за границей, у тебя как бы расширяется спектр того, как можно себя вести, и ты просто сам выбираешь, и это часто такой конфликт между тем, что тебе навязывают, и тем, что ты видишь вокруг и понимаешь, как ты хочешь жить, в какой модели ты хочешь жить. (Гуманитарные науки, жен., магистратура в Германии.)

Из-за различных культурных шоков я впервые начал задумываться о вопросах равенства любого: гендерного, этнического. Сейчас и в принципе я об этом не задумывался, потому что я в привилегированном положении белого мужчины. Потом, когда вернулся в Россию, я просто хватался за голову от количества сексизма буквально во всем, который раньше не замечал. Просто, когда узнаешь о чем-то, потом не можешь «развидеть» это обратно... Но из-за культурного опыта поездки я стал другим человеком, пожил совершенно в другой среде. Я бы точно не хотел отказываться от этого опыта. (Естественные науки, муж., магистратура во Франции.)

Необходимость подстраиваться под новые условия в ходе обучения или работы за рубежом, с одной стороны, у некоторых вызывала дискомфорт, а с другой — развивала навыки адаптивности, самостоятельности и способности справляться с трудностями. Это, в свою очередь, приносило ощущение уверенности в своих силах, способностях, знаниях.

Я осознала, сколько всего я могу. Я поняла, что, во-первых, оказывается, что у меня есть свои прикольные идеи. Когда мы делали вот этот вот проект, там вот какой-то фреймворк разрабатывали, поняла, что, оказывается, я что-то могу. Я поняла, что могу жить одна, в первый раз, это тоже немаловажно... В этот раз это был реально рост, большой личностный рост, внутренний рост, именно личностный, не профессиональный. (Социальные науки, жен., стажировка во Франции.)

Ряд информантов отметили как преимущество открытость, развитию которой способствовал зарубежный опыт, в том числе опыт взаимодействия в профессиональной среде, менее иерархичной, чем в России. Несколько участников упомянули, что именно за рубежом научились не бояться задать вопрос на семинаре или совещании, подойти познакомиться с докладчиком на конференции и т. п.

Наши люди, кто учился в России — они боятся задавать вопросы, думают, что если задать вопрос, то кажется, что ты выставил себя дураком. Легче промолчать и потом сидеть мучиться, ковыряться, чем задать вопрос. Мне легче задавать вопросы, чем тем, кто тут [в России] обучался. Опять-таки, представлять что-то в черновой версии для обсуждения, нам [тем, кто учился за рубежом] тоже это легче сделать. (Естественные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

Приобретенная открытость повлияла также на готовность к перемене мест работы, к поиску оптимальных вариантов вне привычной среды. Некоторые из информантов, которые после возвращения в Россию нашли работу не в своем родном городе, предположили, что, если бы не опыт

международной мобильности, они бы так и не уехали из своего города. Перечисленные личностные изменения не являются непосредственно карьерными эффектами мобильности. Однако есть основания предполагать, что они влияют на все три измерения исследовательской карьеры, так как проактивная позиция, уверенность в своих силах и открытость новому опыту дают преимущество мобильным ученым в дальнейшем.

Приобретение новых профессиональных связей. В одном из недавних систематических обзоров международных исследований эффектов мобильности ученых показано, что чаще всего в этой теме изучается, как перемещение ученого между местами работы влияет на изменение сети профессиональных связей [56]. В нашем исследовании мы увидели, что некоторым ученым именно взаимодействие с коллегами в зарубежном центре позволило впервые выйти на международный уровень — опубликовать статью в зарубежном издании, выступить на международной конференции. Далеко не у всех связи с зарубежными коллегами сохраняются после возвращения в Россию, однако есть примеры, когда взаимодействие переходит в удаленное и остается продуктивным. Иногда отложенные эффекты поездки намного превосходят немедленные результаты.

...в Китае [вторая поездка за рубеж], наоборот, в группе я там с меньшим количеством людей общался, с профессором и его группой. <...> Но зато мы целенаправленно делали конкретные вопросы, поэтому я уверен, что будут совместные статьи, и мы будем продолжать общение дистанционно, будем обсуждать конкретные математические структуры, идеи. (Естественные науки, муж., стажировка в Китае.)

В терминах трех линий исследовательской карьеры появление новых связей является существенным фактором продвижения в международном сообществе. В некоторых случаях приобретенные за рубежом связи становятся основой прочной и постоянно растущей профессиональной сети. После того как один российский ученый поработал в зарубежном центре, туда «по проторенной дороге» могут приехать его младшие коллеги или аспиранты. Таким образом, может установиться постоянный канал общения и появятся совместные проекты. Мобильный ученый в таком случае выступает как «брокер», посредник, наводящий мосты между двумя коллективами, даже если осознанно это не планировалось.

...группа была очень интернациональная, и так сложилось, что те люди, с которыми я одновременно работала в той группе, те же аспиранты или молодые постдоки, которые были в Нидерландах, многие из них потом остались в науке, уже в других группах, в других странах. И благодаря этому у меня сейчас есть хорошая сеть контактов, которую мы используем. У нас, например, есть сейчас проект, совместный с аспирантом, который поступил в Неймеген (Нидерланды), когда я оттуда уезжала. А сейчас у нас с ним совместный проект. Это еще один очень полезный итог такой поездки. Группа,

в которой я работала, она сейчас разъезжается, создаются свои группы из этих сотрудников, такие личные контакты очень полезны. (Естественные науки, жен., аспирантура в Нидерландах.)

Изменение научной результативности. Как уже было сказано, для некоторых молодых ученых именно опыт работы/обучения за рубежом стал пропуском в международные журналы. Содействие зарубежных коллег могло касаться не только содержания исследования, но и приведения готовых результатов к релевантной форме.

Я там был пять месяцев, периодически что-то рассказывал про свои результаты, получал комментарии. Практически руководителем в этом не участвовал, так как он был руководителем большого центра и у него не было на это времени. Но он сильно помог мне на финальной стадии, когда были получены все результаты и надо было оформлять статью. У меня не было опыта написания зарубежных статей, я не очень понимал, как это выглядит. Он мне говорил, что в статье должно быть четыре графика, первый график такой, этот такой... Когда я рисовал какие-то графики, он говорил, как исправить. С текстом он мне тоже сильно помог, в итоге получилась хорошая статья, и я научился их писать. После этого я сам мог писать статьи в хорошие журналы. Это скрытая лестница к знаниям, потому что этому никто не учит. (Естественные науки, муж., магистратура во Франции.)

Еще недавно в России была широко распространена оценка результативности ученых по числу публикаций в журналах Web of Science или Scopus. Особо ценились публикации в журналах верхних квартилей. Однако то, что молодые ученые начинают за рубежом публиковаться в престижных международных журналах, не просто улучшает их резюме с точки зрения публикационных индикаторов. Статьи в таких журналах делают результаты исследований видимыми для широкого сообщества исследователей в разных странах. Они как бы перемещают ученого ближе к ядру этого сообщества производства знания в определенной теме. Помимо статей, мобильным ученым удается получать совместные патенты с зарубежными коллегами, становиться соавторами глав в монографиях под редакцией именитых исследователей, получать международные гранты. Знания, полученные в зарубежном центре, могут впоследствии быть заметным преимуществом в российской академической среде, если те или иные методики, теории, инструменты пока не получили здесь широкого распространения.

Я мог работать в программе для обработки интервью. Когда я провожу фокус-группы, я уже не делаю как раньше: вытянул интересные идеи и цитатами вставляю в свою статью. Нет. Есть такие программы <...>, которые позволяют делать математический анализ фрагментов текста. Для здешних сотрудников это было что-то сверхъестественное. Я эти свои знания передал студентам, у меня студенты написали дипломную работу, используя эти знания. Все исследования, которые я сейчас провожу, — это продолжение тех знаний, которые я получил на зарубежной стажировке. (Социальные науки, муж., стажировка в США.)

Следует отметить, что для некоторых ученых период обучения или работы за рубежом стал временем высокой продуктивности в том числе и потому, что они получили возможность концентрированно заниматься своим исследованием. В частности, это касается тех, кто получил грант на обучение в зарубежной аспирантуре и, в отличие от большинства российских аспирантов, мог не думать в течение нескольких лет о том, как покрыть расходы на жизнь. Подавляющее большинство российских аспирантов вынуждены работать, и их работа чаще всего не связана с диссертационным исследованием [1], что не может не сказываться негативно на сроках его выполнения.

В исследованиях связи мобильности и научных результатов ученого обычно анализируются количественные характеристики результативности, то есть так или иначе измеряемая продуктивность ученых [56; 40]. Реже изучается влияние мобильности на содержание работы ученого, на его/ее «когнитивную карьеру». В нашей выборке встретились те, кто изменил свое направление исследований после зарубежной мобильности. Выходу ученого на международный уровень способствует не только оформление статей по зарубежным стандартам, но и выбор тематик исследования, интересных глобальному научному сообществу.

В каждой дисциплине есть такие вещи, которые не работают или мы не совсем знаем, как они работают, и дисциплина движется, оставляя их на периферии. То есть она как бы не концентрируется на этих вопросах, она движется, разрабатывая те вещи, которые работают. И, соответственно, этого понимания, какие вопросы нужно задать для того, чтобы твои вопросы превратились в статью, которая будет принята этим сообществом, у меня не было [до зарубежной стажировки]. Соответственно, я могла задавать какие-то глобальные вопросы, которые были философски осмысленными, были серьезными и глубокими вопросами, но они не могли превратиться в статью в силу того, что у них не было решения и дисциплина как бы не воспринимает их всерьез. (Гуманитарные науки, жен., стажировка в США.)

Перенос организационных практик. Опыт мобильности позволил некоторым участникам нашего исследования почерпнуть новые идеи о том, как могут быть устроены научные учреждения и организация труда в них. Это вдохновило некоторых участников на привнесение организационных изменений по возвращении в Россию или на попытки таких изменений. Таким образом, некоторым мобильным ученым удастся стать внутренними инноваторами, агентами изменений в своих университетах или институтах.

У нас там были writing groups. Это та вещь, которую библиотека предлагала, и каждый мог записаться и прийти на эти сеансы. У нас там было, что 25 минут мы садимся и пишем и 5 минут перерыв, 25 минут садимся и пишем и 10 минут перерыв. И вот мы сейчас нашей лабораторией пытаемся организовать такие вещи. У нас такие небольшие группы людей, иногда вообще два-три человека, получается, приходят, но это нормально, это не требует большого количества людей... И вначале мы просто проговариваем, кто с какой целью сегодня пришел. То есть, кто над чем собирается работать,

а потом еще минут 10–15 обсуждаем, кто что в итоге сделал и какие сложности были. (Социальные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

Я перенес практику взаимного оценивания, то есть я сделал, чтобы студенты друг друга оценивали. И в целом, как мне кажется, я перенес сюда внимание к методике преподавания, потому что в Англии каждый преподаватель, прежде чем пойти преподавать, должен пройти курсы по методике. А этому внимания у нас мало уделяется. (Социальные науки, муж., магистратура и аспирантура в Великобритании.)

Данный тип эффектов не относится напрямую к карьерным. Однако можно предположить, что, если ученый после возвращения из-за рубежа активно предлагает и внедряет изменения в своем учреждении, переносит, как он считает, удачные зарубежные практики, это тоже будет влиять на его/ее карьеру. Не все понравившиеся организационные практики, конечно, удастся внедрить в российских организациях, из-за чего у вернувшихся могут возникать негативные эмоции.

По окончании курса мы сделали форму, студенты ее заполняют, оценивают преподавателей, какие-то рекомендации вносят, комментарии дают. Я пыталась это внедрить, но я поняла, что это совсем у нас не работает, у нас люди не могут этого принять. (Естественные науки, жен., магистратура в Великобритании.)

В случае если ученому в целом затруднительно применить полученный опыт в России и условия работы по возвращении сильно отличаются от зарубежных, обратная адаптация может вызвать трудности. Подобные проблемы не уникальны для российских ученых, они были описаны для Казахстана [49], Китая [37], где действуют поддерживаемые государством программы зарубежного обучения специалистов. В исследовании об ученых Казахстана, возвращающихся в страну после обучения за рубежом, говорится, что они испытывают трудности, связанные не столько с достаточностью зарплаты и ресурсов вообще, сколько с локальной спецификой функционирования науки (бюрократическая нагрузка, автономия исследователя, нечестность в распределении фондов). Схожие мотивы есть и в интервью российских мобильных ученых.

Я сдавал отчеты каждый год по одному, этот отчет — внимание — должен быть не более двух страниц, понимаете, не менее 30, а не более двух. И вот я должен был на этих двух страницах просто указать, что я сделал, что я планирую делать и, соответственно, в будущем году я должен был написать, что я сделал из запланированного, если не сделал, то почему не сделал, что планирую делать в будущем. И этот отчет просматривается двумя академическими супервайзерами и, понимаете, вот не должно быть никаких вот распечаток: принести, подождать, унижаться в приемной, как в России приходится это делать. (Социальные науки, муж., аспирантура в Бельгии.)

В каком-то смысле мобильным ученым проще переносить на российскую почву неформальные практики, например, усвоенные нормы горизонтального общения как с коллегами, так и со студентами. Ряд информантов упоминали о том, какое впечатление на них произвел демократичный стиль общения в зарубежном центре/университете.

Я стараюсь в своем общении, в коммуникации со студентами все-таки помнить о том моем опыте и не выстраивать такую дистанцию между нами. Я стараюсь действительно с заинтересованностью к ним относиться и помогать им, поддерживать их идеи, какими безумными бы они ни были. (Социальные науки, жен., стажировки в Германии.)

Карьерные/статусные изменения. Большинство опрошенных мобильных ученых не считают зарубежный опыт чем-то, что само по себе продвинуло их по карьерной или статусной лестнице. Значение имели достигнутые результаты (например, статьи в авторитетных международных журналах или защищенная диссертация), а также приобретенные навыки. Однако были и те, кто полагает, что зарубежный опыт мог ускорить карьерное продвижение.

Я получил повышение в должности, стал старшим преподавателем, получил довольно большую нагрузку на отделении дополнительного образования, там, где обучаются студенты с других факультетов. Я полагаю, что австралийский диплом повысил доверие ко мне. Сейчас у меня довольно большая нагрузка преподавательская, и это можно связать с той квалификацией, которую я получил. (Гуманитарные науки, муж., магистратура в Австралии.)

Многие информанты по возвращении в Россию искали работу заново, и можно предположить, что наличие международного опыта повлияло на их шансы быть принятыми на ту или иную должность. Отметим, что подавляющее большинство участников интервью были довольны текущей работой в России (на момент 2020 г.) и не жаловались на финансирование, при том что в целом в российской науке часто обсуждается проблема достаточности финансирования [5]. Есть основания полагать, что опыт мобильности если и не ведет к немедленному карьерному взлету, то все же может влиять на шансы получения хорошего предложения по работе.

В следующем разделе представлены результаты количественного измерения полученных эффектов на более масштабной выборке.

Результаты количественного этапа:

опрос высокопродуктивных исследователей

Согласно результатам опроса, практически все опрошенные высокопродуктивные исследователи, которые имели длительный опыт мобильности (12,2% от всех опрошенных), отметили положительные ее эффекты. Чаще всего упоминались расширение сети контактов с другими учеными (81%), приобретение новых навыков и повышение профессиональной квалификации (76%), выход публикации в ведущих зарубежных изданиях (58%), а также смена научной темы после поездки на более перспективную (47%). Еще 40% сообщили о получении доступа к новейшей литературе и 35% — к современному научному оборудованию. Менее всего были выражены карьерные эффекты. Только почти у каждого пятого (18%) высокопродуктивного исследователя после возвращения из зарубежной стажировки, обучения или работы вырос размер заработной платы, еще реже респонденты полу-

чили повышение в должности (13%). О том, что опыт международной мобильности и сотрудничества никак не сказался на дальнейшей работе, сообщили лишь 4% высокопродуктивных исследователей (рис. 1).

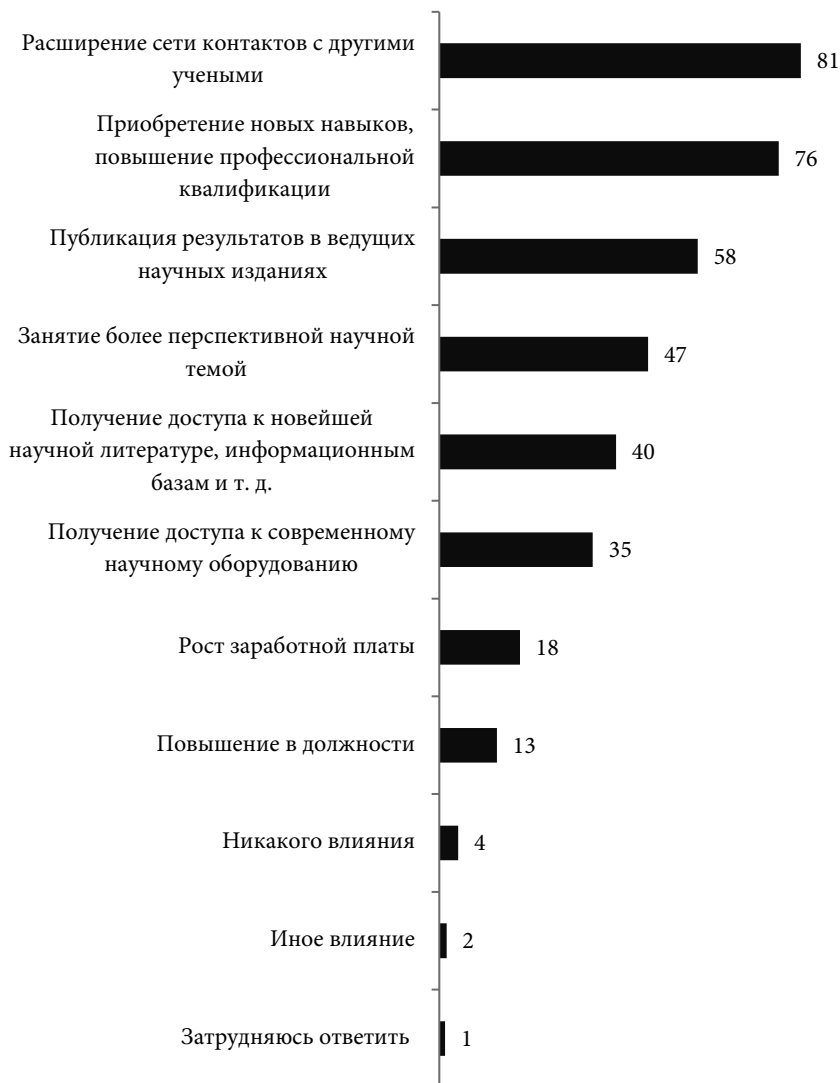

Рис. 1. Влияние международной мобильности на дальнейшую профессиональную деятельность российских ученых, % от числа опрошенных, множественный выбор

Респонденты также имели возможность оставить комментарии о других эффектах. Ведущие ученые отметили, что благодаря выезду за границу у них возникло более четкое понимание собственной области исследования, они почувствовали себя на фронтире международной

науки («незаменимый опыт настоящей передовой научной работы», «вовлечение в мировую науку»), по-новому посмотрели на решаемую проблему. Некоторые респонденты также отметили, что этот опыт дал возможность получить оценку своей квалификации со стороны, осознать уровень собственной компетентности («обретение уверенности, что уровень моих работ превосходит средний зарубежный уровень»).

Далее рассмотрим, как отличаются эффекты международной мобильности в зависимости от области науки, пола и возраста.

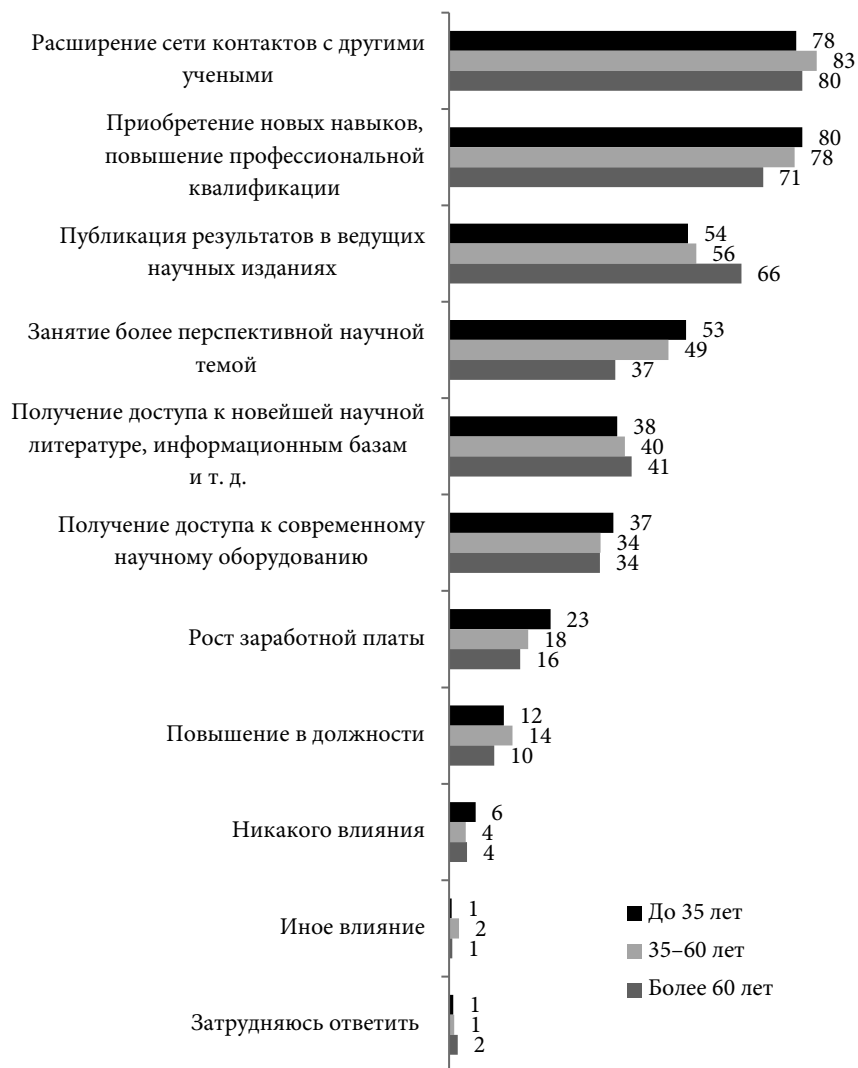

Рис. 2. Влияние международной мобильности на дальнейшую профессиональную деятельность российских ученых в зависимости от возрастной группы, % от числа опрошенных, множественный выбор

В целом не наблюдается значительной разницы между *возрастными группами*, однако по ряду позиций есть существенные различия (рис. 2). Во-первых, представители старших возрастных групп (более 60 лет) намного чаще отмечали выход публикаций в ведущих научных журналах после возвращения из-за рубежа по сравнению с другими группами и гораздо реже отмечали приобретение новых навыков и смену научной темы. Более молодые исследователи (до 35 лет), напротив, чаще отмечали рост профессиональной квалификации и смену темы на более перспективную, а также рост заработной платы. То есть доминирующий взгляд на то, что мобильность приносит преимущества в основном на начальных этапах карьеры, не находит подтверждения на российских данных. Положительные эффекты получают все независимо от возрастной группы, различия заключаются лишь в том, какого рода эти эффекты.

Не было обнаружено никаких значимых *гендерных различий* в полученных эффектах от участия в долгосрочной мобильности, за исключением того, что женщины чуть чаще отмечали повышение профессиональной квалификации и приобретение новых навыков, чем мужчины (82% против 73%).

Если говорить о различии *по областям наук*, то больше всего положительных эффектов отмечали представители естественных наук: они чаще, чем в среднем по выборке, фиксировали расширение международных контактов, смену научной темы на более перспективную, рост своей научной производительности, а также почти в 2 раза чаще остальных отмечали факт доступа к современному научному оборудованию. Также они значимо чаще остальных отмечали повышение как в должности, так и размера заработной платы после длительной международной мобильности (см. табл.).

Меньше всего позитивных эффектов наблюдается у представителей общественных и гуманитарных наук: они меньше, чем другие, говорили о расширении контактов с другими учеными и в 2 раза реже отмечали публикационные эффекты, что полностью согласуется с результатами, полученными наукометрическими методами [16; 48]. Это свидетельствует о большей «локализованности» знания в этих дисциплинах, чем в естественных науках. Представители гуманитарных и медицинских наук чаще других отмечали получение доступа к новейшей литературе и базам данных, что для первых связано преимущественно с посещением архивов и специализированных библиотек, а для вторых — с получением доступа к данным клиник, национальных систем здравоохранения. Также представители медицинских наук отмечали произошедший после мобильности карьерный рост. Стоит отдельно отметить, что все ученые независимо от области науки отметили, что приобрели новые знания, а также повысили свою профессиональную квалификацию. Это еще раз подтверждает тезис о том, что международная мобильность является важнейшим механизмом приобретения и дальнейшего трансфера исследовательских компетенций.

Таблица

**Влияние длительной международной мобильности
 на профессиональную деятельность высокопродуктивных исследователей,
 по областям науки⁹**

Эффекты международной мобильности	Науки					
	есте- ственные	техни- ческие	меди- цинские	сельско- хозяй- ственные	обще- ственные	гума- нитарные
Расширение сети контактов с другими учеными	90	75	74	92	70	80
Приобретение новых навыков, повышение профессиональной квалификации	80	72	77	77	68	78
Занятие более перспективной научной темой	58	41	47	62	36	36
Публикация результатов в ведущих научных изданиях	75	50	68	85	37	39
Получение доступа к современному научному оборудованию	58	33	35	46	8	11
Получение доступа к новейшей научной литературе, информационным базам	39	30	44	31	33	50
Повышение в должности	18	9	16	15	9	6
Рост заработной платы	27	16	18	38	9	8

Заключение

По результатам как качественного, так и количественного анализа можно сделать вывод, что абсолютное большинство участников долгосрочной мобильности отметили ее позитивное влияние на дальнейшую исследовательскую деятельность (в частности, 96% высокопродуктивных исследователей заметили изменения в своей работе после приобретения этого опыта). Основными результатами поездок за рубеж стали приобретение новых знаний и навыков, повышение квалификации, а также расширение сети контактов с коллегами. Реже респонденты отмечали карьерные эффекты (повышение в должности или рост зарплаты), что, скорее всего, связано с тем, что в российской академической среде длительность работы в конкретной организации (лояльность) имеет большой вес для продвижения. Наблюдается зна-

⁹ Данные по сельскохозяйственным наукам не показаны в таблице из-за недостаточного количества наблюдений.

чительная гетерогенность эффектов мобильности в зависимости от области науки: больше всего позитивных эффектов получают представители естественных наук, меньше всего выражены преимущества у исследователей в области гуманитарных и общественных наук.

Кроме того, мобильные преподаватели, принявшие участие в исследовании, отмечали как произошедшие личностные изменения, так и трансформацию подходов к исследовательской работе, а также рост профессиональных навыков, перенос некоторых организационных практик. Таким образом, мобильность является важнейшим инструментом как повышения профессиональной квалификации, так и выстраивания связей и новых коопераций, а также опытом, меняющим как личные ценности, так и подходы к организации собственной исследовательской работы. Вместе с тем не все практики или навыки удастся интегрировать. В частности, не всегда получается реализовать запрос на более равноправное взаимодействие с научным руководителем или внедрить практику взаимного оценивания коллегами из-за сопротивления существующей академической среды и сложившихся в ней норм.

Если рассматривать исследовательскую карьеру через призму трех измерений — когнитивного, организационного и связанного со сменой ролей в профессиональном сообществе, — можно утверждать, что международная мобильность оказывает комплексное влияние, заметное во всех трех компонентах. Приобретенные знания и умения, вовлечение в международные коллаборации обеспечивают развитие «когнитивной карьеры» исследователя, а новые профессиональные связи расширяют присутствие ученого в международном профессиональном сообществе. Что касается организационного измерения карьеры, влияние мобильности может быть не прямым, то есть не обеспечивать карьерный рост. Однако мобильность нередко способствует личностным изменениям, в частности, влияющим на решимость менять работу, искать наилучшие условия. Этот сюжет не так хорошо исследован и описан в литературе.

Результаты проведенных глубинных интервью с учеными подтвердили, что среди эффектов мобильности есть и другая сторона этого вопроса, а именно риск оттока ученых за границу. Некоторые наши информанты говорили о планах поиска работы за рубежом. Иногда — хотя и необязательно — это желание связано с трудностями, которые мобильные ученые испытывают по возвращении на родину. В то же время несколько участников нашего исследования именно за рубежом осознали, что они хотят реализовывать себя в России, так как условия на родине — бытовые, профессиональные, культурные — для них более комфортны.

В силу изменившейся геополитической ситуации актуальность изучения мобильности ученых даже возрастает, так как результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что снизился доступ

к важному инструменту кадрового развития, выполнявшему значимые функции для повышения компетенций российских исследователей. В связи с этим необходимы перенастройка государственной научно-технической политики, разработка специальных мер с целью снижения вероятности оттока высокопродуктивных исследователей за рубеж, сохранения и поддержания научных контактов с зарубежными учеными, продолжения программ академического обмена в новых условиях. Полезно ориентироваться на опыт Китая, в котором действуют разнообразные программы поддержки мобильности молодых ученых, а также возвращения в страну китайских ученых из-за рубежа. Несмотря на меняющиеся отношения с другими странами, Китай вот уже несколько десятилетий не менял вектор на поддержку получения своими гражданами зарубежного образования и опыта работы. В результате в китайской науке работают огромное число специалистов с международным опытом.

Одними из возможных мер могут стать перенастройка и масштабный перезапуск программ внутрироссийской академической мобильности, которые, согласно последним исследованиям, дают схожие эффекты среди российских молодых исследователей. В частности, они отмечали рост знаний и научной продуктивности, развитие мягких навыков, знакомство с другой корпоративной культурой, расширение профессиональной сети контактов, заимствование и перенос лучших организационных практик [18].

Вместе с тем эти позитивные эффекты сочетаются с повышенной нагрузкой и эмоциональным выгоранием, так как участник внутрироссийской мобильности получает недостаточно институциональной поддержки. Так происходит из-за того, что академическая мобильность в России имеет ряд характерных особенностей, которые являются производными от российской научно-образовательной системы в целом: высокий уровень централизации (76% всех переездов исследователей связаны с Москвой и Санкт-Петербургом); сильная институциональная инерция, распространенность инбридинга, малое количество программ стимулирования внутрироссийской академической мобильности [18]. Чтобы преодолеть эти проблемы, необходимы дополнительные меры финансовой и организационной поддержки со стороны государства.

Следует усиливать и развивать кооперацию с дружественными странами, имеющими схожий накопленный научно-технический потенциал, в частности с Китаем, с которым в последние годы у России расширялось сотрудничество. Кроме того, «недоиспользованным» является потенциал взаимодействия с российской научной диаспорой за рубежом (в том числе с теми учеными, которые мигрировали после начала СВО). Интересным здесь является опыт Ирана, который, несмотря на санкции, наращивает научное сотрудничество, в том числе со странами Запада, и взаимодействие с иранской диаспорой уехавших ученых в данном случае играет важную роль [7].

Другим возможным способом частичного замещения международной мобильности могут быть механизмы, которые не требуют физического перемещения ученых и были апробированы во время пандемии COVID-19 (участие в международных конференциях в формате онлайн, а также приглашение к сотрудничеству иностранных профессоров в дистанционном формате).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нефедова Алена Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Телефон: +7 (495) 772-95-90*12044. **Электронная почта:** anefedova@hse.ru

Дьяченко Екатерина Львовна — научный сотрудник, Центр институционального анализа науки и образования, Европейский университет в Санкт-Петербурге; младший научный сотрудник, Центр перспективных социальных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Телефон: 8 (812) 386-76-37. **Электронная почта:** edyachenko@eu.spb.ru

Research Article

ALENA I. NEFEDOVA¹, EKATERINA L. DYACHENKO^{2,3}

¹ HSE University.

11, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² European University in St. Petersburg.

6/1, A, Gagarinskaya st. Saint Petersburg, Russian Federation.

³ Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

THE EFFECTS OF PARTICIPATING IN INTERNATIONAL MOBILITY FOR RUSSIAN SCIENTISTS

Abstract. Since the collapse of the Soviet Union and the opening of borders, numerous measures have been taken to internationalize Russian science. In particular, publications in journals that are listed in international scientific citation databases have become a point of closer focus. Universities and scientific organizations began inviting foreign professors and sending their own staff and students abroad on international internships. After the start of the Special Military Operation in Ukraine in 2022, Russian science faced numerous sanctions that entailed a reduction in international cooperation. However Russian scientists have accumulated 30 years of experience in active participation in international cooperation and academic mobility. Nevertheless, there is still a significant lack of understanding of how this experience will impact the scientific careers of Russian scientists going forward. In this article, the authors present the results of a study dedicated to exploring this issue.

The theoretical framework for the analysis is based on such a concept as “the Three Careers of an Academic” (organizational, cognitive, and community careers) proposed by German experts in sociology of science Johan Gläser and Grit Laudel. The empirical data used in the study include materials from in-depth interviews with young scientists

under the age of 39, collected in 2020–2021 as part of a project known as “International Mobility of Russian Young Researchers”, as well as the results of a sociological survey of 7,255 highly productive scientists conducted under the “Monitoring of education markets and organizations” in 2022. All respondents had spent more than three months abroad. The study revealed that international mobility has a comprehensive impact, noticeable in all three components of a scientific career. Acquired knowledge and skills, as well as involvement in international projects contribute to the development of a researcher’s cognitive career, while new professional connections promote advancement in the international scientific community. As for the “organizational dimension” of a career, mobility does not have a direct influence on career advancement. However, mobility often leads to personal changes, particularly influencing one’s determination to switch jobs and seek better conditions. These assessments are presented for the first time and can be useful in developing recommendations for science and technology policies regarding the revision of mobility support programs in light of the new geopolitical reality.

Keywords: Russian scientists; young scientists; effects of mobility; academic mobility; international mobility; scientific career.

For citation: Nefedova, A.I., Dyachenko, E.L. The Effects of Participating in International Mobility for Russian Scientists. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 113–142. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.6

Acknowledgment: This article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University “Higher School of Economics”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alena I. Nefedova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of Innovation Economics at the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University “Higher School of Economics” (HSE). **Phone:** +7 (495) 772-95-90*12044 **Email:** anefedova@hse.ru

Ekaterina L. Dyachenko — Research Fellow, Center for Institutional Analysis of Science and Education, European University in St. Petersburg; Junior Research Fellow, Center for Advanced Social Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Phone:** +7 (812) 386-76-37. **Email:** edyachenko@eu.spb.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бекова С.К., Джафарова З.И.* Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 87–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108 EDN: ZAVVZZ
Bekova S.K., Jafarova Z.I. Who is Happy at Doctoral Programs: The Connection between Employment and Learning Outcomes of PhD Students. *Voprosy obrazovaniya*. 2019. No. 1. P. 87–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-87-108 (In Russ.)
2. *Волкова Г.Л.* Является ли опыт международной мобильности карьерным преимуществом? Пример российских ученых // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 71–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-20-71-82 EDN: KTDAXX

- Volkova G.L. Does the Experience of International Mobility Lead to Career Advantages? Study of Russian researchers. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 71–82. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-20-71-82 (In Russ.)
3. Гершман М.А., Гохберг Л.М., Демьянова А.В., Нефедова А.И., Пермякова В.А., Стрельцова Е.А., Шматко Н.А. Международная мобильность ученых: угроза или благо? / Науч. ред.: Л.М. Гохберг, Е.А. Стрельцова. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2022. — 48 с.
Gershman M.A., Gokhberg L.M., Demyanova A.V., Nefedova A.I., Permyakova V.A., Streltsova E.A., Shmatko N.A. *Mezhdunarodnaya mobil'nost' uchenykh: ugroza ili blago?* [International mobility of scientists: threat or benefit?] Ed. by L.M. Gokhberg, E.A. Streltsova. Moscow: NIU "Vysshaya shkola ekonomiki" publ., 2022. 48 p. (In Russ.)
4. Гохберг Л.М., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Шувалова О.Р. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. — 140 с. EDN: PCNDFL
Gokhberg L.M., Kitova G.A., Kuznetsova T.E., Shuvalova O.R. *Rossiiskie uchenye: shtrikhi k sotsiologicheskomu portretu*. [Russian scientists: touches to the sociological portrait.] Moscow: Izd. dom GU-VShE publ., 2010. 140 p. (In Russ.)
5. Гусев А.Б., Юревич М.А. Научная политика России—2021. М.: Буки Веди, 2021. — 96 с.
Gusev A.B., Yurevich M.A. *Nauchnaya politika Rossii—2021*. [Scientific policy of Russia—2021.] Moscow: Buki Vedi publ., 2021. 96 p. (In Russ.)
6. Дежина И.Г. Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками // Экономика и прогнозирование. 2012. Т. 10. С. 9–24. EDN: SMMJHL
Dezhina I.G. Russia's policy on the development of cooperation with foreign compatriot scientists. *Ekonomika i prognozirovanie*. 2012. Vol. 10. P. 9–24. (In Russ.)
7. Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности // ЭКО. 2022. Т. 52. № 11. С. 125–143. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143 EDN: QIWIYQ
Dezhina I.G. International scientific cooperation of Russian universities in new conditions: limitations and opportunities. *EKO*. 2022. Vol. 52. No. 11. P. 125–143. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-125-143 (In Russ.)
8. Дежина И.Г., Нефедова А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013216250029334-0 EDN: RWKPHM
Dezhina I.G., Nefedova A.I. The impact of sanctions on highly productive Russian scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 19–31. DOI: 10.31857/S013216250029334-0 (In Russ.)
9. Другова Е.А., Нужина Н.И., Коряковцева П.В. Международный академический рекрутинг в ведущих российских университетах: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2016. Т. 1. № 101. С. 32–43. EDN: VQWPEL

- Drugova E.A., Nuzhina N.I., Koryakovtseva P.V. International academic recruitment at the leading russian universities: current position and prospects of further development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2016. Vol. 1. No. 101. P. 32–43. (In Russ.)
10. Дьяченко Е.Л., Неведова А.И., Стрельцова Е.А. Наем иностранных ученых в российские научные организации и вузы: возможности и барьеры // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 5. С. 132–143. EDN: ZXYKOD
Dyachenko E.L., Nefedova A.I., Streltsova E.A. Recruitment of foreign scientists in russian research organizations and universities: opportunities and barriers. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2017. Vol. 21. No. 5. P. 132–143. (In Russ.)
11. Еркина Д.С., Малахов В.А., Юревич М.А. Программа мегагрантов: импульс международной мобильности или канал «утечки умов»? // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 81–96. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-81-96 EDN: OVHVTТ
Erkina D.S., Malakhov V.A., Yurevich M.A. Megagrant program: an impetus for international academic mobility or a channel for brain drain? *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 81–96. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-81-96 (In Russ.)
12. Зайончковская Ж.А. Трудовая эмиграция российских ученых // Проблемы прогнозирования. 2004. № 4. С. 98–108. EDN: HRTRXL
Zayonchkovskaya Zh.A. Labor emigration of Russian scientists. *Problemy prognozirovaniya*. 2004. No. 4. P. 98–108. (In Russ.)
13. Крячко В.И. Оценка академической мобильности исследователей: возможности и ограничения существующих подходов // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 4. С. 130–145. DOI: 10.15826/umpa.2020.04.040 EDN: TAPLFQ
Kryachko V.I. Assessing the academic mobility of researchers: possibilities and limitations of existing approaches. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2020. Vol. 24. No. 4. P. 130–145. DOI: 10.15826/umpa.2020.04.040 (In Russ.)
14. Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. Структура международной миграции ученых на примере России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14 EDN: QCKKGW
Malakhov V.A., Vasilyeva I.N., Belov F.D. The structure of international migration of scientists using the example of Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14 (In Russ.)
15. Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э. Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки // Миграция специалистов из России: причины, последствия, оценки / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Д. Азраэла. М.: ЦИСН, 1994. С. 3–18.
Nekipelova E.F., Gokhberg L.M., Mindeli L.E. Emigration of scientists: problems, real assessments. *Migratsiya spetsialistov iz Rossii: prichiny, posledstviya, otsenki*. [Migration of specialists from Russia: causes, consequences, assessments.] Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya, D. Azrael. Moscow: CISN publ., 1994. P. 3–18. (In Russ.)

16. Нефедова А.И., Волкова Г.Л., Дьяченко Е.Л., Коцемир М.Н., Спирина М.О. Международная мобильность и публикационная активность молодых ученых: что говорят статистика, библиометрия и сами сотрудники // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. Т. 52. № 4. С. 98–121. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-4 EDN: KKLHJN
Nefedova A.I., Volkova G.L., Dyachenko E.L., Kotsemir M.N., Spirina M.O. International mobility and publication activity of early-career-researchers: What do statistics, bibliometrics and scientists themselves say? *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2021. Vol. 52. No. 4. P. 98–121. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-4 (In Russ.)
17. Нефедова А.И., Спирина М.О., Дьяченко Е.Л. Как онлайн-инструменты могут облегчить коллективный анализ глубинных интервью // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 244–272.
Nefedova A.I., Spirina M.O., Dyachenko E.L. How online tools can facilitate collective analysis of in-depth interviews. *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsial'nykh naukakh*. [Practices of qualitative data analysis in social sciences.] Moscow: Izd. dom GU-VShE publ., 2023. P. 244–272. (In Russ.)
18. Нефедова А.И., Чефанова Е.И., Слепых В.И., Иващенко А.Д. Эффекты участия во внутрироссийской мобильности для молодых ученых и преподавателей // Вопросы образования. 2024. № 1 (в печати).
Nefedova A.I., Chefanova E.I., Slepikh V.I., Ivashchenko A.D. Effects of participation in intra-Russian mobility for young scientists and teachers. *Voprosy obrazovaniya*. 2024. No. 1 (in print). (In Russ.)
19. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // Форсайт. 2008. Т. 2. № 4. С. 32–41. EDN: NQTIBH
Sivak E.V., Yudkevich M.M. “Closed” academic environment and local academic conventions. *Forsait*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 32–41. (In Russ.)
20. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. Т. 1. С. 170–187. EDN: KGBSGX
Sivak E.V., Yudkevich M.M. Academic inbreeding: pros and cons. *Voprosy obrazovaniya*. 2009. Vol. 1. P. 170–187. (In Russ.)
21. Соколов М.М., Губа К.С., Зименкова Т.В., Сафонова М.А., Чуйкина С.А. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах / Науч. ред. К.В. Иванов. М.: НЛО, 2015. — 832 с.
Sokolov M.M., Guba K.S., Zimenkova T.V., Safonova M.A., Chuikina S.A. *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh*. [How professors become: academic careers, markets and power in five countries.] Ed. by K.V. Ivanov. Moscow: NLO publ., 2015. 832 p. (In Russ.)
22. Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э., Шувалова О.Р., Обыденнова Т.Б. Российская наука в новых условиях: роль зарубежных фондов // Мир России. Социология, этнология. 2005. Т. 14. № 4. С. 138–161. EDN: MUYIOZ
Chepurenko A.Yu., Sheregi F.E., Shuvalova O.R., Obydennova T.B. Russian science in new conditions: the role of foreign funds. *Mir Rossii. Sotsiologiya, etnologiya*. 2005. Vol. 14. No. 4. P. 138–161. (In Russ.)

23. Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Мобильность и карьерные перспективы исследователей на рынке труда // Высшее образование в России. 2017. Т. 12. № 1. С. 35–46. EDN: XQXEВH
Shmatko N.A., Volkova G.L. Mobility and career prospects of researchers in the labor market. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 35–46. (In Russ.)
24. Шувалова О.Р., Чепуренко А.Ю., Соколов А.В., Гохберг Л.М. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им. А. Гумбольдта) / Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко, Л.М. Гохберга. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 2005. — 186 с.
Shuvalova O.R., Chepurenko A.Yu., Sokolov A.V., Gokhberg L.M. *Vosproizvodstvo nauchnoi elity v Rossii: rol' zarubezhnykh nauchnykh fondov (na primere Fonda im. A. Gumbol'dta)*. [Reproduction of the scientific elite in Russia: the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation).] Ed. by A.Yu. Chepurenko, L.M. Gokhberg. Moscow: Russian Independent Institute of Social and National Problems publ., 2005. 186 p. (In Russ.)
25. Ackers L. Internationalisation, Mobility and Metrics: A New Form of Indirect Discrimination? *Minerva*. 2008. Vol. 46. No. 4. P. 411–435. DOI: 10.1007/s11024-008-9110-2
26. Asheulova N., Dushina S. *Research career development in Russia: the role of international mobility*. St. Petersburg: (Re)searching Scientific Careers, 2014. Accessed 01.11.2023. URL: http://ihst.nw.ru/Files/User/Asheulova/Researchng_Scientific_Careers_2014.pdf.
27. Bauder H. The international mobility of academics: A labour market perspective. *International Migration*. 2015. Vol. 53. No. 1. P. 83–96. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2012.00783.x
28. Bozeman B., Corley E. Scientists' Collaboration Strategies: Implications for Scientific and Technical Human Capital. *Research Policy*. 2004. Vol. 33. No. 4. P. 599–616. DOI: 10.1016/j.respol.2004.01.008
29. Breschi S., Lissoni F. Mobility of skilled workers and co-invention networks: an anatomy of localized knowledge flows. *Journal of Economic Geography*. 2009. Vol. 9. No. 4. P. 439–468. DOI: 10.1093/jeg/lbp008
30. Ciumasu I. Turning brain drain into brain networking. *Science and public policy*. 2010. Vol. 37. No. 2. P. 135–146. DOI: 10.3152/030234210X489572
31. Courtois A., Sautier M. Academic Brexodus? Brexit and the dynamics of mobility and immobility among the precarious research workforce. *British Journal of Sociology of Education*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 639–657. DOI: 10.1080/01425692.2022.2042195
32. Coey C. International researcher mobility and knowledge transfer in the social sciences and humanities. *Globalisation, Societies and Education*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 208–223. DOI: 10.1080/14767724.2017.1401918
33. Davies S. Epistemic Living Spaces, International Mobility, and Local Variation in Scientific Practice. *Minerva*. 2020. Vol. 58. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1007/s11024-019-09387-0
34. Deville P., et al. Career on the move: Geography, stratification and scientific impact. *Scientific reports*. 2014. Vol. 4. Article 4770. DOI: 10.1038/srep04770

35. Fontes M., Videira P., Calapez T. The impact of long-term scientific mobility on the creation of persistent knowledge networks. *Mobilities*. 2013. Vol. 8. No. 3. P. 440–465. DOI: 10.1080/17450101.2012.655976
36. Franzoni C., Scellato G., Stephan P. International mobility of research scientists: Lessons from GlobSci. *Global mobility of research scientists*. Academic Press. 2015. P. 35–65. DOI: 10.1016/B978-0-12-801396-0.00002-8
37. Gao Y., Liu J. Capitalising on academics' transnational experiences in the domestic research environment. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43. No. 4. P. 400–414. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1833276
38. Gokhberg L., Kuznetsova T., Kotsemir M. From the Soviet Union to the Russian Federation: publication activity dynamics along the evolution of national science policies. *Scientometrics*. 2023. Vol. 128. No. 11. P. 6195–6246. DOI: 10.1007/s11192-023-04838-8
39. Gläser J., Laudel G. *The Three Careers of an Academic*. Discussion Paper 35/2015. Berlin: TU Berlin, Center for Technology and Society. Accessed 30.03.2023. URL: https://www.tu-berlin.de/fileadmin/f27/PDFs/Discussion_Papers/35_2015discussion_paper_Nr_35_Glaeser_Laudel.pdf
40. Gureyev V., et al. Review and analysis of publications on scientific mobility: Assessment of influence, motivation, and trends. *Scientometrics*. 2020. Vol. 124. No. 2. P. 1599–1630. DOI: 10.1007/s11192-020-03515-4
41. Halevi G., Moed H. F., Bar-Ilan J. Researchers' mobility, productivity and impact: Case of top producing authors in seven disciplines. *Publishing Research Quarterly*. 2016. Vol. 32. P. 22–37. DOI: 10.1007/s12109-015-9437-0
42. Horta H. Academic inbreeding: Academic oligarchy, effects, and barriers to change. *Minerva*. 2022. Vol. 60. No. 4. P. 593–613. DOI: 10.1007/s11024-022-09469-6
43. Iverson E., Wooley R. International mobility and career progression of European academics [preprint]. *Conference: 27th International Conference on Science, Technology and Innovation Indicators (STI 2023)*. Leiden: CWTS, 2023. 33 p. DOI: 10.55835/64426b96e3a90677102e2622
44. Kuzhabekova A., Sparks J., Temerbayeva A. Returning from study abroad and transitioning as a scholar: Stories of foreign PhD holders from Kazakhstan. *Research in Comparative and International Education*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 412–430. DOI: 10.1177/1745499919868644
45. Jonkers K., Cruz-Castro L. Research upon return: The effect of international mobility on scientific ties, production and impact. *Research Policy*. 2013. Vol. 42. No. 8. P. 1366–1377. DOI: 10.1016/j.respol.2013.05.005
46. Jons H. Transnational mobility and the spaces of knowledge production: a comparison of global patterns, motivations and collaborations in different academic fields. *Social Geography*. 2007. Vol. 2. No. 2. P. 97–114. DOI: 10.5194/sg-2-97-2007
47. Kosmulski M. Careers of Young Polish Chemists. *Scientometrics*. 2015. Vol. 102. No. 2. P. 1455–1465. DOI: 10.1007/s11192-014-1461-x
48. Kotsemir M.N., Dyachenko E., Nefedova A. Mobile young researchers and their non-mobile 'twins': who is winning the academic race? *Scientometrics*. 2022. Vol. 127. No. 12. P. 7307–7332. DOI: 10.1007/s11192-022-04488-2

49. Kuzhabekova A., Sparks J., Temerbayeva A. Returning from study abroad and transitioning as a scholar: Stories of foreign PhD holders from Kazakhstan. *Research in Comparative and International Education*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 412–430. DOI: 10.1177/1745499919868644
50. Kim T. Transnational academic mobility, knowledge, and identity capital. *Discourse: Studies in the cultural politics of education*. 2010. Vol. 31. No. 5. P. 577–591. DOI: 10.1080/01596306.2010.516939
51. Laudel G., Gläser J. From apprentice to colleague: The metamorphosis of early career researchers. *Higher education*. 2008. Vol. 55. P. 387–406. DOI: 10.1007/s10734-007-9063-7
52. Macfarlane B., Jefferson A. The closed academy? Guild power and academic social class. *Higher Education Quarterly*. 2022. Vol. 76. No. 1. P. 6–47. DOI: 10.1111/hequ.12305
53. Meyer J.B. Network Approach versus Brain Drain: Lessons from the Diaspora. *International Migration*. 2001. Vol. 39. No. 5. P. 91–110. DOI: 10.1111/1468-2435.00173
54. Morley L., et al. Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility. *Higher Education*. 2018. Vol. 76. No. 4. P. 537–554. DOI: 10.1007/s10734-017-0224-z
55. Nefedova A. Why international students choose to study at Russia's leading universities. *Journal of Studies in International Education*. 2021. Vol. 25. No. 5. P. 582–597. DOI: 10.1177/1028315320963514
56. Netz N., Hampel S., Aman V. What effects does international mobility have on scientists' careers? A systematic review. *Research Evaluation*. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 327–351. DOI: 10.1093/reseval/rvaa007
57. Sang K., Calvard T. "I'm a migrant, but I'm the right sort of migrant": Hegemonic masculinity, whiteness, intersectional privilege and (dis)advantage in migratory academic careers. *Gender, Work & Organization*. 2019. Vol. 26. No. 10. P. 1506–1525. DOI: 10.1111/gwao.12382
58. Scellato G., Franzoni C., Stephan P. Mobile Scientists and International Networks. *National Bureau of Economic Research Working Paper*. 2012. No. 18613. P. 1–33. DOI: 10.3386/w18613
59. Subbotin A., Aref S. Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996–2020. *Scientometrics*. 2021. No. 126. P. 7875–7900. DOI: 10.1007/s11192-021-04091-x

Статья поступила в редакцию: 07.12.2023; поступила после рецензирования и доработки: 03.02.2024; принята к публикации: 15.03.2024.

Received: 07.12.2023; revised after review: 03.02.2024; accepted for publication: 15.03.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.7

EDN: ONMVOY

М.А. КОЗЛОВА¹, О.А. СИМОНОВА¹, О.Н. МАДФЕС¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЫЩЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА¹

Аннотация. Данная статья нацелена на анализ потенциала социальных партнерств школы в решении проблем насыщения образовательной среды и преодоления образовательного неравенства. Школа рассматривается как особая среда, аккумулирующая финансовые, культурные, социальные ресурсы. Принятие постсоветской школой курса на неоменеджериализм предполагает относительную автономию школ и стимулирование конкуренции между ними. Следствием выступает трансформация функций и форм социальных партнерств школы по сравнению с советским периодом. Именно в логике неоменеджериализма социальные партнерства репрезентируются как ведущий инструмент преодоления неравенства в доступе к получению качественных образовательных услуг. Эмпирическую базу составили 88 интервью с сотрудниками средних общеобразовательных учебных заведений Пермского края. На основе анализа интервью эксплицированы интерпретации смыслов и оценки эффектов социальных партнерств школы участниками образовательного процесса, в результате чего выделены возможные риски социальных партнерств: риск углубления образовательного неравенства между школами и участие школ посредством партнерств в сфере экспериментирования, не регламентированного государством. Выявлена диспропорция в широте, разнообразии и устойчиво-

¹ Публикация подготовлена в ходе работы научно-учебной группы (НУГ № 23-00-024) «Дружелюбная образовательная среда: на перекрестке интересов школы и города» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022–2023 гг.

сти партнерств между «престижными» школами и школами с невысокими позициями в рейтингах, что согласуется с общим постсоветским трендом дифференциации школ и соответственно с различиями в успешности формирования насыщенной образовательной среды, приводящими к риску углубления образовательного неравенства. Проанализированы специфические черты локальных, организационных и структурных барьеров к установлению школой социальных партнерств, потенциально способствующих преодолению образовательного неравенства.

Ключевые слова: образовательная среда; образовательное неравенство; социальные партнерства; постсоветская школа; неоменеджериализм.

Для цитирования: Козлова М.А., Симонова О.А., Мадфес О.Н. Социальные партнерства современной российской школы как инструменты формирования насыщенной образовательной среды и преодоления неравенства // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.7 EDN: ONMVOY

Введение

Традиционно школа как социальный институт ориентирована на выполнение функции культурного и социального воспроизводства. Однако «традиционная система образования, хотя и является мощной и достаточно плодотворной, тем не менее не справляется с решением тех образовательных задач, которые возникают в ходе общественного развития» [1]. Три десятилетия назад нерелевантность условиям и запросам современности воспроизводимых российским образованием ценностей и инструментов их имплементации, сложившихся в советской школе, остро проявилась в таких аспектах, как углубление разрыва между требованиями практики и транслируемыми образованием знаниями и навыками, медленное развитие образовательных технологий и внедрение инноваций, кризис управления, эффективности и производительности образовательной системы, обостряющий проблемы образовательного неравенства.

Ориентируясь на решение актуальных проблем школы, необходимо признать определяющую роль в процессе обучения образовательной среды — системы прямых и косвенных воспитательно-образовательных воздействий, охватывающей как физические (здания, помещения, технологии и т. д.), так и социально-психологические (взаимоотношения с учащимися, настроение, мотивация, явно и неявно представленные психолого-педагогические установки учителей и др.) аспекты, которые характеризуют цели, задачи, методы, средства и формы образовательного процесса в данной школе [37], влияющей как на процесс, так и на результаты обучения [30; 31; 49]. В последние десятилетия в контексте национальных реформ образования в разных странах наблюдается рост вовлеченности внешних по отношению к школе организаций в систему образования — выстраивание школой системы внутри-

и межсекторных социальных партнерств [16; 19; 39; 51]. При этом общей целью установления разных партнерств является формирование обогащенной и мотивирующей образовательной среды, характеризующейся эффективным преподаванием и учебой, инклюзивностью и равенством, безопасностью и соучастием обучающихся и обучающихся на основе разделяемых ценностей и норм [35].

Данная статья нацелена на анализ потенциала социальных партнерств школы в решении проблем насыщения образовательной среды и преодоления образовательного неравенства. Ставя вопрос о том, каким образом социальные партнерства могут этому способствовать, рассмотрим его в контексте, демонстрирующем уникальность российского случая. Поскольку современное состояние социального партнерства российских школ в определенной степени обусловлено переходом от советской системы образования к постсоветской, кратко рассмотрим содержание ключевых концептов исследования в исторической перспективе для фокусировки исследовательских вопросов. После этого представим дизайн проведенного эмпирического исследования и полученные результаты.

Образовательное неравенство как менеджериальная проблема и предмет социологического исследования российской школы

Образовательное неравенство — сложный феномен, который предполагает разнообразие проявлений и может быть концептуализирован на разных уровнях. Соответственно, необходимо определить, какое именно неравенство попадает в фокус нашего рассмотрения. Если представлять проявления образовательного неравенства в трех составляющих:

- (не)равенство стартовых образовательных возможностей (социальный и культурный капитал семей учащихся, поведенческие стратегии родителей по отношению к детям и ожидания в отношении их образовательных траекторий и результатов, индивидуальные особенности ребенка) [29];
- (не)равенство образовательного процесса (наличие у школы статуса/специализации, доля учителей с высшей педагогической категорией) [7];
- (не)равенство результатов образовательного процесса (средневзвешенная величина по ЕГЭ, доля призеров олимпиад по школе; доля выпускников, поступивших в вуз) [7],

а уровни его проявления соотнести с уровнями дифференциации субъектов образовательного процесса, дифференцируя тем самым и его источники (факторы) как:

- сам учащийся (его/ее индивидуальные особенности);
- его/ее семья (экономический, социальный, культурный капитал);

- школа (материально-техническая обеспеченность, уровень преподавания, образовательный климат);
- регион проживания (уровень развития объектов социальной инфраструктуры, наличие и престижность образовательных учреждений среднего общего и профессионального и высшего образования),

то центральным для нашего исследования, охватывающего школы одного региона, становится *(не)равенство образовательного процесса, обусловленное состоянием школ.*

В середине 1980-х гг. подход, акцентирующий внимание на различиях индивидуальных характеристик учащихся и их социального происхождения [22], уступает доминирующие позиции подходу, сфокусированному на различиях в организации школ, взаимодействии участников образовательного процесса, создании дружелюбного климата в школе [23]. Школы начинают рассматриваться как сообщества, аккумулирующие финансовые и культурные ресурсы. Соответственно, отмечается, что в «неуспешных» школах концентрируют ресурсы «отрицательные», а в «успешных» — «положительные»: социальный и культурный капитал родителей и сверстников, квалификация и мотивация учителей, качество оборудования и наличие вспомогательного персонала (психологов, тьюторов и т. п.) [10; 47]. И хотя эффективное использование ресурсов для достижения высоких образовательных результатов может иметь большее значение, нежели сам факт их наличия [33; 34], такие ресурсы, как квалификация участников образовательного процесса, в том числе представляющих административный аппарат школ, автоматически конвертируются в показатели качества процесса и результатов обучения.

Значимость совокупности школьных факторов оценивается исследователями по-разному в зависимости от культурного и социального контекстов. Например, указывается, что в развивающихся странах от 40 до 60% изменений в успеваемости учащихся могут зависеть от выбора школы [33]. Данные, полученные в развитых странах, напротив, позволяют исследователям заключить, что только около 20% вариаций успеваемости учащихся наблюдаются между школами, а остальные 80% — внутри школ [23]. Российские исследователи на основе комплекса критериев, характеризующих результативность обучения (доля учеников с ЕГЭ выше 70 баллов; средневзвешенная величина по ЕГЭ; доля призеров олимпиад по школе; доля выпускников, поступивших в вуз) и сам процесс (наличие у школы статуса/специализации; доля учителей с высшей педагогической категорией), выделили 8 кластеров школ, где восьмой, самый успешный, кластер — это элитные гимназии и лицеи, расположенные в основном в областных центрах, в которых большое число победителей и призеров олимпиад, наибольшая доля

учащихся 11-го класса, пользующихся дополнительными образовательными услугами на платной основе, и выпускники практически всегда гарантированно поступают в высшие учебные заведения, а школы, составившие первый кластер, демонстрируют самые низкие показатели по доле учащихся с показателями ЕГЭ выше 70 баллов и количеству призеров олимпиад. В данный кластер в основном входят сельские школы с низкой материальной базой и низким уровнем обеспечения учебного процесса [7]. Таким образом, для России неравенство между школами остается высокосignификантным фактором образовательного неравенства.

В качестве фактора аккумуляции и эффективной конвертации ресурсов на уровне школы в современных условиях и возможного ослабления образовательного неравенства потенциально способна выступить ориентация школы на запросы и возможности внешней социальной среды [35], взаимодействие с внешними организациями, которые выступали бы в качестве социальных партнеров, обеспечивающих поддержку по целому спектру образовательных задач. Безусловно, российская педагогика накопила обширный опыт выстраивания связей «школы и общества», «учебы и жизни». В советское время взаимодействия школ с иными организациями были ориентированы преимущественно на приобщение школьников к трудовой этике и государственной идеологии посредством реализации программ трудового воспитания на площадках промышленных и — чаще — сельскохозяйственных производств [14]. Школы, как и образовательные организации иных уровней (профессиональные училища, вузы), рассматривались в качестве источников низкоквалифицированной рабочей силы, которую государство могло использовать по своему усмотрению. Несмотря на то что партнерскими такие отношения назвать можно с большой натяжкой, они относительно успешно транслировали ценности равенства и именно в этом — ценностно-фундированном моральном — измерении если и не преодолевали неравенство, то делали его менее явным [13].

Однако в 1990-е гг. плановый стейкистский подход сменился либеральным в экономике и неоменеджеральным в управлении, что не только актуализировало проблемы релевантности школьного образования запросам как непосредственных участников, так и стейкхолдеров, но и обострило проблему образовательного неравенства. Прежние модели партнерств лишились как моральной опоры, так и административных и экономических инструментов: при уходе от советской системы участие государства в школьном образовании резко снизилось, увеличилась дифференциация и конкуренция школ [4; 9]. Принятие курса на неоменеджериализм, предполагающий относительно автономия школ и стимулирование их конкуренции [5], привело к трансформациям функций и форм социальных партнерств. Именно в логике неоменеджериализма социальные партнерства как взаимодействия автономных от государственного контроля (в отли-

чие от советского времени) и относительно равноправных агентов репрезентируются как ведущий инструмент преодоления неравенства между школами в доступе к получению качественных образовательных услуг [39].

Социальные партнерства школ как неоменеджериалистский инструмент преодоления неравенства

В контексте неоменеджериалистских реформ вовлечение внешних по отношению к школе организаций призвано способствовать улучшению качества школьного образования за счет использования потенциала, ресурсов и экспертных знаний коммерческих и общественных организаций [24; 46] и обеспечения равных возможностей в доступе к качественному образованию для всех [27; 28; 38–40; 53]. Таким образом, миссия социальных партнерств образовательной направленности описывается как содействие созданию более просвещенного общества и разрешению социальных проблем [52; 54] посредством улучшения состояния конкретных школ, испытывающих трудности [45], поддержания культурного разнообразия [43] и развития инновационной составляющей образования [25; 39]. Однако по мере расширения академической рефлексии о сути и эффектах партнерств появляются данные, оспаривающие безусловность конструктивных эффектов от взаимодействий школы с внешними партнерами [53]. В числе возможных рисков для школы указывается, что субъекты взаимодействий могут оказывать влияние на образовательную политику и практики, используя финансовые рычаги и/или политическое влияние, что может приводить к закреплению социального неравенства, лишению голоса и исключению из образовательного пространства субъектов, соответствующими ресурсами не обладающих [20; 21; 50; 54], а также к подрыву относительной автономии школы в вопросах формирования учебных и внеучебных планов или управления текущими процессами [38; 53].

В современном российском образовательном пространстве практики сотрудничества школ с внешними организациями и сообществами нельзя назвать массовыми. Единичный характер имеют и российские исследования потенциальных эффектов внутри- и межсекторных партнерств школы. Предлагая восполнить этот пробел и фокусируясь на анализе образовательной среды школы как участника социальных партнерств, мы ставим следующие исследовательские вопросы:

- Как государственные (муниципальные), частные (бизнес) и общественные (локальные «низовые» инициативы, НКО) ресурсы используются школами для реализации образовательных проектов?
- Какие аспекты затрудняют подобное использование указанных ресурсов в образовательном пространстве школ, каковы барьеры развития социальных партнерств?

Безусловно, выбранный нами исследовательский фокус нельзя считать новым и уникальным для исследований в сфере образования — как социологической, так и менеджериальной направленности. Результаты мониторинговых исследований², нацеленные на анализ процессуального и итогового образовательного неравенства на уровне школ, стали основой разработки федеральных и региональных программ поддержки школ, в числе которых вовлечение в образовательный процесс семей³, партнерство со школами-лидерами, изменение организационной культуры и системы управления, повышение квалификации, специальный подбор и подготовка руководителей школ⁴, регулярное и дополнительное целевое финансирование программ улучшения результатов школ и некоторые другие меры [6]. В этом спектре мер и программ направление, связанное с внутри- и межсекторными партнерствами школ, играет, как видно, ключевую роль. Однако наше исследование, основанное не на типичном для такого рода тем количественном (мониторинговом), а на качественном опросном методе сбора данных, позволит эксплицировать интерпретации смыслов, оценки эффектов социальных партнерств школы участниками образовательного процесса и их представления о барьерах, снижающих эффективность партнерств в преодолении образовательного неравенства.

Организация и методы исследования

Указанные вопросы мы рассмотрим на примере школ городов Пермского края. Целесообразность фокусирования на конкретном регионе подтверждается исследованиями, показывающими, что инновации в школах зависят не только от федеральных и низовых инициатив, но и от среды, созданной органами управления на местном уровне [13]. Регион выбран на основании сочетания его социально-экономических характеристик и показателей эффективности системы среднего общего образования. По экономическим характеристикам Пермский край может быть отнесен к разряду «типичных» российских регионов. Он занимает средние места в рейтингах: 28-е место из 85 по размеру

² Федеральный аккредитационный мониторинг. Правительство Российской Федерации. Постановление от 5 августа 2013 г. № 662 «Об осуществлении мониторинга системы образования». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102167218&intelsearch> (дата обращения 16.06.2023).

³ Региональная программа формирования и развития партнерских отношений образовательной организации и семьи на 2021–2025 (г. Владимир). — URL: https://t21948u.sch.obrazovanie33.ru/upload/site_files/8u/regionalnaya-programma-semya-i-oo-2021-2025-2.pdf (дата обращения 16.11.2023).

⁴ Программа курса повышения квалификации руководителей общеобразовательных учреждений [электронный ресурс]. — URL: <https://pandia.ru/text/77/105/133.php> (дата обращения 16.11.2023).

номинальной начисленной заработной платы, 50–59-е место по уровню безработицы, 48–49-е по индексу промышленного производства, 49-е место по качеству жизни⁵. При этом по качеству образования Пермский край входит в топ-10 российских регионов⁶, средние баллы ЕГЭ выпускников школ Пермского края превосходят средние по РФ показатели абсолютно по всем предметам⁷. Это сочетание показателей делает регион интересным кейсом, позволяя предположить возможность тиражирования накопленного школами края опыта развития образовательной среды на другие российские регионы. В апреле 2022 г. в школах Пермского края было собрано 88 интервью с сотрудниками государственных средних общеобразовательных учебных заведений (школ (далее — СОШ), гимназий, лицеев): с директорами (N = 10), их заместителями (N = 23) и педагогами (N = 55), а также 46 интервью с сотрудниками внешних по отношению к школам организаций (культурных институций (N = 21), отделов образования (N = 3), бизнес-структур (N = 6), некоммерческих организаций (N = 11), вузов (N = 5)), имеющих опыт или обладающих экспертным знанием о социальных партнерствах школы. Выборка формировалась методом «снежного кома». В роли гейт-киперов выступили сотрудники университетов Перми (ПГГПУ, ПГУ, НИУ ВШЭ-Пермь).

Была достигнута широкая география исследования. Интервью собраны в восьми населенных пунктах — семи городах и одном поселке. Это: Пермь (миллионник) — 13 интервью в 5 школах, Березники (большой город) — 11 интервью в 6 школах, Чайковский (средний город) — 21 интервью в 6 школах, Кунгур (средний город) — 8 интервью в 3 школах, Лысьва (средний город) — 8 интервью в 4 школах, Соликамск (средний город) — 3 интервью в 2 школах, Чусовой (малый город) — 6 интервью в 2 школах, Кудымкар (малый город; город краевого значения) — 16 интервью в 3 школах и Полазна (поселок городского типа) — 2 интервью в 2 школах. За редким исключением (1 директор, 1 заместитель директора, 1 учитель физкультуры), в ин-

⁵ Пермский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермь: ТО ФГСГС. — URL: <https://59.rosstat.gov.ru/folder/3346>. — 195 с. (дата обращения 16.06.2023).

⁶ Рособрандзор. Официальный сайт. 2022. — URL: <https://obrnadzor.gov.ru/tag/ege-2022/> (дата обращения 16.06.2023).

⁷ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Пермского края «Образование и молодежная политика» за 2020 г. Министерство образования и науки Пермского края. 2021. — URL: <https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/71977/?ysclid=lp1fqiz2zh20030588> (дата обращения 17.11.2023).

тервью с сотрудниками школ участвовали женщины, что отражает существенную гендерную диспропорцию в педагогических коллективах.

Интервью проводились очно в здании школы. В роли интервьюеров выступили научные сотрудники и студенты НИУ ВШЭ (12 человек представляли пермский кампус, 12 — московский), которые прошли подготовку по освоению метода интервью и были погружены в исследовательскую проблематику. Средняя продолжительность интервью — 73 минуты.

Все интервью были транскрибированы и анонимизированы. Далее при включении в текст статьи цитат из интервью упоминаются название населенного пункта и тип организации, где работает информант; сведения о должности и прочая личная информация не приводятся для обеспечения гарантированной информантам анонимности.

Гайд интервью содержал вопросы об участии школы в социальных партнерствах, включая суть реализуемого в партнерстве проекта, описание процесса и участников коллаборации и оценку проекта информантом. Анализ транскриптов основан на осевом и последующем выборочном кодировании. На первом этапе анализа реконструировалось описание проектов, реализуемых в партнерстве, где в качестве осей рассматривались предметная (целевая) направленность проекта, вовлеченные во взаимодействие акторы, инициатор проекта, характер взаимодействий участников. Это позволило типологизировать направления партнерств. На втором этапе — выборочного кодирования — предметом анализа стали оценки акторами, вовлеченными в образовательный процесс, осуществления, результатов и перспектив социальных партнерств, что позволило сделать вывод о потенциальных эффектах этих партнерств и барьеров на пути их реализации.

Полученные результаты

Рассмотрим прежде всего спектр партнеров, с которыми школы Пермского края поддерживают устойчивые, то есть повторяющиеся, воспроизводимые отношения как в решении задач, возникающих в контексте школьной повседневности, так и связанные с реализацией проектной деятельности, ограниченной целевой установкой и сроками, принимая во внимание предметное содержание партнерств. В частности, рассмотрим партнерства с производственными организациями, образовательными институтами, дифференцируя образовательные организации по уровням образования (среднее общее, среднее профессиональное, высшее) и формам собственности (государственные, частные), и с общественными организациями. Отдельно рассмотрим характер формируемых школами Пермского края отношений с родителями учащихся, которые, с одной стороны, могут представлять любые из перечисленных типов организаций, а с другой — являются непосредственно мотивированными участниками образовательного процесса. При анализе каждого из названных типов социальных

партнерств постараемся эксплицировать мотивацию каждой стороны к выстраиванию и поддержанию партнерств, барьеры, а также взаимные выгоды отмеченных форм взаимодействий, что позволит в заключении статьи оценить их реальные и потенциальные эффекты в направлении снижения образовательного неравенства.

Участники межсекторных партнерств

Первый, наиболее традиционный, тип партнеров — производство (государственный и частный бизнес, производственные организации). При этом производственные организации заинтересованы в ранней профориентации и формировании у школьников мотивации к освоению востребованных на производстве профессий. Школам подобные партнерства дают возможность решать широкий спектр задач, очерченных Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) по всем ключевым направлениям оценки результатов освоения образовательной программы: личностным, метапредметным и предметным. Так, в направлении оптимизации формирования предметных компетенций такого рода партнерства предоставляют школам необходимую материально-техническую базу как практической, так и теоретической подготовки школьников, включая оснащение непосредственно школьных кабинетов:

...благодаря сотрудничеству с предприятием в нашей школе новейшее лабораторное оборудование по химии, физике, биологии (Чайковский, СОШ)

и возможности проведения занятий на базе производственной организации:

...у нас в классах технологического профиля имеются уроки на производстве, и не всегда дети готовы решать те производственные задачи, которые на предприятии ставятся. То есть они прямо теряются. Иногда даже отказываются от таких заданий (Чайковский, гимназия).

Использованием оборудования, имеющегося на производстве, партнерство не ограничивается. Такого рода партнерства позволяют качественно изменить содержание обучения: они дают возможность педагогам актуализировать и одновременно проблематизировать обучение детей по отдельным дисциплинам, с одной стороны, представляя направления применения полученных в школе знаний, а с другой — демонстрируя их ограниченность, недостаточность для решения тех же актуализированных «жизненных» (как бытовых, так и производственных) задач. Важнейший тип «новых продуктов», формирующихся в такого рода партнерствах, — продукты образовательные: разного рода конкурсы, интеллектуальные игры и квесты, участие в которых требует комплексного использования «школьных» и «реальных» знаний и навыков, позволяющих «прорешивать практические задания, которые не имеют явного ответа» (Чайковский, гимназия).

Взаимовыгодное сотрудничество с производственными организациями позволяет школам решать широкий спектр задач по профори-

ентации учащихся, непосредственно корреспондирующих с мета-предметными задачами формирования мировоззрения, навыков целеполагания, коммуникативной компетентности, основ экологической культуры:

...напротив школы большое предприятие — лидер в сфере легкой промышленности. Они являются многопрофильным предприятием: у них есть непосредственно ткацкое, прядильное, красильное производство, своя котельная, продвинутый IT-отдел, отдел переводчиков, отдел юридического сопровождения, отдел планирования, экономический отдел и т. д. Мы с ними сотрудничаем как раз в этом смысле: сначала формируем у детей с 7-го класса представление о современном крупном предприятии; они должны понимать, что это такое и что здесь все профили представлены. А потом мы уже организуем практики, профпробы по этим отделам для профилей, которые у нас являются ведущими. Это очень гармонично дополняет нашу работу по предпрофильности, профильности и по профориентации (Чайковский, СОШ).

Это, в общем, очевидная, лежащая на поверхности задача партнерства школ с производственными предприятиями. Однако при обсуждении данной темы информанты особенно часто сообщали о «побочном», незапланированном изначально эффекте: о повышении квалификации сотрудников школ (педагогов, специалистов), развитии социального, человеческого и символического капитала как отдельных сотрудников, так и самой образовательной организации:

Это взаимодействие со специалистами и инженерами положительно влияет в том числе на учителей. Потому что у нас один тип мышления, у них — совершенно другой, когда это сочетается, получается некий новый продукт (Чайковский, гимназия).

Однако учителя сообщают и о случаях отказа предприятий от сотрудничества:

...сейчас как-то предприятия... они отстраненно, отдельно, не пускают. Чтобы попасть в тот же самый «Газпром», я не знаю там, сколько нужно справок взять (Чайковский, СОШ).

Кроме того, такого рода партнерства неизбежно конфликтуют с традиционной интерпретацией роли школьного учителя как соло-транслятора бесспорных истин, требуют от него/нее принятия позиции исследователя различных аспектов педагогической деятельности в соответствии с индивидуальными профессиональными интересами и предметной сферы реализации преподавательской деятельности. Однако готовность к такой работе, предполагающей методические и личностные трансформации, не говоря уже о наличии сил и времени на подготовку программы или мероприятия, непосредственное участие в проведении и рефлексии результатов, естественно, демонстрируют не все педагоги:

Кто-то просто отказывается, ссылаясь на нагрузку, некоторые сомневаются, есть ли в этом смысл, я вот думала, что можно попробовать, но это очень много времени требует... (Лысва, СОШ).

В ряде случаев это ожидание сопротивления настолько велико, что учителя-инициаторы или участники партнерств даже не информируют коллег о реализуемых проектах:

...учителей мы почти не затрагиваем, потому что сейчас кадровый голод везде в образовании, если мы понимаем, что учитель работает в две ставки, что с утра и до ночи, а плюс тетрадки и все остальное, то зачем их затягивать (Березники, СОШ).

Недостаточно выстроена в некоторых образовательных организациях и сама система внутри- и межорганизационных профессиональных коммуникаций, причем в первую очередь не в формальных, а в содержательных аспектах:

Когда первый раз только мы вышли на дистант, у нас установочный был педсовет, где нам рассказали, какие есть форумы, как использовать электронные ресурсы, какие использовать... А потом, чтобы проанализировать, как это у нас прошло, вот такого не было. Чтобы мы все сели, всей школой, проанализировали: а вообще, что-то у нас получилось или нет? Вот такого опыта не было, к сожалению (Кудымкар, СОШ).

Второе ключевое направление поиска партнеров — академическая среда. Это направление включает партнерства и взаимодействия с тремя типами акторов: другие государственные образовательные учреждения среднего (общего или специального) образования, вузы, частный бизнес образовательной направленности.

Сотрудничество с другими государственными организациями среднего образования решает в первую очередь уже упоминавшиеся задачи профориентации, а также повышения квалификации и обмена опытом учителей в рамках методических объединений по отдельным предметам или предметным областям. Задачи в сфере профориентационной работы требуют комплексного подхода, включая этапы проагитации, профинформирования и профдиагностики. Пожалуй, только диагностические задачи могут эффективно решаться на уровне самой школы при наличии в штате психолога и/или узкого специалиста по профориентации. Решение агитационных и информационных задач на «теоретическом» уровне без вовлечения практиков имеет ограниченную мотивирующую эффективность [3]:

Буквально в субботу прошло мероприятие, называлось «Сердце — поиск истины», где дети с разных точек зрения рассматривали сердце. Я являюсь учителем физики. У меня инженерно-технологический профиль. У нас есть еще научный и социально-экономический. Нам предприятие подарило кардиограф. И в рамках нашей площадки дети снимали кардиограммы, то есть изучали принцип работы. С нами еще в сотрудничестве был медицинский колледж. Там был преподаватель, потому что мы в каких-то вопросах некомпетентны. Он нам все это показывал (Чайковский, СОШ).

Так, помимо решения профориентационных задач, партнерства школ с организациями СПО способствуют развитию метапредметных и предметных компетенций.

Партнерские отношения с вузами в этом направлении ставят задачи, предполагающие поэтапную реализацию в контексте удаленных целей: углубленное изучение отдельных предметов, формирование у школьников исследовательских и практико-ориентированных компетенций и мотивации к получению высшего образования:

У нас уже несколько лет активно ведется работа по поиску научных руководителей, и дети в течение полутора лет работают с аспирантами университета по написанию своих работ. Разный уровень, но у кого-то, кому это интересно, у кого прямо получается уже со школьной скамьи, у них есть возможность такой рывок сделать (Пермь, лицей).

Вузы, вступая в подобные партнерства, заинтересованы в формировании лояльности потенциальных абитуриентов. Этот факт, с одной стороны, оказывается эффективным мотиватором для участия в такого рода партнерствах на постоянной основе, а с другой — побуждает вузы дифференцировать школы по критерию перспективности «поставки абитуриентов» и их «качества». В результате об институционализированных партнерских отношениях с вузами говорят представители школ, занимающих высокие места в рейтингах эффективности, престижных школ крупных и средних городов. Представители школ, не демонстрирующих высоких показателей эффективности, упоминают опыт сотрудничества с отдельными представителями академической среды, который либо имеет спорадический характер, либо был в прошлом, то есть представляет собой неинституционализированные коммуникативные события, основанные на личной мотивации и доброй воле участников, не имеет устойчивого характера с предсказуемым исходом и потенциала для тиражирования.

Попытки выравнять «шансы» школ с разными позициями в рейтингах, предпринимаемые самими школами и вышестоящими структурами, включают стажировки и иные форматы обмена опытом представителей педагогического коллектива и администрации более успешных школ:

...мы организуем стажировочные площадки как управленческой направленности, рассказываем, какие механизмы мы используем в управлении, так и отдельно для педагогов-предметников (Пермь, лицей).

Однако широкие возможности, которые открываются в этом направлении при освоении и активном использовании цифровых технологий, используются школами лишь частично. Причинами этого являются как недостаточное техническое оснащение школ и неравные возможности семей учащихся эту недостаточность компенсировать:

Если бы у школы была возможность даже материально, наверное, в большей степени бы оснащение было, цифровизация бы была больше. Это показало, когда мы сидели в пандемии, было сложно сидеть и вести уроки онлайн (Чайковский, СОШ),

Сельская местность, очень слабый Интернет, поэтому проводить дистанционные уроки в пандемию не было никакой возможности. Мы составляли индивидуальное расписание и пользовались телефонной связью (Коми-Пермяцкий округ, СОШ),

так и недостаточная осведомленность, а значит, мотивированность, учителей о возможностях насыщения образовательной среды и преодоления образовательного неравенства посредством использования цифровых ресурсов и инструментов:

...можно слышать, можно читать, но почему-то огромное количество технологий и приемов, которые транслируются, не приживаются у педагогов. Потому что нет у них потребности в этом (Чайковский, СОШ).

В отношении сотрудничества общеобразовательных школ с коммерческими образовательными проектами представители последних демонстрируют скорее социальную, нежели коммерческую, мотивацию:

Главная наша миссия — это малым городам дать специалистов высокообразованных, чтобы дать равные возможности провинциальным и городским ребятам (Березники, образовательный бизнес).

Однако это направление партнерства, как правило, рассматривается обеими сторонами в качестве сопряженного с необходимостью преодоления многочисленных барьеров, в первую очередь связанных со сложностью документирования и согласования проектов. Школы сетуют на непонимание необходимости таких действий со стороны представителей бизнеса, представители бизнеса рассматривают «бумажную волокиту» как процесс, требующий излишних временных затрат, а значит, приводящий к потерям потенциального дохода:

Проблема, как правило, в территориальном отделе образования. Если отдел образования более-менее — люди, которые открыты новшествами, — было попроще. Есть люди законсервированные, системного формата, которые «ну, мы же и так жили хорошо, что ты лезешь» — было и такое. Но, в принципе, бизнес тем и бизнес, извините за выражение, иногда нам ...[обценное слово] на государственные службы, потому что они не имеют над нами нормативно-правовой власти, поэтому не могут диктовать нам правила. В итоге мы со школами, в принципе, параллельно существуем (Березники, образовательный бизнес).

С общественными организациями (АНО) общеобразовательным школам проще установить взаимопонимание, и это следующее направление потенциального развития партнерств. Включение некоммерческой организации в официальный реестр поставщиков социальных услуг легитимирует ее присутствие в образовательном пространстве и отношения с государственной образовательной организацией, а предлагаемые программы позволяют школам разнообразить в некоторых случаях учебную, но чаще — внеучебную деятельность, что позволяет выполнять целый комплекс как образовательных, так и воспитательных задач, формирует компетенции личностного, мета-

предметного и в некоторых случаях предметного плана. Так, в приведенной цитате отмечается, что АНО готово взять на себя преподавание конкретной дисциплины:

Самая насыщенная — это программа обучения коми-пермяцкому языку через веселые уроки. И школы нас ждут и рады, когда люди приходят и у них готовые знания есть, то есть не надо самим в материалах копать. И если получим грант на этот проект, то целый год будем в школе преподавать краеведение, и, кстати, с патриотической ноткой, когда, знаете, я горжусь своей землей, я горжусь своим народом, я горжусь его достижениями, его талантом, его красотой, богатством, культурой, и я вижу, что я могу здесь сделать. Например, когда вырасту, могу выучиться на дизайнера или открыть гостевые дома в старинных избах, например. То есть мы хотим детям показать, насколько они могут пригодиться на своей же земле (Кудымкар, АНО).

Однако реализовать эту миссию АНО сможет лишь при условии получения грантового финансирования. Таким образом, для обеих сторон сама возможность партнерства оказывается малоконтролируемым исходом работы по достижению предварительных договоренностей и, безусловно, подвергает сомнению вероятность тиражирования успешных практик.

Локальные сообщества — четвертое из ключевых направлений поиска внешних партнеров, реализуемое школами. Форматы такого рода партнерств очень разнообразны, однако предметное их содержание сфокусировано в первую очередь на поддержке уязвимых категорий населения и на краеведческой работе — как исследовательской, так и практической:

Я спросила ребят, есть ли в городе кто-то, кем они гордятся. Голосованием выбрали краеведа, который открывал пещеры, книгу написал. Дети захотели его имя оставить в городе и сделать доску мемориальную. Это вместе как-то рождалось: пошли рассказывать всем, конференции стали проводить, исследования, год работали и потом заинтересовали людей, и они стали спонсорами. Кто 100 рублей собирал, кто 200, кто 1000, в общем мы 9000 собрали, доску повесили, она сейчас есть. После этого много стало проектов, например «Добрый двор»: ребята выходили во дворы летом и играли с детьми во дворах. Потом есть «Дерево добра». Находили детей, которым нужна помощь, в основном эмоциональная, находили взрослых, которые хотят им помочь, и это взрослые покупали подарки и приходили на праздники, играли с ними. А потом эти дети сами стали эти акции проводить, это очень интересно: сам был участником акции, помнит, как взрослые ему краски подарили, потому что он любил рисовать, а потом он пришел поддержать традицию. Нынче у нас был спонсор, он подарил 260 подарков, и мы эти подарки раздали как раз по всему городу детям-инвалидам, детям в школах (Кунгур, СОШ).

Такого рода партнерства потенциально способствуют формированию полного спектра личностных компетенций, закрепленных во ФГОС, а также достижению ряда метапредметных результатов (умение планировать деятельность, организовывать сотрудничество, публично пред-

ставлять результаты деятельности и др.). Не требуя какого-либо внешнего финансирования, но подпитываясь энергией и усилиями местного сообщества, партнерства этого типа представляются доступными, но при этом эффективными не только для насыщения образовательной среды, но и для развития ее дружелюбности по отношению ко всем участникам.

Родители учащихся, естественным образом включенные как в локальные сообщества, так и в число непосредственных участников образовательного пространства, потенциально представляют собой эффективных акторов, которые способны содействовать развитию партнерств как с соседским сообществом, так и с разного профиля организациями города/поселка:

Есть у нас разные направления учебы, воспитательная работа, досуг, здоровье и так далее, где родители тоже в каждом направлении работают (Полазна, СОШ).

Однако зачастую школа, судя по сообщениям наших информантов, не склонна рассматривать родителей как партнеров, имеющих право выступать с собственными инициативами и участвовать в управлении образовательным и воспитательным процессом:

Мы несколько лет бились за то, чтобы детям начали преподавать родной язык. Целая группа родителей писали заявления, просили — а они (школа, педагогический коллектив) говорят: «Это внеучебная деятельность, у нас часов не хватает». И это при том, что мы же по закону имеем право обучать детей родному языку в рамках учебного плана... (Кудымкар, мама).

Родители наделяются школой правом наблюдать, оценивать, поддерживать (реализуемые в школе программы):

...в дни открытых дверей родителям было представлено абсолютно всё и внеурочная деятельность: они видели, что школа может предложить их детям (Полазна, СОШ).

...если, допустим, где-то надо проголосовать за проект, либо поддержать, либо написать какие-то комментарии, они охотно идут на это, то есть поддерживают (Лысьва, СОШ).

Таким образом, школы ставят родителей перед выбором: «поддерживайте или не мешайте», определяя роль семьи в продвижении культуры и политики (то есть ценностей, норм, паттернов поведения и ситуативных практик), предлагаемых школой, по сути, ограничивая родительскую агентность:

Мне кажется, надо чуть-чуть побольше прав учителям давать, поменьше родителям и ученикам чтобы было (Березники, СОШ).

Впрочем, даже с тем узким спектром задач, которые школа делегирует семье, родители, по оценкам наших информантов, справляются неудовлетворительно:

В школе сейчас трудно работать с детьми, с родителями еще труднее. Раньше если ребенок затрудняется в учебе, его отправляли в специальную

школу, и это было нетрудно сделать. Сейчас вот не отправляют, поэтому проблем сейчас больше стало с детьми, а еще родители. Родители считают, что вам отдали учить... Мне как-то один раз один папа так сказал: «Я вам отдал ребенка — всё, учите, пожалуйста» (Чусовой, СОШ).

В результате потенциал родительско-школьной коллаборации оказывается нераскрытым.

Обсуждение полученных результатов

Описанные формы и направления социальных партнерств, в которые встраивается или которые инициирует школа, потенциально способны восполнить пробелы в предметных аспектах, межпредметных связях и формировании «мягких навыков». Эти «пробелы», репрезентированные в начале статьи как очевидный для общественности, работодателей и представителей академической среды недостаток школьного образования, можно преодолеть в разных видах партнерств, которые формируют и/или развивают инновационный потенциал школы и способствуют снижению неравенства в доступе к качественному образованию для жителей удаленных от центра территорий, включая внегородские поселения, и для представителей социально уязвимых категорий населения. Оценка реализуемости этих потенциальных возможностей партнерств — безусловно, задача количественных (статистических и опросных) исследований. Однако наше исследование позволяет выявить воспринимаемые школами риски и барьеры межсекторных и внутрисекторных партнерств в сфере общего среднего образования, которые способны ослабить потенциал развития школы.

Понимая под барьерами факторы, создающие сложности для появления и развития партнерских проектов в образовании [8], типологизируем их, ориентируясь на модель, предложенную на основе рассмотрения процессов инновационного развития образовательных и культурных организаций (персональные, локальные, организационные и структурные барьеры) [48]. При этом мы призываем к осторожности в интерпретации таких барьеров, как отсутствие мотивации или нехватка времени, в качестве персональных, что в целом типично для подобных исследований [48]. Мы полагаем, что в основе барьеров подобного рода лежат факторы организационно-структурной природы: высокая нагрузка педагогов, недостаточная квалификация и/или осведомленность в вопросах инновационного развития школ и его механизмах, жесткость формальных рамок учебной программы, неудовлетворенность профессиональным ростом и проч. Совокупное действие этих факторов приводит к эмоциональному выгоранию специалистов [11], что, в свою очередь, порождает демотивацию и ощущение бесперспективности усилий, затрачиваемых сверх решения задач, непосредственно очерченных должностной

инструкций. Принимая во внимание этот аргумент, сосредоточимся на трех оставшихся уровнях действия барьеров по выстраиванию и развитию школами социальных партнерств, потенциально способных снизить уровень образовательного неравенства. Все эти барьеры в определенной степени являются продолжением советской системы [5], воспроизводя в образовании неравенство в сфере ресурсов между крупными и малыми городами, трудоемкий документооборот, зависимость успешности партнерства от инициативы школьных педагогов. Однако появляются и новые ограничения: отсутствие достаточной финансовой поддержки государства при сохранении идеологического и бюрократического контроля; распространение неоменеджерияльного подхода в управлении образовательной организацией, в результате чего большая часть нагрузки падает на низовых работников, увеличиваются их собственная ответственность за повышение своей квалификации и объем внешкольной деятельности; общий контекст неопределенности вследствие постоянных изменений и инноваций в системе образования [5; 7; 10; 12].

Локальные барьеры для выстраивания партнерств, эксплицированные в настоящем исследовании, связаны с недостаточностью ресурсов и возможностей, предоставляемых школам небольшими городами и поселками. Такого рода барьеры, как свидетельствуют полученные результаты, могут быть преодолены посредством онлайн-коммуникации и использования иных цифровых механизмов и ресурсов как повышения квалификации педагогов, так и просвещения учащихся и членов их семей. Однако в этом случае возникает проблема недостаточной квалификации педагогов в использовании такого рода цифровых возможностей — так называемое цифровое неравенство второго уровня [15; 44]. Здесь также воспроизводится разрыв между малыми и большими населенными пунктами, характерный для советского времени, но прежде всего в аспекте технологического неравенства, отсутствие которого облегчило бы реализацию разных типов партнерств [1; 12].

Организационные барьеры, как демонстрируют приведенные результаты, обусловлены сложившимися в конкретных образовательных организациях структурами коммуникативных процессов и практиками взаимного информирования о проектах, инициируемых отдельными представителями педагогического коллектива. Симметрично хорошо налаженные системы профессиональной коммуникации — как на уровне отдельной организации, так и между образовательными организациями города/поселка/региона в целом — выступают в роли фасилитатора проектов, реализуемых школой/школами в партнерстве с иными акторами. К этому типу ограничений относится и сложное документальное сопровождение, затрудняющее осуществление партнерских отношений и увеличивающее нагрузку на отдельных акторов процесса. Если в советское время документальное сопровождение

в целом тоже иногда затрудняло партнерские отношения, то в постсоветское время с курсом на неоменеджериализм этот вид нагрузки более существенно влияет на проявление инициативы работников и осуществление партнерств [12].

Структурные барьеры охватывают те аспекты, которые ранее были упомянуты как источники эмоционального выгорания педагогов: недостаток времени и сил, жесткость рамок образовательных планов и программ и т. д. К этому же типу, на наш взгляд, могут быть отнесены и культурные барьеры, в частности, низкий уровень взаимного доверия школы и локального сообщества, включающего семьи учащихся, тогда как конструктивное партнерство с последними могло бы способствовать другим видам партнерства и ресурсной поддержки [2]. В постсоветское время новые менеджериалистские принципы управления вместе с эмансипацией образовательной сферы усилили конкуренцию между различными образовательными учреждениями и отдельными педагогическими работниками, в том числе в сфере социального партнерства, что требует постоянного увеличения нагрузок, поиска новых партнеров и поддержания взаимодействия с ними [7; 9; 10].

Для понимания, в какой мере представленные партнерства могут способствовать преодолению образовательного неравенства и какие риски они влекут, первое, на что мы считаем важным обратить внимание по результатам нашего исследования, — это существенная диспропорция в широте, разнообразии и устойчивости партнерств между престижными школами и школами с не самыми высокими позициями в рейтингах. Это согласуется с общим постсоветским трендом дифференциации школ и, соответственно, с различиями в успешности формирования насыщенной образовательной среды, приводящими к риску углубления образовательного неравенства. Попытки региональных отделов образования в сотрудничестве с высокорейтинговыми школами минимизировать эту диспропорцию реализуются через разные форматы обмена опытом (конференции, методические объединения, мастер-классы и т. д.). Однако партнерства с «хорошими» школами и гимназиями оказываются привлекательными для самых разных акторов, социальный капитал таких школ начинает прирастать еще более высокими темпами и легко конвертируется как в культурный, так и в финансовый. В результате складывается ситуация непреодолимого разрыва, что делает практически невозможным тиражирование реализуемых высокорейтинговыми школами практик в реалиях других школ. Оказывается, формируемая в рамках конференций и мастер-классов мотивация инновационной трансформации школы и даже знания о технологиях ее осуществления и продвижения недостаточны, необходимы драйверы, способные не только запустить, но и поддерживать этот процесс. Для потенциальных институциональных драйверов непрестижные

школы оказываются непривлекательными, а ресурс «низовых инициатив» школы использовать пока не научились. Таким образом, первый тип рисков, которые мы можем эксплицировать по результатам проведенного исследования, определяется тем, что участие или неучастие школ в социальных партнерствах может приводить к закреплению образовательного и социального неравенства и исключению из образовательного пространства субъектов, изначально не обладающих необходимыми ресурсами. Если в советское время у школ в этом отношении была гарантированная — хотя и не всегда эффективная — государственная поддержка, то при неолиберальном управлении важно создать условия для сотрудничества и беспроблемной коммуникации между школами и партнерами.

Предприятия и организации государственного сектора (производственные и академические) имеют ограниченный потенциал в перспективе преодоления обсуждаемого разрыва: как правило, у них нет свободного ресурса (финансового, кадрового и т. п.), которым они могли бы поделиться со школой. Эту задачу могут и, как свидетельствуют интервью, готовы взять на себя образовательный бизнес и общественные организации, что будет способствовать повышению качества и разнообразия образовательных результатов, снижать или предотвращать формирование негативного отношения учащихся к школе и учебе. Однако «открытая» школа, вовлекающая разных акторов, активно работающая с локальными сообществами, трансформирующаяся под запросы субъектов, включенных в образовательный процесс, лишается стабильности, попадает в ситуацию постоянных экспериментов и изменений [17; 42]. Второй тип рисков, таким образом, связан с вторжением школы посредством партнерств в сферу не регламентированного государством экспериментирования. Государство в ответ, оставляя либеральную неоменеджеральную идею на декларативном уровне, а по сути, возвращаясь к советской стейтистской модели управления средним общим образованием, усиливает контроль и требования отчетности, что демотивирует как внешних участников, так и акторов, непосредственно включенных в образовательный процесс. Ключевым направлением, позволяющим разорвать этот замкнутый круг, могла бы стать широкая публичная дискуссия, поддерживающая и развивающая перспективы социальных партнерств в деле создания обогащенной образовательной среды и преодоления образовательного неравенства. Публичная дискуссия даст возможность не только расширить спектр вовлекаемых в образовательные партнерства акторов, но и переориентировать инструменты отчетности школ. Отчетность должна работать как инструмент не ведомственного контроля и давления, а информирования общества о достижениях и сложностях. Позволяя, таким образом, обеспечить адресность поддержки в решении конкретной школой конкретных

задач, публичность будет способствовать пересмотру возможностей социальных партнерств и реализации потенциала автономности школ в выстраивании своей среды и преодолении образовательного неравенства на уровне школ и территорий.

**Заключение. Социальные партнерства школы
в воспроизводстве образовательного неравенства**

Как демонстрируют полученные результаты и академические публикации, взаимодействие школы с внешними акторами характеризуется двунаправленным обогащением. С одной стороны, это взаимодействие способствует расширению образовательного контекста: реализуется включение в образовательные программы знаниевого капитала, распределенного в сообществах среди индивидов, которые не вовлечены в традиционный процесс производства и передачи знаний, формируются традиции наставничества и кураторства с профессионалами из разных сфер, возникает новый формат образовательного процесса — «обучение через служение сообществу» [32], который способствует формированию очерченных ФГОС личностных и метапредметных компетенций; повышается интерактивность образовательного процесса и появляется возможность для реализации запроса на творческую деятельность у учителей [41]. С другой стороны, школа, будучи неразрывно связана с территорией, может выступать катализатором качественных изменений на уровне локальных сообществ, формируя обогащенную среду не только внутри, но и вокруг себя.

Учителя и администрация школ осознают значимость эффектов социальных партнерств в отношении формирования всех типов ожидаемых компетенций учащихся, но выявленные в интервью нарративы эксплицируют существенные барьеры на пути создания и поддержки партнерских проектов. Так, основой барьеров организационного уровня является недостаточность ресурсов и возможностей выстраивания партнерств, предоставляемых населенными пунктами разных типов, включая цифровые разрывы. Барьеры локального уровня охватывают особенности коммуникативных процессов в рамках организации, сложное документальное сопровождение проектов, а структурные барьеры возникают на базе содержательных и формальных характеристик профессиональной деятельности педагогов, порождающих эмоциональное выгорание специалистов, а также подразумевают низкий уровень взаимного доверия школы и локального сообщества, включающего семьи учащихся.

Проведенное исследование позволило также реконструировать основные риски социальных партнерств школы, средством для минимизации которых представляется активная публичная дискуссия

вокруг перспектив межсекторных партнерств и инновационного развития образовательной среды.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козлова Мария Андреевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Международная лаборатория исследований социальной интеграции; доцент, кафедра общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (915) 217-80-15. **Электронная почта:** makozlova@hse.ru

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 доб. 12471.

Электронная почта: OSimonova@hse.ru

Мадфес Ольга Николаевна — бакалавр социологии, стажер-исследователь, Международная лаборатория исследования социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 12471. **Электронная почта:** onmadfes@edu.hse.ru

Research Article

MARIA A. KOZLOVA¹, OLGA A. SIMONOVA¹, OLGA N. MADFES¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

SOCIAL PARTNERSHIPS IN MODERN RUSSIAN SCHOOLS AS A TOOL FOR CREATING A RICH EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND OVERCOMING INEQUALITY

Abstract. The aim of this article is to analyze the potential of social partnerships at schools when it comes to solving such problems as saturation of the educational environment and overcoming educational inequality. Schools are considered as a special environment that accumulates financial, cultural, and social resources. Post-Soviet schools adopting a course towards neo-managerialism would involve relative autonomy of schools and the stimulation of competition between them. As a result, the functions and forms of social partnerships at schools are undergoing transformation in comparison with the Soviet period. It is in the logic of neo-managerialism that social partnerships are presented as the primary means of overcoming educational inequality. The empirical foundation consisted of 88 interviews with employees of secondary educational institutions of the Perm Region. Analyzing the interviews allowed for explicating interpretations of the meanings and the evaluation of the effects of social partnerships at schools by the participants of the educational process. On this basis the possible risks of social partnerships are highlighted, such as: the risk of escalating educational inequality between schools and the intrusion of schools through partnerships into the sphere of state-unregulated experimentation. The disproportion is revealed in the breadth, diversity and sustainability of partnerships between “prestigious” schools and schools that do not rank particularly high. This is consistent with the general post-Soviet trend of differentiation of schools and, accordingly, varying degrees of success in developing a diverse educational environment, which leads to the risk of increasing educational inequality. The specific features of local, organizational and structural barriers that prevent schools from establishing social partnerships are analyzed.

Keywords: educational environment; educational inequality; social partnerships; post-Soviet school; neo-managerialism.

For citation: Kozlova, M.A., Simonova, O.A., Madfes, O.N. Social Partnerships in Modern Russian Schools as a Tools for Creating a Rich Educational Environment and Overcoming Inequality. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.7

Acknowledgments: The publication was prepared during the work of the scientific and educational group (23-00-024) “Friendly educational environment: at the crossroads of school and city interests” within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2022–2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Kozlova — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (915) 217-80-15. **Email:** makozlova@hse.ru

Olga A. Simonova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 * 12471. **Email:** OSimonova@hse.ru

Olga N. Madfes — BA in Sociology, MA student, Department of Sociology, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 * 12471. **Email:** onmadfes@edu.hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Воронина Т.П. Философские проблемы образования в информационном обществе: Дис. д-ра филос. н.: 09.00.08. М., 1995. — 354 с. EDN: NLIVXD
Voronina T.P. *Filosofskie problemy obrazovaniya v informatsionnom obshchestve: Dis. d-ra filos. nauk: 09.00.08*. [Philosophical problems of education in the information society: Diss. Dr. of Philosophy]. Moscow, 1995. 354 p. (In Russ.)
2. Ганаева Е.А., Масловская С.В. Проектирование системы социального партнерства субъектов образовательных отношений в деятельности руководителя образовательной организации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 3 (231). С. 12–19. DOI: 10.25198/1814-6457-231-12
Ganaeva E.A., Maslovskaya S.V. Designing a system of social partnership of subjects of educational relations in the activity of the head of an educational organization. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. No. 3 (231). P. 12–19. DOI: 10.25198/1814-6457-231-12 EDN: LPWSKF (In Russ.)
3. Елизарова А. Модель взаимодействия школы, учреждений СПО и работодателей и ее описание. СПб.: Государственное общеобразовательное учреждение школа № 522, 2020. — 16 с.
Elizarova A. *Model' vzaimodeystviya shkoly, uchrezhdeniy SPO i rabotodateley i ee opisaniye*. [Model of interaction between school, vocational education and training institutions and employers and its description]. St Petersburg: Gosudarstvennoe obshcheobrazovatel'noye uchrezhdenie shkola № 522 publ., 2020. 16 p. (In Russ.)

4. *Ибрагимова З.Ф., Франц М.В.* Неравенство доходов, его субъективное восприятие и влияние на психосоциальное самочувствие населения // Статистика и экономика. 2018. № 4. С. 52–60. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-4-52-60 EDN: XYHIUP
Ibragimova Z.F., Francz M.V. Income inequality, its subjective perception and impact on psychosocial well-being of the population. *Statistika i ekonomika*. 2018. No. 4. P. 52–60. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-4-52-60 (In Russ.)
5. *Ибрагимова З.Ф., Франц М.В.* Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 43–62. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-43-62 EDN: WHGBBU
Ibragimova Z.F., Francz M.V. Inequality of opportunities in education in the Soviet and Post-Soviet periods: An empirical analysis. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 2. P. 3–62. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-43-62 (In Russ.)
6. *Иванова А.В.* Образовательное неравенство: как помочь слабым стать сильнее? // Сайт национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 16.06.2023. URL: <https://www.hse.ru/news/science/65917307.html>
Ivanova A.V. How to help the weak become stronger? *Sait natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki"*. [Website of the National Research University Higher School of Economics.] 2012. Accessed 16.06.2023. URL: <https://www.hse.ru/news/science/65917307.html> (In Russ.)
7. *Константиновский Д.Л., Груничева И.Г., Гошин М.Е.* Неравенство в сфере образования: Российская ситуация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 40–65. EDN: QZPZJT
Konstantinovskiy D.L., Grunicheva I.G., Goshin M.E. Inequalities in Education: The Russian Situation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. 2010. No. 5. P. 40–65. (In Russ.)
8. *Королева Д.О., Науширванов Т.О.* Экосистема развития инноваций российского образования: инфраструктурные характеристики. М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 32 с.
Koroleva D.O., Naushirvanov T.O. *Ekosistema razvitiya innovatsii rossiyskogo obrazovaniya: infrastrukturnye kharakteristiki*. [Ecosystem of Russian education innovation development: infrastructural characteristics.] Moscow: NIU VShE publ., 2020. 32 p. (In Russ.)
9. *Косарецкий С.Г., Груничева И.Г., Гошин М.Е.* Образовательная политика России конца 1980-х — начала 2000-х годов: декларации и практическое влияние на неравенство в общем образовании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 4. С. 115–135. EDN: WTIEYN
Kosaretsky S.G., Grunicheva I.G., Goshin M.E. Russian educational policy of the late 1980s — early 2000s: Declarations and the actual impact on inequality in general education. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 115–135. (In Russ.)

10. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5. С. 76–97. EDN: YRHHFT
Kosyakova Yu., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. Reproduction of social inequality in the Russian educational system. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*. 2016. Vol. 19. No. 5. P. 76–97. (In Russ.)
11. Семиздралова О.А., Плотников А.Ю. Исследование связи синдрома эмоционального выгорания и мотивации педагогов // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 3 (4). С. 36–43.
Semizdralova O.A., Plotnikov A.Yu. Investigation of the relationship between emotional burnout syndrome and teachers' motivation. *Aktualnye problemy pedagogiki i psikhologii*. 2022. No. 3. Vol. 4. P. 36–43. (In Russ.)
12. Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17. DOI: 10.19181/VIS.2019.31.4.610 EDN: YZSATB
Filipova A.G., Vysotskaya A.V. Educational Inequality in Schools: From Interpretation to Determinant Factors. *Sotsial'nye issledovaniya*. 2018. No. 2. P. 1–17. DOI: 10.19181/VIS.2019.31.4.610 (In Russ.)
13. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. — 300 с. EDN: PYNWWN
Khalii I.A. *Sovremennye obshchestvennye dvizheniya: innovatsionnyi potentsial rossiiskikh preobrazovaniy v traditsionalistskoi srede*. [Modern social movements: Innovative potential of Russian transformations in a traditionalist environment.] Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 2007. 300 p.
14. Шульга Н.В. Социальное партнерство в образовании: историко-педагогический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64–2. С. 265–268. EDN: YICPBA
Shul'ga N.V. Social partnership in education: Historical and pedagogical aspect. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2019. No. 64-2. P. 265–268. (In Russ.)
15. Acharya B. Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2017. No. 1. P. 41–74.
16. Anheier H.K., Salamon L.M. *Global civil society: Dimensions of the nonprofit sector*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 1999. 511 p.
17. Antonsich M., Petrillo E.R. Ethno-cultural diversity and the limits of the inclusive nation. *Identities*. 2019. Vol. 26. No. 6. P. 706–724. DOI: 10.1080/1070289X.2018.1494968
18. Attewell P. The first and second digital divides. *Sociology of Education*. 2001. Vol. 74. No. 3. P. 252–259. DOI: 10.2307/2673277

19. Austin M.J. The changing relationship between nonprofit organizations and public social service agencies in the era of welfare reform. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2003. Vol. 32. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1177/0899764002250008
20. Ball S.J. *Education plc: Understanding private sector participation in public sector education*. Routledge, 2007. 232 p. DOI: 10.4324/9780203964200
21. Ball S.J. 14 New states, new governance and new education policy. *The Routledge international handbook of the sociology of education*. Ed. by M.W. Apple, S.J. Ball, L.A. Gandin. L.: Routledge, 2009. P. 155–166. DOI: 10.4324/9780203863701.ch14
22. Coleman J.S. The concept of equality of educational opportunity. *Harvard Educational Review*. 1968. Vol. 38. No. 1. P. 7– 22. DOI: 10.17763/HAER.38.1.M3770776577415M2
23. Coleman J.S. Families and schools. *Educational Researcher*. 1987. Vol. 16. No. 6. P. 32–38. DOI: 10.3102/0013189X016006032
24. Davies B., Hentschke G.C. *Public/private partnerships in education: Their nature and contribution to educational provision and improvement*. Nottingham: National College for School Leadership, 2003. 16 p.
25. Dees J.G. Social entrepreneurs and education. *Current Issues in Comparative Education*. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 51–55. DOI: 10.52214/cice.v8i1.11402
26. Duru-Bellat M. Social Inequality in French Education Extent and Complexity of the Issues. *International Studies in Educational Inequality, Theory and Policy*. Ed. by R. Teese, S. Lamb, M. Duru-Bellat, S. Helme. Dordrecht: Springer, 2007. P. 337–356. DOI: 10.1007/978-1-4020-5916-2_12
27. Edwards Jr. D.B. Rising from the ashes: How the global education policy of community-based management was born from El Salvador's civil war. *Globalisation, Societies and Education*. 2015. Vol. 13. No. 3. P. 411–432. DOI: 10.1080/14767724.2014.980225
28. Eyal O., Yarm M. Schools in cross-sector alliances: What do schools seek in partnerships? *Educational Administration Quarterly*. 2018. Vol. 54. No. 4. P. 648–688. DOI: 10.1177/0013161X18765268
29. Fini R. School Achievement in Italy. *International Studies in Educational Inequality, Theory and Policy*. Ed. by R. Teese, S. Lamb, M. Duru-Bellat, S. Helme. Dordrecht: Springer, 2007. P. 490–508. DOI: 10.1007/978-1-4020-5916-2_20
30. Fraser B.J. Classroom learning environments. *Handbook of research on science education*. Ed. by S.K. Abell, N.G. Lederman. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. P. 103–124. DOI: 10.4324/9780203824696
31. Fraser B.J. Classroom learning environments: Retrospect, context and prospect. *Second International Handbook of Science Education*. Ed. by B.J. Fraser, K.G. Tobin C.J. McRobbie. N.Y.: Springer, 2012. P. 1191–1239. DOI: 10.1007/978-1-4020-9041-7_79

32. Froehlich D.E., Hobusch U., Moeslinger K. Research methods in teacher education: meaningful engagement through service-learning. *Frontiers in Education*. 2021. Vol. 6. P. 680–404. DOI: 10.3389/educ.2021.680404
33. Fuller B. What school factors raise achievement in the Third World? *Review of Educational Research*. 1987. Vol. 57. No. 3. P. 255–292. DOI: 10.3102/00346543057003255
34. Fuller B., Clarke P. Raising school effects while ignoring culture? Local conditions and the influence of classroom tools, rules, and pedagogy. *Review of Educational Research*. 1994. Vol. 64. No. 1. P. 119–157. DOI: 10.3102/00346543064001119
35. Gali Y., Schechter C. NGO involvement in education policy: Principals' voices. *International Journal of Educational Management*. 2020. Vol. 34. No. 10. P. 1509–1525. DOI: 10.1108/IJEM-02-2020-0115
36. Ghavifekr S., Pillai N.S. The relationship between the school's organizational climate and teacher's job satisfaction: Malaysian experience. *Asia Pacific Education Review*. 2016. Vol. 17. P. 87–106. DOI: 10.1007/s12564-015-9411-8
37. Kaffemaniene I., Masiliauskiene E., Meliene R., Milteniene L. Educational Environment of the Modern School in the Aspects of Learning Factors, School Climate and Education Paradigms. *Pedagogy*. 2017. Vol. 126. No. 2. P. 62–82. DOI: 10.15823/p.2017.20
38. Kolleck N. Uncovering influence through Social Network Analysis: the role of schools in Education for Sustainable Development. *Journal of Education Policy*. 2016. Vol. 31. No. 3. P. 308–329. DOI: 10.1080/02680939.2015.1119315
39. Kolleck N. How (German) foundations shape the concept of education: Towards an understanding of their use of discourses. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 2017. Vol. 38. No. 2. P. 249–261. DOI: 10.1080/01596306.2015.1105789
40. Kolleck N. The power of third sector organizations in public education. *Journal of Educational Administration*. 2019. Vol. 57. No. 4. P. 411–425. DOI: 10.1108/JEA-08-2018-0142
41. Koul S., Nayar B. The holistic learning educational ecosystem: A classroom 4.0 perspective. *Higher Education Quarterly*. 2021. Vol. 75. No. 1. P. 98–112. DOI: 10.1111/hequ.12271
42. Maussen M., Bader V. (eds.) *Tolerance and cultural diversity in schools: Comparative report*. (ACCEPT Pluralism; No. 2012/01). Florence: European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2012. 112 p. URL: <http://hdl.handle.net/1814/20955>
43. Meyer H.-D., Boyd W.L. Civil society, pluralism, and education — Introduction and overview. *Education Between State, Markets, and Civil Society*. N.Y.: Routledge, 2001. P. 9–20. DOI: 10.4324/9781410602114
44. Norris P. *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 303 p. DOI: 10.1017/CBO9781139164887

45. Patrinos H. *Public-private partnerships: Contracting education in Latin America*. World Bank Working Paper. Washington, DC: World Bank, 2006. Accessed 16.11.2023. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.534.5551&rep=rep1&type=pdf>
46. Patrinos H., Osorio F., Guáqueta J. *The role and impact of public-private partnerships in education*. World Bank Publications. Washington, DC: World Bank, 2009. 116 p. Accessed 17.11.2023. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/453461468314086643/pdf/479490PUB0Role101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf>
47. Rivkin S.G., Hanushek E.A., Kain J.F. Teachers, schools, and academic achievement. *Econometrica*. 2005. Vol. 73. No. 2. P. 417–458. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=00129682%28200503%2973%3A2%3C417%3ATSAA-A%3E2.0.CO%3B2-K> DOI: 10.1111/j.1468-0262.2005.00584.x
48. Suchá L.Z., Bartošová E., Novotný R., Svitáková J.B., Štefek T., Vichová E. Stimulators and barriers towards social innovations in public libraries: Qualitative research study. *Library & Information Science*. 2021. Vol. 43. No. 1. P. 101068. DOI: 10.1016/j.lisr.2020.101068
49. Vermeulen L., Schmidt H.G. Learning environment, learning process, academic outcomes and career success of university graduates. *Studies in Higher Education*. 2008. Vol. 33. No. 4. P. C. 431–451. DOI: 10.1080/03075070802211810
50. Williamson B. Silicon startup schools: Technocracy, algorithmic imaginaries and venture philanthropy in corporate education reform. *Critical Studies in Education*. 2018. Vol. 59. No. 2. P. 218–236. DOI: 10.1080/17508487.2016.1186710
51. Wohlstetter P., Malloy C., Smith J., Hentschke G. Incentives for charter schools: Building school capacity through cross-sectoral alliances. *Educational Administration Quarterly*. 2004. Vol. 40. No. 3. P. 321–365. DOI: 10.1177/0013161X03261749
52. Wohlstetter P., Smith J., Farrell C. The choices and challenges of charter schools, revisited. *Journal of School Choice*. 2015. Vol. 9. No. 1. P. 115–138. DOI: 10.1080/15582159.2015.1000775
53. Yemini M., Cegla A., Sagie N. A comparative case-study of school-LEA-NGO interactions across different socio-economic strata in Israel. *Journal of Education Policy*. 2018. Vol. 33. No. 2. P. 243–261. DOI: 10.1080/02680939.2017.1328078
54. Yemini M., Sagie N. School–Nongovernmental organization engagement as an entrepreneurial venture: A case study of sunlight’s engagement with Israeli schools. *Educational Administration Quarterly*. 2015. Vol. 51. No. 4. P. 543–571. DOI: 10.1177/0013161X14540171

Статья поступила в редакцию: 27.06.2023; поступила после рецензирования и доработки: 01.12.2023; принята к публикации: 10.03.2024.

Received: 27.06.2023; revised after review: 01.12.2023; accepted for publication: 10.03.2024.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8

EDN: OWVGJP

ПАМЯТИ Б.М. ФИРСОВА

(22.06.1929 — 18.01.2024)

Б.З. ДОКТОРОВ¹

¹ Независимый исследователь.
Фостер Сити, Калифорния, США.

МАЛОЗНАКОМЫЙ Б.М. ФИРСОВ

Аннотация. 18 января скончался Борис Максимович Фирсов (1929–2024) — исследователь очень широкого масштаба и личность высочайшего гражданского мужества. Он с полным основанием может быть назван человеком нескольких эпох и многообразного жизненного опыта. Сначала — работа на высоких управленческих постах, затем — многоплановая научная и организационная деятельность в социологии: исследования различных срезов, состояний массового сознания, истории социологии, а в последние годы — социальной истории. Б.М. Фирсовым создан Социологический институт РАН, он — создатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. О нем не раз писали коллеги, а в 2021 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» вышла книга В. Выжutowича «Борис Фирсов». Автора настоящей статьи связывали

с Фирсовым полвека сотрудничества и дружбы, и это дает ему право сказать о существовании малоизвестных сторон жизни Бориса Максимовича и направлениях его исследований. В статье рассказывается о соприкосновении Б.М. Фирсова с театральным искусством: о его значимом участии в рождении спектакля «Весна в ЛЭТИ» (1953 г.) — раннего символа политической оттепели; о написанном им сценарии не показанного зрителям спектакля «Смерть Вазир-Мухтара» (1969 г.) по роману Юрия Тынянова; об участии в уникальном проекте «Социология и театр» (1973–1989 гг.).

Ключевые слова: Борис Максимович Фирсов (1929–2024); ленинградский театр; социология театра; история российской социологии.

Для цитирования: Докторов Б.З. Малоизвестный Б.М. Фирсов // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 171–190. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8 EDN: OWVGJP

Введение

18 января на 95-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался Борис Максимович Фирсов (1929–2024) — исследователь очень широкого масштаба и личность высоких гражданских качеств. Фирсов входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов. Он с полным основанием может быть назван человеком нескольких эпох с многообразным жизненным опытом. Сначала — работа на высоких управленческих постах, затем — многоплановая деятельность в социологии: исследования различных срезов, состояний массового сознания, истории социологии, а в последние годы — социальной истории. Им заложены основы Социологического института РАН, он — создатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Фирсов — человек, преданный идеалам «шестидесятничества», один из нравственных авторитетов нашего профессионального сообщества. О его преданности науке и верности дружбе писали долгие годы знавшие его Андрей Алексеев, Андрей Здравомыслов, Игорь Кон, Владимир Шляпентох, Владимир Ядов и др. В 2021 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается» вышла книга журналиста В. Выжutowича «Борис Фирсов», в которой сказано, что созданием Европейского университета в Санкт-Петербурге Фирсов обеспечил себе место в истории русской культуры. Вспоминаю слова В.А. Ядова: «Ну, что мы, пишем статьи, книги. Вот Борис! Он создал Университет!»

Передо мною первая социологическая книга Фирсова «Телевидение глазами социолога» (1971 г.), не помню, когда я заглядывал в нее, а теперь, когда его не стало, открыл. На книге дарственная надпись: «Борису Зусмановичу Докторову с надеждой на вечное [подчеркнуто Б.М. Фирсовым] сотрудничество, в областях, представляющих общий интерес» и дата: «12 марта 1972 г.». Короткий текст,

он о многом, к тому же он содержит тайну, до конца не раскрытую и сегодня.

Начало 1972 г. Мы не просто знакомы пару лет, но совместно провели инновационные и крупные по тому времени социологические исследования, о которых мы долго не имели права говорить, да и потом не получили его, просто исчезла институция, наложившая запрет. Тематика — общественное мнение ленинградцев, институция — КПСС.

Сложилось ли наше «вечное сотрудничество»? В 2005 г. я провел биографическое интервью с Фирсовым и в преамбуле к его публикации писал: «Почти двадцать лет мы работали вместе, и мне всегда это было интересно. Мы встречались утром, зная, что предстоит сделать в течение дня, нередко работали вместе много часов, надолго задерживались на работе, продолжали наши дискуссии по дороге на метро и уже из дома обменивались телефонными звонками, чтобы уточнить детали грядущего дня. <...> Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших встреч» [7].

Прошли годы, и я так объяснил мотивацию общения с Фирсовым: «По-видимому, мне нужен был контакт с человеком старше меня с целью уточнения своих политико-идеологических и жизненных ориентиров» [1, с. 162]. Прежде всего меня привлекли в нем именно политико-социальные и нравственные аспекты его жизненного пути и та открытость в обсуждении всего поля тем, которых мы касались в нашей работе и в неформальных беседах.

Вглядываясь в прошлое, я утверждаю, что надежда БМ (десятилетия я обращался к Фирсову именно так) на наше вечное сотрудничество осуществилась. Разве более пятидесяти лет теснейшего общения во всех наших жизненных перипетиях не вечность?

Знание прожитого и сделанного Б.М. Фирсовым дает мне право утверждать существование «малоизвестного Фирсова» и попытаться сократить зону «белых пятен» в его биографии. При этом замечу, что ряд таких лакун имеют, скажем, естественно-историческое происхождение, но есть такие, которые порождены социально-политическими обстоятельствами.

Траектория досоциологической жизни Б.М. Фирсова

В рамках изучения истории современной советской/российской социологии мною в 2005–2016 гг. проведено около 220 биографических интервью, в том числе более 40 бесед (с помощью электронной почты) с теми, кто родился в интервале 1923–1934 гг., в моей классификации — это первое и второе поколения отечественных социологов. Ниже будет пунктиром намечена очень богатая предсоциологическая биография Фирсова, относящегося к когорте II, сейчас же замечу сра-

зу, что ничего подобного у представителей этих поколений не было, тем более у всех последующих. Социологи первого поколения, если только они не участвовали в войне, рано приобщались к науке: философии, экономике, истории и в целом плавно и, главное, самостоятельно входили в социологию и создавали первые небольшие профессиональные группы, коллективы. Те, кто составил второе поколение, фактически были ровесниками первых и одновременно их первыми учениками, последователями. Легко понять, что досоциологический опыт представителей второго поколения обычно был более продолжительным и разнообразным, чем у первых. Исходно они искали себя в различных областях деятельности, не только в науке. Фирсов — можно сказать, ярко выраженный представитель второго поколения.

В 24 года, еще не завершив обучение в Ленинградском электротехническом институте (ЛЭТИ), Борис Фирсов стал секретарем Петроградского райкома ВЛКСМ, в 1956 г. ему 27 лет, он — секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ. В сфере его ответственности: культура, образование, можно сказать, массовое сознание молодежи Ленинграда и Ленинградской области. Огромное поле деятельности. С порученным делом он успешно справлялся, но начинал замечать, что полученные им технические и математические знания выветривались, поэтому, имея красный диплом, намеревался вернуться в родной институт в аспирантуру. Однако у партийного начальства города были свои планы, и в 30 лет он становится первым секретарем Дзержинского райкома партии. Это исторический центр города, пространство старой петербургской и, собственно, ленинградской культуры: архитектурные ансамбли, музеи, театры и концертные залы, творческие союзы, издательства. Очевидно, передвинув молодого и энергичного партийного функционера в Дзержинский район, «отцы города» понимали, с кем имеют дело, видели организационный, культурный и коммуникативный потенциал Фирсова. Вскоре ему уже светила перспектива переезда в Москву и работы в ЦК КПСС, но он категорически отказался. По тем временам это было серьезным нарушением партийной дисциплины, и оставаться в партийном аппарате он уже не мог. Но это и не входило в его планы.

Не спрашивая Фирсова, но принимая во внимание характер его образования и опыт работы в комсомоле и партии, его назначают директором Ленинградского телевидения.

Если говорить об оптимальности трудоустройства Фирсова в 1962 г., то, смотря в прошлое, можно с уверенностью сказать, что его свершившееся «перемещение» на пост директора Ленинградского телевидения было из области оптимальных. Вспоминая то время, он заметил: «Скажу без обиняков: работать на телевидении было захватывающе интересно. Мои коллеги — ядро профессионалов, работавших на Ленинградском ТВ, видели свою миссию в интенсивном

культурном просвещении телевизионной аудитории на основе высоких художественных стандартов. Сеять разумное, доброе, вечное, творить и выдумывать было девизом людей, работавших на студии в то время и опиравшихся на поддержку самых широких слоев интеллигенции города. Я без колебаний принял эту позицию и взял за правило отстаивать ее до конца» [7].

В 2009 г. при обсуждении книги Фирсова о разномыслии И.А. Муравьева, бывшая редактор телевидения, вспоминала, что сотрудники студии ожидали прихода на пост директора какого-либо партийного функционера, и именно к такому повороту событий они были готовы. И тут пришел молодой остроумный человек, который в своей «тронной речи» приводит строчку из песни Окуджавы про Ваньку Морозова: «Она по проволоке ходила...» Затем, по ее словам, началась «золотая эра» Ленинградского телевидения, когда действительно многое разрешалось, сотрудники с полной отдачей делали то, что им хотелось, что они считали нужным, он поддерживал их начинания.

Был подготовлен цикл передач о Ф.М. Достоевском, что по тем временам было смелым, новаторским и содержало определенный вызов официальной трактовке образа и произведений писателя. Имя Достоевского лишь вскользь упоминалось в школьных учебниках, а многие преподаватели вообще старались обойти вниманием его важнейшие произведения, его наследие изучали лишь будущие литературоведы, причем философия писателя бесконечно упрощалась, «подгонялась» под требования коллективистской психологии. И вот в это время телевидение показало один из лучших спектаклей Георгия Товстоногова по роману «Идиот». После блистательного исполнения роли князя Мышкина пришла слава к ранее малоизвестному актеру Иннокентию Смоктуновскому. Ленинградцы заинтересовались Петербургом Достоевского, начали читать и перечитывать его произведения. Телевидение — можно с уверенностью говорить — для многих открыло Достоевского, вернуло его в актуальную культуру времени.

Более того, Ленинградское телевидение сделало попытку показать гуманизм американской литературы XX века. Именно ленинградцы увидели на телевизионном экране правдивое прочтение произведений Дж. Стейнбека, У. Сарояна и Дж. Сэлинджера, Т. Уильямса и Э. Хемингуэя — мало известных в ту пору или совсем не известных классиков американской литературы. Так, экранизация книги Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» стала для телезрителей открытием тогдашней Америки, вызвала их громадный интерес, но одновременно в очередной раз «напрягло» цензуру. Цензоры, видя решимость телевизионщиков отстаивать свое право на показ передачи, пугали редакторов опасностями аполитичности, обвиняли их в отсутствии классового подхода, который там вовсе не был нужен.

Вскоре Фирсов «дымился» от «проколов», нарастало количество строгих выговоров и наставлений о том, как надо работать. Он понимал, что партийное руководство города ждет момента, когда сможет снять его с должности, но в опоре на поддержку творческого ядра телестудии он продолжал избранную, «шестидесятническую» линию развития Ленинградского телевидения.

И вот ожидавшееся Смольным (там размещалось руководство Ленинградской партийной организации) произошло: настало 4 января 1966 г., и вышла передача «Литературный вторник». В студии редакторами были собраны: писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературный критик В. Бушин, литературоведы и искусствоведы Б. Вахтин, В. Иванов, Д. Лихачев, Л. Емельянов. Едва началась передача, спонтанно — скорее всего, неожиданно для себя — заговорили на большую для многих тему: сохранение традиций русской культуры в разговорной речи, в литературе, в старинных названиях городов и улиц — без недомолвок и оговорок, называя вещи и явления своими именами. Даже сейчас, спустя полвека, после многих и многих возвращений дореволюционных имен городам и улицам, в России идет дискуссия о характере этого процесса, но в то время такие обсуждения имели характер социального взрыва, и открытая дискуссия напрягла властные структуры. Практически на целый час всесоюзный эфир вышел из-под контроля идеологического диктата.

Вскоре появилась «Записка отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с телепередачей Ленинградского телевидения “Литературный вторник”». В ней был и вывод: «Освободить от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова...». Б.М. Фирсов — опять на распутье: «Что делать?»

Много лет спустя БМ говорил мне, что после изгнания с телевидения он несколько дней был «в трансе», осмысливал прожитое, думал о будущем. Ему сразу было ясно: никакого возврата в партийную номенклатуру. Одни советовали ему поучиться в Академии общественных наук и подготовить диссертацию о партийном руководстве телевидением, но это было для него абсолютно неприемлемым. Другие предлагали вернуться в ЛЭТИ, где его еще помнили, и стать преподавателем. Но для этого требовалось не менее пяти лет: два года на преодоление отставания в уровне профессиональных знаний и три — на подготовку диссертации. В его 37 лет он не мог на это пойти.

Но две встречи с незаурядными личностями и профессионалами высочайшего ранга, ровесниками и убежденными «шестидесятниками» определили его выбор, и не просто места работы, но всей последующей жизни. Скажем определеннее: судьбы.

Сначала назову Бориса Борисовича Вахтина (1930–1981) — писателя, сценариста, переводчика-китаиста. Именно он был ведущим теле-

визионного «Литературного вторника», на котором приглашенные писатели, историки, культурологи попытались иметь собственный голос, что не приветствовалось. В 1966 г. Вахтин, когда вел «Литературный вторник», уже был признанным синологом и официально не признанным, но интересным писателем. В советские годы у него было опубликовано лишь три рассказа, но с 1977 г. его произведения печатались в эмигрантских журналах. В 1960-е гг. Борис Вахтин был фактически неформальным лидером молодых ленинградских писателей. Он был близок к правозащитному движению, подписывал обращения в защиту политзаключенных. В 1964 г. он выступал в поддержку Иосифа Бродского. Его подпись удостоверяет точность пересказа событий, происходивших в процессе суда над поэтом. В 1966 г. во время суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем Вахтин вел записи, которые позже использовались в «Хронике текущих событий» — первом в СССР неподцензурном правозащитном информационном бюллетене, который распространялся через самиздат.

В указанном выше интервью Фирсов так охарактеризовал влияние на него Вахтина: «Одним из ведущих “Вторника” был Борис Вахтин — ленинградский прозаик, переводчик, китаист. Судьбе было угодно спаять узами крепчайшей дружбы нас двоих, дотоле незнакомых людей. Я и по сей день живу под знаком необыкновенной вахтинской личности, не в силах примириться с внезапной смертью Бориса в 1981 г. Быть свободным всегда! Этому я с опозданием научился у него» [7, с. 10].

Вторым человеком, оказавшим тогда решающее влияние на дальнейшую жизнь Фирсова, был Владимир Александрович Ядов (1929–2015) — один из самых ярких создателей советской/российской социологии. В недавнем прошлом секретарь обкома комсомола Фирсов сосватал Ядова на пост секретаря Василеостровского райкома ВЛКСМ, чем задержал его работу над кандидатской диссертацией, но не остановил его научного роста.

Встреча с Ядовым внесла ясность в размышления Фирсова, в котором, по его словам, «сидел “вирус” телевидения». Ядов оказался нужным человеком в нужном месте и в нужное время. Он предложил старому другу поступить к нему в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ, чтобы писать социологическую кандидатскую диссертацию по материалам изучения ленинградской телевизионной аудитории.

Все развивалось стремительно, сказывались организационная хватка Фирсова, его целеустремленность, знание предмета изучения и его желание слезть с содержания жены и мамы, которые обеспечивали жизнь «скубента». В феврале 1966 г. Фирсов поступил в аспирантуру, его задумка — изучить ленинградскую телеаудиторию была поддержана в Ленинграде и в Москве Госкомитетом по радиовещанию и телевидению. Было заключено негласное соглашение о том, чтобы

после защиты диссертации изыскать возможности для его работы «на телевидение». С этой целью председатель комитета Н. Месяцев попросил Министерство высшего образования найти возможность его стажировки в Англии.

В стенах Би-би-си Фирсов имел полную свободу: имел право смотреть все, что хотел, встречаться с творческими и административными работниками всех уровней, читать любые документы, о существовании которых ему становилось известно, задавать любые вопросы, будучи уверенным в том, что ему будет предложена встреча с человеком, который даст на них исчерпывающие ответы. Когда стало ясно, что время идет слишком быстро и Фирсову не хватает рабочего дня, чтобы прочесть запрошенные материалы, ему разрешили работать в Службе изучения аудитории в вечернее и ночное время. В здании оставались лишь два человека: охранник при входе и начинающий советский исследователь аудитории.

Но в отлаженный Фирсовым порядок работы вмешались обстоятельства самого высокого уровня. Имея разрешение на продление командировки до весны 1968 г., он в декабре 1967 г. получил официальное письмо Госкомитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР с предложением занять должность генерального директора советского телевидения. Эта новая структура создавалась в связи с завершением строительства телецентра в Останкине.

Добрым советчиком Фирсова в сложившейся непростой во многих отношениях ситуации оказался специальный корреспондент советского радио и телевидения в Лондоне, популярный в те годы международный политобозреватель Владимир Дунаев. Они быстро сдружились и взяли за привычку примерять английский опыт к советским условиям. Предложение комитета оказалось для Фирсова неожиданным, позиция генерального директора ему и не снилась. И вот два ровесника-«шестидесятника», романтики, верившие в возможность перемены к лучшему в обществе, решили: «Теперь, когда стало более или менее ясно, “как надо”, не использовать шанс и не попытаться сделать “как надо” было бы ошибкой» [7, с. 9]. И билет на самолет до Москвы был заказан на 14 декабря 1967 г.

Первые два дня после прилета прошли в странном ожидании необходимого в таком случае разговора. Радиотелевизионный комитет молчал, и Фирсов решил не напоминать о себе. Он уже сделал необходимое: известил комитет о своем согласии принять предложенный ему пост и сообщил дату прилета из Лондона. В конце второго дня ожидания ему позвонил в гостиницу ответственный сотрудник отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и пригласил его на встречу. Уже в начале разговора Фирсову было сказано о существовании обстоятельств, которые вынуждают ЦК КПСС применить «обходную тактику» для

занятия предложенного кресла. Ленинградский обком настаивал на освобождении Фирсова от работы на телевидении.

И тогда Фирсов «хлопнул дверьми», в тот же вечер он уехал в Ленинград проводить эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории; теперь он знал, как это делать. Срок занятий в аспирантуре истек в феврале 1969 г., но он закончил свою работу раньше, и защита диссертации состоялась досрочно. Не только для семьи, но и для большого числа друзей Фирсова, телевизионщиков-сослуживцев успешная защита была знаком его победы над обстоятельствами, ответом на вызов судьбы.

Но «лондонские университеты» не только дали Фирсову знание методологии и методов изучения телеаудитории, они усилили его разномыслие. Вспоминая те годы, он писал: «В итоге жизнь в Лондоне стала причиной и источником моего усиливавшегося разномыслия» [8, с. 442].

«Поле малой известности»

Защитой кандидатской диссертации «Социальные проблемы телевидения» (1969 г.) завершился досоциологический период жизни Б.М. Фирсова. Ему 40 лет, наполненных многообразным, уникальным жизненным и социальным опытом. Впереди его ждало более полувека исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности в социологии. Во всем этом и напрямую, и в преломленной форме проявились воля, характер, знания, навыки общения, личный авторитет, приобретенные в первые 40 лет жизни. Не принимая всего этого во внимание, трудно понять сделанное им в дальнейшем.

Повторю: Фирсов входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов, вместе с тем утверждение «малоизвестный Б.М. Фирсов» распространяется и на некоторые аспекты его жизненного пути и творчества, и на тему обещающего быть интересным историко-биографического исследования. Все дальше уходит время — точнее, эпоха — первичной социализации Фирсова и его досоциологического прошлого, и все менее становятся понятными характер его общественно-политической активности (комсомольская и партийная работа) и ее роль в становлении и многолетней деятельности известного Фирсова-социолога. Ниже будет рассмотрена линия «Фирсов и театр», проходящая через всю его жизнь и позволяющая полнее увидеть становление его личности и широту научных интересов. Однако справедливо говорить о возможности очерчивания поля, или пространства, малой известности Фирсова, что во многом удивительно, когда речь идет не о далеком прошлом, но о современном ученом.

Так, практически «белым пятном» в истории исследований общественного мнения в СССР являются опросы, проводившиеся Фирсовым в Ленинграде по прямому заказу обкома КПСС.

Парадоксальная ситуация: Фирсова освободили от должности секретаря райкома КПСС, затем с шумом сняли с поста директора Ленинградского телевидения, но, когда руководству города потребовалось наладить сбор информации об отношении работающего населения Ленинграда к программным документам, пришлось доверить реализацию этого проекта ему, опальному партийному аппаратчику и новоиспеченному социологу.

В 2005 г., беседуя с Фирсовым о жизни, мы вспомнили эту работу. Я сказал: «Возвращаясь к событиям 35-летней давности, я не могу не спросить у тебя ради истины, почему, держа вместе со всей партией курс на стагнацию, обком КПСС решил проводить опросы общественного мнения, да еще не по городской тематике, а по вопросам отношения населения к политике КПСС (на примере партсъездов тех лет)?» Ответ Фирсова был очень обстоятельным. Прочитую несколько фрагментов: «Мы с честью, скажу об этом без стеснения, преодолели свою часть дистанции. Была создана система для оперативных опросов общественного мнения различных слоев населения крупного города. <...> Систему прокатали несколько раз (на примере изучения отношения населения к XXIV, XXV, XXVI съездам КПСС и других актуальных вопросов). Наш коллективный рекорд: разработка и апробация оперативного режима (экспресс-опрос 2000 человек с выдачей первичных результатов в течение суток от момента начала опроса). Общее число исследований, проведенных в рамках специализированной системы (1971–1984 гг.), составило 15. Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно» [7, с. 12–13]. Замки эти давно заржавели и упали, однако Фирсов не успел рассказать, а теперь, скорее всего, никто и никогда не расскажет.

За долгие годы работы мы не сорвали ни одного опроса, не имели никаких нареканий со стороны «заказчика», однако пришло время, когда партия — а точнее, секретарь обкома КПСС Г.В. Романов — увидел в наших опросах возможный канал утечки информации о жизни Ленинграда, наши опросы стали опасными. Фирсов говорил: «...постоянная жажда лести и похвалы, пусть не себе, а городу, доверенному ему, Романову, партией, и есть причина того, что нашей бурной деятельности в качестве боевых помощников КПСС был положен конец» [6, с. 11]. Эхо этих событий прозвучало в октябре 1984 г., когда бюро Ленинградского обкома КПСС объявило Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку (поясню: это очень высокая мера наказания) и освободило его от заведования сектором в Институте социально-экономических проблем АН СССР. Партия всегда с особой злостью относилась к тем, кого считала «вероотступниками». Так

завершился первый этап социологической деятельности и началась пятилетка его (малоизвестной, но продуктивной) деятельности в ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Совсем кратко наметчу еще один сюжет из очерченного семантического пространства, который можно назвать «автобиография духа Бориса Фирсова». Речь идет о социологическом анализе двухтомника «Невосторженные размышления» [3; 4], содержащего беседы с видными представителями ленинградской/петербургской интеллигенции. Первый том содержит 20 интервью, проведенных в 1995–1996 гг., о событиях перестройки и о последующих десяти годах. Общая картина: если говорить о рациональном аспекте отношения — то масштабное разномыслие, если об эмоциональном — невосторженность. Второй том — повторные интервью с теми, кто остался жив, четверть века спустя.

К сожалению, этот труд не содержит в явном виде мнения, суждения Фирсова по стержневым проблемам постперестроечного времени, но, уверен, мы можем вычитать их в словах героев книги, тех, кого Фирсов пригласил к беседам и, что важно, кто согласился высказаться.

Не могу назвать всех соавторов книги, но некоторых представлю: нейрофизиолог Н.П. Бехтерева, математик А.М. Вершик, кинорежиссер А.Ю. Герман, писатели Я.А. Гордин и Н.С. Катерли, экономист Б.Л. Овсиевич, писатель Б.Н. Стругацкий, протоиерей Владимир Федоров, социолог В.А. Ядов. Все они — известные в избранных ими областях деятельности, и все — с четко выраженным гуманистическим взглядом на мир. Не думаю, что кто-либо, кроме Фирсова, мог бы в Петербурге собрать такую группу остро ориентированных интеллектуалов. Но ему верили. И он верил этим людям.

«Поле малой известности» можно заполнить еще множеством сюжетов, но теперь раскрою линию «Фирсов и театр».

«Весна в ЛЭТИ»: спектакль и символ оттепели

Жизнь распорядилась так, что годы обучения в ЛЭТИ стали для Фирсова стартовой площадкой его активной общественной, организаторской, а затем научно-исследовательской деятельности, но не его работы в области электрофизики. Сам он об этом с горечью писал: «Я окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина) в феврале 1954 г., получив диплом инженера-электрофизика с отличием. Однако, вместо того чтобы принять лестное предложение кафедры — поступить в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем» [8, с. 400].

В своих воспоминаниях «лучом света в темном царстве» заидеологизированной жизни студентов ЛЭТИ Фирсов назвал музыкальный спектакль «Весна в ЛЭТИ», поставленный будущими «технарями».

Время показало, что это более чем скромное обозначение сделанного студентами сегодня рассматривается историками культуры как один из первых звонков, предвестников «оттепельных» изменений в культуре и жизни молодежи.

В 2007 г. петербургское телевидение в цикле «Культурный слой» подготовило передачу «Весна в ЛЭТИ. 1953», в которой рассказывается о времени и процессе рождения этого спектакля и о команде авторов¹.

Свой рассказ о «Весне в ЛЭТИ» петербургский историк, культуролог и журналист Лев Лурье начинает словами: «Здесь, на Аптекарском острове, весной 1953 г. происходит эпохальное событие, значение которого современники сумели определить много позже. Здесь сразу после смерти Сталина было поставлено эстрадное представление студенческой самодеятельности Ленинградского электротехнического института, которое называлось “Весна в ЛЭТИ”. Тютчев писал: “Мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед”. Студенты Электротехнического института оказались этими самыми гонцами весны, гонцами оттепели»².

Сталин умер 5 марта 1953 г., а 11 мая 1953 г. состоялась премьера этого спектакля. Продолжает Лев Лурье: «Прошло меньше двух месяцев со дня похорон Сталина [точнее, со дня его смерти. — *Прим. ред.*]. Страной управляет коллективное руководство во главе с Лаврентием Палычем Берией. А здесь, около Выборгского дворца культуры, огромная толпа: люди, откуда-то узнавшие, что здесь будет премьера “Весны в ЛЭТИ”, стараются проникнуть в этот зал. И хотя здесь две тысячи мест — много для города, но попасть невозможно: разбиты двери, люди лезут через крыши. Успех невероятный! Музыкальное обозрение из жизни студентов-электротехников становится первой культурной сенсацией “оттепели”. Театрализованное представление, в котором не было ни одного профессионального актера, обсуждают маститые деятели искусств, в прессе появляются рецензии, билеты на очередные представления реализуются через театральные кассы города, часто с приличной нагрузкой. Спектакль исполнили 19 раз, из них четыре в Москве»³.

Очень ценными оказались воспоминания Михаила Смаришева, доктора технических наук, профессора, исполнителя одной из главных ролей спектакля. Сначала он говорит о судьбе более раннего представления: «Сочинил эту поэму в стихах студент Анатолий Флейтман, сам он играл Мефистофеля и пел: “Люди гибнут за металл”. Как-то нехорошо смотрелось, что советский студент гибнет за презренный металл,

¹ «Весна в ЛЭТИ. 1953» // Культурный слой. 5 мая 2007. — URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/501209/> (дата обращения 18.03.2024).

² Там же.

³ Там же.

поэтому кончился этот вечер плохо: после него состоялось разбирательство в комитете комсомола, Флейтмана чуть не выгнали из комсомола. Я же в те времена был членом культмассовой комиссии профкома и обратился к секретарю комитета комсомола Боре Фирсову с таким вопросом: “Нельзя ли сделать так, чтобы мы как бы под идеологическим надзором работали, а потом поставили интересную вещь?”. Борис Фирсов, сын репрессированного, будущий знаменитый социолог, глава Ленинградского телевидения в 60-е годы, основатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, совершенно не походил на стандартного комсомольского вожака сталинского времени. Идея ревю Фирсову понравилась, и именно он сумел уломать руководство ЛЭТИ дать добро. Работа над спектаклем началась⁴.

«Весна в ЛЭТИ» уменьшила количество потенциальных электротехников, но дала солидную прибавку Союзу композиторов и Союзу писателей. Песни Александра Колкера, автора музыки к спектаклю, стали на десятилетия всенародными хитами. Ким Рыжов и еще два автора стихов — Михаил Гиндин и Генрих Рябкин стали профессиональными литераторами. Что касается Бориса Фирсова, то тогда к нему моментально пришла известность смелого, самостоятельного комсомольского работника, совершенно не похожего «на стандартного комсомольского вожака сталинского времени». Действительно, будущее показало, что «Весна в ЛЭТИ» раскрыла в Фирсове потенциал разномыслия и вывела его на дорогу, которая привела его в социологию. Конечно, не сразу: путь этот был сложным, овражистым, но каждый шаг — чего, естественно, никто не мог знать — приближал его к изучению общества.

Со времени рождения «Весны в ЛЭТИ» прошло 70 лет. Сегодня другая страна и другое время, иная культурная среда, и уже сложно понять, почему, скажем, 12 девушек, среди которых была и будущая жена Фирсова — Галина Валяевская, в купальниках исполняющих на сцене немудреный танец, вызывали резкое неприятие комсомольского начальства города. Однако Фирсов — с его, вообще говоря, небогатым житейским опытом и на тот момент незавершенным физико-инженерным образованием — уже обладал заметным зарядом коллективизма и потому оказался востребованным временем. Ему было дано понять и, что еще важнее, принять намечавшиеся новые тенденции в культуре и новые ожидания молодежи, уставшей от военных и первых послевоенных лет. Разве это не предрасположенность к анализу социума? И не действие социальной направленности? И не пример разномыслия?

На крутых поворотах дороги к социологии Фирсов не раз задумывался, не свернуть ли с нее, не вернуться ли в ЛЭТИ и не поступить ли

⁴ «Весна в ЛЭТИ. 1953» // Культурный слой. 5 мая 2007. — URL: <https://www.5-tv.ru/programs/broadcast/501209/> (дата обращения 18.03.2024).

в аспирантуру. Но понимал, что поздно. «Весна в ЛЭТИ» стала точкой невозврата к досоциологической деятельности.

Легендарный спектакль «Смерть Вазир-Мухтара»

1969 г. ознаменовался в жизни Фирсова еще одним событием, куда более уникальным, чем защита кандидатской диссертации: по его сценарию был создан телеспектакль «Смерть Вазир-Мухтара»⁵. В основании сценария лежал одноименный роман Юрия Тынянова о последних месяцах жизни писателя и дипломата Александра Грибоедова (1795–1829) — полномочного представителя (на персидском языке — Вазир-Мухтар) Российской империи в Персии. Грибоедов трагически погиб в Тегеране, когда толпа религиозных фанатиков перебила практически всех сотрудников российского посольства.

Ставила телеспектакль известный режиссер Роза Сирóта, активно работавшая на ленинградском телевидении и в Большом драматическом театре (БДТ), где внесла значительный вклад в такие шедевры Георгия Товстоногова, как «Эзоп», «Варвары», «Идиот», «Синьор Марио пишет комедию», «Пять вечеров» и «Моя старшая сестра», «Мещане» и «Лиса и виноград». Вместе с Сирóтой в постановке «Смерти Вазир-Мухтара» участвовал и актер БДТ, режиссер и литератор Владимир Рецептер, исполнивший и главную роль — Александра Грибоедова. Не надо быть театралом, чтобы понимать, что в спектакле участвовала «звездная команда» актеров БДТ. Назову лишь несколько имен: Сергей Юрский, Владислав Стржельчик, Николай Трофимов, Вадим Медведев, Наталья Тенякова, Ефим Копелян, Евгений Лебедев, Григорий Гай и др.

Википедия сообщает, что спектакль был записан, смонтирован, одобрен художественным советом и анонсирован для показа по телевидению. Однако один из редакторов сопоставил, что именно в день трансляции Председатель Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный отправляется с визитом в Тегеран. Он решил посоветоваться с редактором на ступень выше, тот позвонил следующему, а последний — заместителю председателя Гостелерадио СССР Э. Мамедову, который, собственно, и отменил передачу. Причина запрета была политической, СССР заигрывал с Ираном, и упоминание о тегеранской трагедии было не ко времени.

В октябре 1970 г. группа ленинградских театральных деятелей обратилась в Гостелерадио СССР с письмом (оно было подписано Ю. Толубеевым и Г. Товстоноговым) с просьбой о закрытом показе работы на секции драматических театров Ленинграда, но был получен отказ. Однако в Москве закрытый просмотр был разрешен

⁵ «Смерть Вазир-Мухтара». Телеспектакль по роману Ю. Тынянова (1969 г.). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kLPXku7CuQE> (дата обращения 18.03.2024).

в Театральном музее им. А.А. Бахрушина. После просмотра, вызвавшего полное одобрение московской интеллигенции, Роза Сирота сказала: «...фильм получился, артисты замечательные... Но лезть на стенку... Ей-богу, не знаю... Пусть остается легендой!»

Так оно и стало. Еще одна легенда в нашей культуре. И в российской социологии.

О чем только мы с БМ за долгие годы дружбы не говорили, но он никогда не вспоминал этот спектакль. Но в июне 2017 г., во время последней нашей встречи, когда я работал над незавершенной книгой о Фирсове и как-то узнал о «Вазир-Мухтаре», я задал ему несколько вопросов. Он несколько удивился, но вспоминать эту историю не захотел. Видимо, все случившееся хранилось в дальних уголках памяти.

«По обе стороны рампы»

«По обе стороны рампы» [5] — название последней книги Б.М. Фирсова, над которой он работал совместно с Наталией Печерской, сотрудницей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Книга — о театральной жизни: о зрителях и творцах театрального искусства.

На сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов 14 мая 2021 г. был размещен мой пост о выходе в серии ЖЗЛ книги «Борис Фирсов». Пост начинался так: «Я часто звоню Борису Максимовичу Фирсову, позвонил и в среду 5 мая. Поздравил его с Днем Победы, он — блокадник и знает, что такое война. Поговорили за жизнь. У него уже наступал вечер, голос был усталым, и был он не в лучшем настроении; поводы есть. Но сказал, что закончил работу над рукописью новой книги с условным названием “По обе стороны рампы”» [2]. Это сборник материалов многолетнего изучения группой «Социология и театр» репертуара и зрителей ленинградских драматических театров. На протяжении всех 1980-х гг. Фирсов активно поддерживал этот проект, а в последние годы руководил всей работой. Я знал, что в дальнем углу антресолей БМ хранил материалы этого исследования и что он начинал готовить их к публикации. Возможно, он давно решил издать все это, если после завершения других дел у него будут силы окунуться в театральную жизнь предперестроечного Ленинграда. Сообщение о завершении этой работы обрадовало меня, так как я был постоянным участником этого проекта.

Прошло два с половиной года. Фирсову уже 94 года, и книга «По обе стороны рампы. Театральная жизнь Ленинграда (1981–1989)», созданная тоже совместно с Н. Печерской, начала свою жизнь — думая, долгую и активную. Она — для социологов и театроведов, для историков культуры и просто для любителей и ценителей театра. Она — о спектаклях и атмосфере театра, о зрителях и творцах сценического искусства.

Все началось в 1973 г., когда был образован костяк исследовательского коллектива «Социология и театр», который при поддержке Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества приступил к анализу репертуара Ленинградского драматического театра. Оглядываясь на полвека в прошлое, без ложной скромности скажу: эта исследовательская команда оказалась способной к восприятию непростых вызовов времени. Мы — несколько социологов и театроведов — все были молоды и достаточно опытны профессионально, нам было интересно работать. Самый зрелый Фирсов (44 года) согласился стать нашим консультантом. У него не только был опыт исследователя массовой коммуникации и культуры, но в силу истории его многообразной досоциологической деятельности он обладал огромным авторитетом среди лидеров ленинградского актерско-режиссерского цеха. Они знали его как директора Ленинградского телевидения в 1962–1966 гг., признаваемых сегодня «золотым временем» ленинградского ТВ.

Вспоминается история, показывающая, что исследование театральной жизни Ленинграда могло бы и не состояться. Наверное, в 1974 г. или в начале 1975 г. был первый отчет группы о проделанной работе. На одной стороне большого стола сидели все члены исследовательской команды, на другой — расположились главные режиссеры драматических театров города. Большую часть всего обсуждения вел Кирилл Юрьевич Лавров в гриме В.И. Ленина, он приехал со съемок какого-то фильма об Ильиче. Первое слово было предоставлено руководителю исследования театроведу и социологу Виталию Дмитриевскому, он рассказал об основных выводах наших теоретических и эмпирических поисков. Потом началось «избиение» социологов, главные режиссеры — народ зубастый и в словах не очень разборчивый. Обстановка накалилась, помню, я впервые в жизни осознал, что сердце расположено в левой стороне груди. Когда почти все главрежи отстрелялись по нам, попросили сказать о работе консультанта исследования. Фирсов отметил принципиальную новизну социологического анализа театрального репертуара, сложность перевода театроведческого языка на социологический, серьезное отношение исследователей к своему делу и предложил одобрить сделанное и дать возможность группе продолжить начатое дело. Тишина... И здесь поднялся актер и режиссер Игорь Владимиров — высокий, мощный, седовласый — и сказал: «Я мало что понял в сделанном социологами, но за многие годы знакомства с Фирсовым я привык ему верить. Давайте разрешим социологам продолжить работу». Его поддержал и Лавров-Ильич. Итог: исследование продолжалось до конца 1980-х.

Я не помню, ощущали ли мы, что в конце 1980-х гг. завершается наш многолетний «театральный роман». Поначалу — нет, но потом

стало ясно, что в огне брода нет. Все стремительно менялось, но важно то, что работа все же была завершена.

Прошло много лет, методология и выводы социологического анализа жизни драматического театра Ленинграда на значительном отрезке 1970—1980-х гг. отражены в статьях, сборниках, книгах, но Фирсов — с его особым пониманием времени и трепетным, почти священным отношением к сделанному — чувствовал свою ответственность за публикацию материалов, годами хранившихся на антресолях. Книга увидела свет за полгода до смерти БМ. Предрекаю ей значимое место в социологии и театроведении России, в российском культуроведении.

Он разрешил себе уйти, только когда сделал все

Получив 18 января 2024 г. сообщение о смерти Бориса Максимовича Фирсова, я сразу написал в Facebook: «Сегодня не стало друга жизни... 30 декабря 2023 г. ушла Галина Степановна Фирсова. Это была его последняя зацепка за жизнь... Он ВСЕ сделал».

Ничего больше я написать не мог, внутри все то ли оборвалось, то ли замерзло. Я понимал, что не смогу проститься по-человечески с ним, и написал несколько строк друзьям, которые, по моим представлениям, должны были быть на панихиде и зачитать их: «Дорогой БМ, в откликах на твой уход частым оказывается слово “великий”. Точное слово... Ты не оставил Галю одну надолго. И в этом тоже твое величие... Осиротел твой дом на ул. Грота, который знал тебя 90 лет... Это важнейшая страница твоей жизни... Для меня ты — друг жизни. Был и останешься навсегда...»

Поясню слова о доме на улице Грота. В 1935 г. военнослужащий Максим Фирсов с молодой женой Лидией и шестилетним сыном Борей был послан служить в Ленинград и получил квартиру в доме на углу ул. Грота и ул. Профессора Попова на Петроградской стороне. Дом возводился для строителей коммунизма — небольшие квартирки и помещения общего назначения: библиотека, комната для занятий музыкой, игр детей. Все это в прошлом, и, возможно, БМ — единственный или один из очень немногих жителей этого многоквартирного коммунистического дома, который помнит те времена. У него были серьезные основания и большие возможности улучшить жилье, но он не делал этого.

Последние несколько лет БМ тяжело болел, и тяжело была больна его жена. Но он старался оставаться самим собой и неуклонно выполнял намеченное. Он всегда был таким.

В 2014 г. в связи с 85-летием Фирсова я написал о нем небольшой текст, который задумал озаглавить «Созидатель». Зная чуткость друга просто к добрым, без лести, словам в его адрес, я решил согласовать с ним заголовок. И получил отпор. БМ утверждал, что слово «созидатель» относится лишь к Всевышнему. Исчерпав все аргументы в поль-

зу применимости этого слова к человеку, много и в высшей степени продуктивно работающему, я обратился за помощью к нашим общим друзьям — высочайшего уровня профессионалам-социологам и нравственным авторитетам: Андрею Николаевичу Алексееву и Владимиру Александровичу Ядову, которые знали Фирсова дольше меня, с комсомольских времен. По их мнению, слово «созидатель» в полной мере было применимо к Фирсову, и они приняли мое предложение стать соавторами текста. В «Социологическом журнале» (2014, № 2) в качестве авторов указаны Алексеев и Докторов, Ядов тогда был главным редактором журнала и не разрешал себе часто появляться на его страницах. Но в петербургском социологическом журнале «Телескоп» (2014, № 3) указаны три автора: Алексеев, Докторов и Ядов.

Так, к нашей общей радости, Фирсов начал обоснованно входить в сознание нашего профессионального сообщества как Созидатель.

Мое интервью с Б.М. Фирсовым, в котором он рассказал о прожитом, начинается словами: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком» [7, с. 1]. Это был обет самому себе, и он выполнил его в полной мере.

Завершилась жизнь Бориса Максимовича Фирсова — выдающегося ученого и мощной личности. Окончилась биография, началась постбиография. Фирсов сделал все. Сохранение памяти о нем, или его постбиография, — дело его современников и следующих поколений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Personality

BORIS Z. DOKTOROV¹

¹ Independent researcher.

Foster City, California, USA.

A LITTLE KNOWN SIDE OF B.M. FIRSOV

Abstract. On the 18th of January we lost Boris Maksimovich Firsov (1929–2024), a scientist of exceptional magnitude and a person of extraordinary civic courage. He most certainly can be regarded as a man of different eras with rich and diverse life experience. Early on in his career he held high-ranking management positions, and he would later go on to conduct complex scientific and organizational operations in the field of sociology. His research covered various strata, states of mass consciousness, the history of sociology, and in more recent years — social history. Boris Firsov is responsible for establishing the Sociology institute of the RAS, he was the founder and first rector of the European University at St. Petersburg. He was frequently mentioned by his colleagues in their writing, and in the year 2021 a book by V. Vyzhutovich titled “Boris Firsov” came out as part of the “Life of remarkable people. Biography continues” book series. The author of

this article had been a friend and colleague of Firsov for half a century, and as such is in a position to detail certain aspects about the life of Mr. Firsov and his scientific research that are not well known to the public. The article goes into B. Firsov's involvement in the world of theater: his significant contribution to putting together a play called "Springtime at the LETI" [Leningrad Electro-Technical Institute] (1953) which was an early symbol of the political thaw; the script he wrote for a play called "The Death of Vazir-Mukhtar" (1969) that never got to be shown on television and was based on a novel by Yuri Tynyanov; him participating in a one-of-a-kind project known as "Sociology and theater" (1973–1989).

Keywords: Boris Maksimovich Firsov (1929–2024); Leningrad theater; sociology of theater; the history of sociology in Russia.

For citation: Doktorov, B.Z. A little known side of B.M. Firsov. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 171–190. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Докторов Б.З. Я живу в двуедином пространстве... М.: ЦСПиМ, 2020. — 288 с.
Doktorov B.Z. Ya zhivu v dvuedinom prostranstve... [I live in a dual space...] Moscow: TsSPiM publ., 2020. 288 p. (In Russ.)
2. На выход в серии ЖЗЛ книги «Борис Фирсов» // Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС) [электронный ресурс]. Дата обращения 18.03.2024. URL: <http://sociologists.spb.ru/news/1307-2021-05-14-10-11-29>
On the release of the book "Boris Firsov" in the "The lives of wonderful people" book series (LWP). *Sankt-Peterburgskaya assotsiatsiya sotsiologov (SPAS)*. [Saint Petersburg Association of Sociologists (SPAS).] Accessed 18.03.2024. URL: <http://sociologists.spb.ru/news/1307-2021-05-14-10-11-29> (In Russ.)
3. Невосторженные размышления. Интервью 1995–1996 / Ред.-сост.: Б.М. Фирсов, Н.В. Печерская. СПб.: Европейский университет в СПб., 2019. — 704 с.
Nevostorzhennye razmyshleniya. Interv'yu 1995–1996. [Unenthusiastic thoughts. Interview 1995–1996.] Ed. by: B.M. Firsov, N.V. Pecherskaya. Saint Petersburg: European University in St Petersburg publ., 2019. 704 p. (In Russ.)
4. Невосторженные размышления. Интервью 2018 года / Ред.-сост.: Б.М. Фирсов, Н.В. Печерская. СПб.: Европейский университет в СПб., 2021. — 384 с.
Nevostorzhennye razmyshleniya. Interv'yu 2018. [Unenthusiastic thoughts. Interview 2018.] Ed. by: B.M. Firsov, N.V. Pecherskaya. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v SPb. publ., 2021. 384 p. (In Russ.)

5. По обе стороны рампы. Театральная жизнь Ленинграда (1980–1989) / Ред.-сост. Б. Фирсов, Н. Печерская. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2023. — 332 с.
Po obe storony rampy. Teatral'naya zhizn' Leningrada (1980–1989). [On both sides of the ramp. Theatrical life of Leningrad (1980–1989).] Ed. and comp. by B. Firsov, N. Pecherskaya. Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb. publ., 2023. 332 p. (In Russ.)
6. Почти сорок лет спустя (Беседа Б. Докторова и Б. Фирсова) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 6–15.
Almost forty years later (Conversation between B. Doktorov and B. Firsov). Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2009. No. 3. P. 6–15. (In Russ.)
7. *Фирсов Б.М.* О себе и своем разномыслии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 1–22.
Firsov B.M. About myself and my differences of opinion. Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev. 2005. No. 1. P. 1–22. (In Russ.)
8. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского дома, 2008. — 543 с.
Firsov B.M. Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody. [Diversity in the USSR. 1940–1960s.] Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo doma publ., 2008. 543 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 18.03.2024; принята к публикации: 19.03.2024.

Received: 17.02.2024; revised after review: 18.03.2024; accepted for publication: 19.03.2024.

ПАМЯТИ М.Е. ИЛЛЕ

EDN: VHIVPN

(21.06.1952 — 27.12.2023)

27 декабря 2023 г. ушел из жизни наш петербургский коллега Михаил Евгеньевич Илле. Он был выпускником философского факультета ЛГУ, известным исследователем культуры и повседневности. С 1977 г. М.Е. Илле работал социологом в различных организациях своего города, преподавал, проводил исследования, опубликовал более 60 научных работ. Но, пожалуй, главным его детищем стал независимый региональный журнал по социологии и культурологии. Год его создания — 1997-й — пришелся не на самое простое для страны время. Но, видимо, именно это побудило М.Е. Илле создать площадку для обсуждения остросоциальных и повседневных проблем жителей Санкт-Петербурга. По сути, создание журнала стало проявлением личной ответственности его учредителя и редактора, подтверждением личной преданности социологии, своему городу. Поначалу журнал назывался «“Телескоп”»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», позже тематика его расширилась и он стал называться «“Телескоп”»: журнал социологических и маркетинговых исследований». Почти четверть века М.Е. Илле издавал этот журнал и только в период своей тяжелой болезни передоверил его коллегам.

Журнал «Телескоп» — это не только факт истории российской социологии, но и свидетель истории нашего общества, зафиксировавший на своих страницах многие социальные, политические, культурные процессы рубежа XX–XXI веков.

Редакция и редколлегия «Социологического журнала» благодарны М.Е. Илле за его подвижнический труд в области научной журналистики, за продвижение социологического знания. Мы глубоко соболезнуем родным, близким и коллегам Михаила Евгеньевича. Светлая ему память.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдинов

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2024. Том 30. № 1. Подписано к печати 27.03.2024.

Формат бумаги 70х100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б